

НИКОЛАЙ ГЛАЗКОВ

**НИКОЛАЙ
ГЛАЗКОВ**

хихимора

Николай Глазков

Поэтическая библиотека

Серия основана в 1993 году

НИКОЛАЙ ГЛАЗКОВ

хихимора

Москва 2007

ББК 84Р7-5

Г52

Оформление

Валерий Калныныш

В оформлении использованы рисунки А. Тышлера, И. Глазунова,
В. Алексеева, Н. Н. Глазкова

Г52 **Глазков Н. И.**
Хихимора. — М.: Время, 2007. — 536 с.: ил. — (Поэтическая
библиотека).

ISBN 978-5-9691-0180-X

Николай Глазков (1919–1979) — выдающийся поэт XX века, новатор, самобытный творец, основатель литературного направления «небывализм». При жизни почти не издавался. Объединяя странички со своими стихами, изготавливал поэтические тетрадки для узкого круга друзей и знакомых. Именно он ввёл в советскую лексику новое слово «самиздат» (первоначально сам-себя-издат). Книга «Хихимора» представляет различные грани поэзии Глазкова от первых опытов до произведений последних лет жизни.

ББК 84Р7-5

ISBN 978-5-9691-0180-X

© Н. Н. Глазков, наследник, составление, 2007
© «Время», 2007

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Я рад возможности показать читателю мир поэта. О масштабе дарования предоставляю судить вам. Мне же хотелось, чтобы стихи нашли отклик в вашей душе и возникло бы желание перечитать их ещё раз. Некоторые ранние произведения автора многовариантны. Удачные строфы порой кочевали из поэмы в поэму, в этом была одна из особенностей его творческого поиска...

Хотелось бы также познакомить читателя с ранее неизвестными стихами Николая Глазкова. При жизни он так и не дождался опубликования большей части из написанного, для него это был вопрос не только славы, но и возможности донести добрые истины до широкой аудитории. Порой он с горькой усмешкой говорил коллегам: «Вам, чтобы печататься, нужно писать лучше, а мне — писать хуже». Стратегический выигрыш был сопряжён с тактическим проигрышем. О его жизни написаны замечательные книги воспоминаний, снят фильм, установлена мемориальная доска на доме, где он родился. Высочайшую оценку его творчеству дали крупные поэты-современники, о нём много писали литературоведы...

Истинная поэзия не боится времени.

Н. Н. Глазков

я на мирзираю

* * *

Некий царь из тех династий,
Что боятся гнева масс,
Со своей царицей Настей
Улететь решил на Марс.

Там, где в северном сиянье
Дремлют северные льды,
Прилетели марсиане
И поставили шатры.
1925

* * *

Рекламы города цветут
Движеньем и огнём.
Четыре девушки идут
И думают о нём.

А почему не обо мне,
Чем хуже я его?
Ничем не хуже, но оне
Не смыслят ничего.
1933

* * *

По небосклону двигалась луна
И отражалась в н-ской луже,
И чувствовалась в луже глубина,
Казалось, лужа в миллион раз глубже.
1937

ПИРАТ

В морской утонувши пучине,
Мог быть достоянием крабов
Иль где-нибудь в знойной пустыне
Рабом разъярённых арабов.

Не раз на съеденье акулы
Его обрекали матросы,
Но он им сворачивал скулы,
Спокойно куря папиросы.

Не раз с берегов Сенегала
Ему угрожали кончиной, —
Он вешал юсланца-нахала
На длинном конце парусины.

Он грабил далёкие страны.
Под жизни скитальческой склон
Залечивать старые раны
Поехал на родину он.

И смерть восприял на постели
В одну из морозных ночей
Под северный ропот метели,
Под сдержанный шёпот врачей.
1937

* * *

Не хочет Бог, чтоб каждый верил в Бога,
Ему пустая вера не нужна,
Людей он судит праведно и строго,
Лишь добрые дела — к нему дорога,
И, вероятно, им не грош цена!

* * *

В тот день улетучилась к чёрту победа,
И это трагически понято мной,
Но я утверждаю, что званья поэта
Достоин, как званья иного — иной.
1937

ШАГРЕНЕВАЯ КОЖА

Желать — нас сжигает,
Нас мочь — разрушает,
Дарует спокойствие — знать,
Но чаще бывает,
Что счастье внушает
Не видеть и знать,
А желать.

И все мы, конечно,
Желать бесконечно,
Желать безрассудно не прочь,
И все мы беспечно
Желаем, чтоб вечно
Желать превращалось бы в мочь.
1937

* * *

Мне ночь дарует мрак,
Сверлит сознание рок.
Да здравствует дурак,
Проникнувший в мирок.

А я совсем не то,
И песнь моя не та.
Я гений и знаток;
Но действую не так.
1938

* * *

Люди бегут на лыжах,
Желая кому-то добра.
Налёт на цинковых крышах
Солнца и серебра.
Так лета пролетали.
Хотелось хорошего мне б!
Но цинком струит планетарий
Изнанку каких-то неб.
Смотрит на город витрина,
Ни холодно ей, ни тепло.
Похоже на паутину
Треснувшее стекло.
Загромождено мелочами
Течение большого дня.
Люди не замечают
Ни мелочей, ни меня.

Если добраться до истин,
Ни одна трава не сорняк:
Пусть бесполезны листья —
Значит, польза в корнях!..
Много стихов сочинил я
Про то, как жизнь хороша.
Пальцы мои в чернилах,
Пальцы, а не душа!
1938

ЗАКЛИНАНИЕ ОТ ХОЛОДА

Путь дамасский,
Веками начертанный,
Краски да маски —
На чёрта нам.
Осталась
Усталость,
Да вот под рукой
Дорога
До Бога.
Пойдём по другой.
Вертится громада,
Шар как.
Ногами не надо
Шаркать.
И жарка
Прохлада.
И градус
На радость,
И выпьем,
И выьем бокалы.
1938

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Диалектический контакт
Явления сущности и сущности явлений,
Действительность, ты проходящий акт
В трагедии эпох и поколений.

И это повторяющийся факт,
Которому нельзя не покоряться,

Хоть факт упрям, но мы живём в антракт,
Где проходит смена делегаций.

В такие дни стихи срывают с губ —
Зажатые в какой-то жуткой сумме —
Во-первых, тот, кто молодецки глуп,
А во-вторых, кто дьявольски безумен.
1938

* * *

Шкура онагра из Азии
Путь свой в Париж завершила.
Стоит ли бочка мальвазии
Сенского ила.

Смерти за жизнью погоню
Шкура устроила. Что же.
Разве не стоит агонии
Лоскут шагреновой кожи?!
1938

* * *

Жизнь — путёвка в Сибирь,
И грехов отпущенье,
И стихов календарь.
Жизнь люблю не за быть,
За одно ощущение —
Взгляд, направленный вдаль.
1938

ВОРОН

Чёрный ворон, чёрный дьявол,
Мистицизму научась,
Прилетел на белый мрамор
В час полночный, чёрный час.

Я спросил его: «Удастся
Мне в ближайшие года
Где-нибудь найти богатство?»
Он ответил: «Никогда!»

Я сказал: «В богатстве мнимом
Сгинет лет моих орда.
Всё же буду я любимым?»
Он ответил: «Никогда!»

Я сказал: «Пусть в личной жизни
Неудачник я всегда.
Но народы в коммунизме
Сыщут счастье?» — «Никогда!»

И на все мои вопросы,
Где возможны «нет» и «да»,
Отвечал вещатель грозный
Безутешным «Никогда!».

Я спросил: «Какие в Чили
Существуют города?»
Он ответил: «Никогда!» —
И его разоблачили.
1938

* * *

Как рыбы, золотые купола
Плывут туда, где небо синевеет,
Из той страны, которая была,
В такую даль, которая новее.

Они плывут, как рыбы, из былого,
А мимо них, виденцев старины,
Проходим мы, поэты-рыболовы,
И прочие рабочие страны.

1938

* * *

Водка жизни испита,
Каждый шаг — как путь пологий.
Путь пройденный — как спектакль,
Отшумевший в эпилоге.

И твердится: отомсти, мол,
Поклянясь пред небосводом,
Потому что это — стимул
Тоже жизни и чего-то.

1939

БАЛЛАДА БАЛЛАД

Лампа мигала вечер,
Ресницы сходились у глаз,
И расходились, как будто в вечность,
Каких-то четыре угла.

В дверь вошёл незнакомец,
Сунул мне пузырёк.
И, со мной не знакомясь,
Следующее изрёк:

— На стены эти побрызгивайте,
А нам — разойтись дорогами.
Предметы, которые близки вам, те
Обязательно будут далёкими.

Так незнакомец сказал и сгинул,
А я начал брызгать.
Даже наполовину
Мне ничего не близко.

Но что-то стало глаза слипать,
Послышался грохот где-то.
И я на кровать повалился спать,
Усталый и нераздетый.

Потом — вспоминаю — проснулся. Полдень,
Наверно, тогда стоял,
И подле меня заметала пол тень
От маленького стола.

Жалкая комната стала залой,
Выросла раз в тыщу,
Однако прежним объёмом связало
Одежду, мебель и пищу.

И я подумал... Итак, тогда бы
Осенила идея? Во-первых,
Из пузырька остаток накапал
На воду, на хлеб, на консервы.

Во-вторых, меня клонило ко сну,
Заснул и видел во сне,
Что капаю каплями на казну
И червонцы летят, как снег.

Опять — вспоминаю — проснулся. Вечер,
И стол обставлен вкруг.
Увидел, что едой обеспечен
И с голода не умру.

И в самом деле отрадное зрелище:
Стол обставлен весь.
Вспомнил я, что не ел ещё,
И решил есть.

Обычно я за едой читал,
Но — не было, знать, газет —
Глаза в этот раз свободны. Итак,
Я стал глазеть:

Зала сперва превращалась в площадь,
Площадь потом в поле, и
Нарастало поле позже
Более и более.

Наконец превратилось в безбрежное море.
Бр-р-р... Неприятно.
И я подумал: «По-моему,
Я заключён в необъятное!»
1939

* * *

Есть на этом свете счастье?
Я спросил, и мне в ответ
Филин ночью, утром ястреб
Сообщили: «Счастья нет!»
«Счастья в мире много очень,
И для счастья мы живём!» —
Соловей поведал ночью,
Ласточка сказала днём!

* * *

В созвездья линзами двоякими
Труба смотрела Галилея.
В страну, открытую варягами,
Плыла Колумба корабля.

В страну открытую, забытую —
Таков удел любых Америк.
А старый мир стал картой битою,
Наивной картой Птолемея.
1939

* * *

В недрах соответствующего строя
Веял исторический борей,
И простой пастух, свирель настроя,
Воспевал идиллии полей.

Он не знал, что за работу плату
Всякий должен получать мастак,
Что противники матриархата
Говорили: мать твою растак!

Что друг друга невзлюбили люди
И вооружились до зубов,
Что огромная эпоха будет
Эрою свободных и рабов...

Но уже прошла эпоха эта.
Тот певец древнее, чем Гомер.
Мыслят современные поэты
Образами радужных химер.
1939

* * *

Я ненавижу эти правила,
Они поправили все права.
Пускай судьба меня облаяла,
Но — сам себе я голова.
1940

* * *

Будут гонки, либо ралли —
Всё за те же гроши, —
Мы маршрут не выбирали
И машину тоже.

* * *

Путь азбучных истин неведом,
Но он начинается с «я»,
И, может быть, именно в этом
Сермяжная правда вся.
1940

* * *

Был легковверен и юн я,
Сбило меня с путей
Двадцать второе июня —
Очень недобрый день.

Жизнь захлебнулась в событиях,
Общих для всей страны,
И никогда не забыть их —
Первых минут войны!..
1941

ПСАЛОМ

В стихах ничего лишнего —
И в этом моё спасенье,
Живущий под кроной Всевышнего,
Под самой надёжной сенью.

Шатаюсь, как все, по городу,
Чёрт знает чего не выдумую,
Но я говорю Господу:
Прибежище моё и защита моя.

А в своих стихах своего лица
Не могу я иметь разве?
Он избавит меня от сети ловца
И от губительной язвы...

Всё равно, где минус и где плюс.
Всё пускай вверх дном,
Ужасов в ночи не убоюсь
И стрелы, летящей днём.

Язвы, ходящей во мраке,
Заразы, опустошающей в полдень.
И уцелею в драке,
Чтоб путь до конца был пройден.

Скажу, что Господь — моё упование,
Всевышнего я избрал своим прибежищем.
Когда доживу я до пированья,
То быть перестану посмешищем.

Не приключится мне зло,
Язва не приблизится к телищу.
Дал Господь поэта ремесло —
Голос Господа я слышу.

Наступлю на аспида и василиска,
Попирать буду льва и дракона.
Будет победа близко
Мне как поэту знакома.

За то, что имя Его познал,
Не спросит, зачем я стихи писал.
Любовная лодка не разобьётся о быт,
Господь Бог,
Он всё видит, всё знает.

На Него я надеюсь. Не буду убит.
Он избавит меня и прославит.

И пускай я теперь где-нибудь на дне,
Ощуцаю своё воскрешение:
Он насытит меня долгою дней
И мне явит мое спасение.

* * *

Век двадцатый войной исковеркан.
Осознал с головы до пят его.
В глубину двадцать первого века
Я смотрю с высоты двадцать пятого.

Я смотрю сквозь веков венки,
Не вступивших ещё в обращение.
И ещё я смотрю сквозь бинокль
Поэтического обобщения.

Вижу город, где нет для ближнего
Никаких наказаний лютых
И совсем ничего лишнего
Ни в стихах, ни в вещах, ни в людях.

На земле никому не тесно,
Не дерётся с народом народ.
Скажут — это неинтересно,
А по-моему, наоборот.

1940-е

* * *

Я быть хочу смелее всех
По беспредельности размаха,
Но самый смелый человек
Бойтся собственного страха.
1940

* * *

Проходя по знойному Арбату,
Я мечтал всегда по мелочам.
И людей бегущую громаду
Я, не изучая, замечал.

Я не знал, куда они спешили, —
Всяк по-своему спешил пожить, —
Но проверено, как дважды два четыре:
Мне некуда больше спешить.

Всё суета сует и всяческая суета.
Я всех люблю. Желаю всем успеха.
Но не влияет на меня среда.
Я всё могу, но только мне не к спеху.
1940

* * *

Не я живу в великом времени,
А времена живут во мне.
С тех пор как стали жить во мне они,
Я стал честнее и умней.

Я в ночь одну продумал заново
Мышленья тысячи ночей,
И облака нависли саваном
Над городом из кирпичей.

А над зелёными полянами,
Тоскою звёзд запылена,
Луна огромная и пьяная,
Такая блядская луна.

Ночными ливнями освистана,
Смотрела, как идёт гроза,
И навсегда возникла издавна,
Бросаясь в небо, как в глаза.
1940

* * *

А если пыль дорожная
И путь ведёт в Сибирь,
То всё равно как должное
Приемлю эту пыль.

* * *

Я мог бы прочитав Расина
И ознакомиться с Европой,
Да не хватает керосина,
А в темноте... пойдя попробуй.

* * *

Поэзия! Ты не потерпишь фальши
От самого любимого поэта.
Я для себя пишу всё это. Дальше
Плывут стихов задумчивые баржи.

Я для себя пишу — и в равной мере
Для всех других. Они прочтут поэта,
Который ненавидит лицемерье
И скуку открываемых Америк.

И если я не буду напечатан,
А мне печататься сегодня надо,
То я умру, швырнув в лицо перчатку
Всем современникам, — эпоха виновата!

Я захлебнусь своими же стихами,
Любимый, но и не любимый всеми.
Прощай, страна! Во мне твоё дыхание,
Твоя уверенность, твоё спасенье.
1940

* * *

Если не по шучьему веленью,
То тогда веленью по чьему
Пропадает наше поколение —
Для чего? Зачем? И почему?
1941

ЛАПОТЬ

Валялся лапоть на дороге,
Как будто пьяный.
И месяц осветил двурогий
Бугры и ямы.

А лапоть — это символ счастья, —
А счастье мимо
Проходит, ибо счастье с честью
Несовместимо.

В пространстве, где валялся лапоть,
Бродил с гитарой
НН, любивший девок лапать,
Развратник старый.

НН любил читать Баркова
И девок лапать,
И, как железная подкова,
Валялся лапоть.

И как соломенная крыша,
И листья в осень...
То шёл бродяга из Парижа
И лапоть бросил.

Под ним земные были недра,
Он шёл из плена.
Бродяга был заклтый недруг
Того НН-а.

Была весна, и пели птички.
НН стал шарить

В карманах, где лежали спички,
Чтоб лапоть жарить.

И вспыхнул лапоть во мраке вечера.
Подобно вольтовой дуге.
Горел тот лапоть и отсвечивал
На всём пространстве вдалеке.

Какой-то придорожный камень
Швырнув ногой,
Бродяга вдруг пошёл на пламень,
То есть огонь.

А лапоть, став огня основой,
Сгорел, как Рим.
Тогда схватил бродяга новый
Кленовый клин.

Непостижимо и мгновенно,
Секунды в две,
Ударил клином он НН-а
По голове.

Бить — способ старый, но не новый —
По головам,
И раскололся клин кленовый
Напополам.

Тогда пошёл НН в атаку,
На смертный бой
И начал ударять бродягу
Он головой.

Всё в этом мире спор да битва,
Вражда да ложь.
НН зачем-то вынул бритву,
Бродяга — нож.

Они зарезали друг друга,
Ну а потом
Они пожмут друг другу руку
На свете том.

Поскачут также на конях,
Вдвоём, не врозь,
И вместе станут пить коньяк
Небесных звёзд.

1942

* * *

Я не знаю, братцы,
Что с чего берётся.
Надоело драться,
Драться и бороться.

А за дело браться,
Может, и охота,
Но наскучил панцирь
Нео-Дон Кихота.

И у нас в двадцатом
Не найти дворца там,
Не нарежу шпагой
Бурдюки с малагой,

Не пойду мечети
Покорять мечом,
Ибо даже черти
Нынче нипочём.

1942

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В САМОМ СЖАТОМ ВИДЕ

Чуть дремлет недремлющий пламень,
Затихший, но вечный огонь.
Резьбою изрезанный камень
Глядит первобытной строкой.

Объемлет селения пламень,
Но им освещается мгла,
А зодчим отвергнутый камень
Ложится главою угла!

1942

* * *

Существуют четыре пути.
Первый путь — что-нибудь обойти.

Путь второй — отрицание, ибо
Признаётся негодным что-либо.

Третий путь — на второй не похож он,
В нём предмет признается хорошим.

И четвёртый есть путь — настоящий,
Над пространством путей надстоящий:

В нём предмет помещается в мире.
Всех путей существует четыре.

1942

* * *

Я был дураком, стариком, инвалидом,
Названиями щедро себя наградя;
Но я не предатель: себя я не выдам, —
Теперь я отъявленный негодяй!

Я стал дорожить настоящей минутой
И новой своей повинюсь судьбе;
Но быть не могу и не буду Иудой,
А всё остальное — прощаю себе.

* * *

Кто за меня, кто за него,
Не всё равно, не все равны;
Но на себя на самого
Я посмотрел со стороны.

Мой предок раб. Мой предок скиф.
Он неразборчив был на средства,
И недостатков нет таких,
Что б я не получил в наследство.

Как предок, для своих побед
Готов идти на что попало.
Но я пророк. Но я поэт,
Хочу, чтоб было небывало.

И в то же время надо мне,
Моё чтоб имя стало громким,
И я шатаюсь по стране,
Что между предком и потомком.
1943

ПРО ОДНОГЛАЗОК

Решил Господь внезапно, сразу:
Поотниму
У большинства людей по глазу,
По одному.

Куда ни глянь, везде циклопы,
Но волей Бога
Кой у кого остались оба
Ока.

Циклопы, вырвавшись из сказок,
Входили в моду.
И стали звать они двуглазок —
Уроды!

Двуглазки в меньшинстве остались,
И между ними
Нашлись, которые старались
Глядеть одним, и

Хоть это было неудобно
Двуглазым массам,
Зато прилично и подобно
Всем одноглазым.

1943

* * *

Молодость проходит удалая.
Молодец совсем не тот, кто в морду даст.
Наступает старость — и вторая
После старости наступит молодость.

Я хочу, чтоб вечно пировали
Дни мои, не ведая усталости,
Но сейчас торчу на перевале,
И в плену у смерти и у старости.

1944

* * *

Ежели ты праведник,
Прохожий,
И тебе поставят памятник
Похожий, —

Можешь не бояться:
Хватит меди —
Будешь любоваться
После смерти.

1944

* * *

Но если путь к иным победам
Я предпочту иным дорогам,
Тогда не буду я поэтом,
Тогда не буду я пророком.

Я обрету людей степенность,
Я принесу немало пользы,
Меня признает современность,
Но обо мне забудут после.

1944

* * *

Мы любим жизнь со всеми трын-травами,
Которые увидели воочию.
Хорошим быть — такое дарованье,
Которому способствуют все прочие.

Как мудрецы, мы волосы ерошим
И всевозможные вопросы ставим.
Бездарный человек не может быть хорошим,
Хотя бы потому, что он бездарен.

Он обыватель в худшем смысле слова,
Всегда слывет за моего врага.
Он крепко ненавидит всё, что ново,
На всех пространствах и во все века.

С отвагой безошибочного труса
Он распинал Иисуса на кресте,
Чтобы потом во имя Иисуса
Сжигать Джордано Бруно на костре.

1945

* * *

Не Дон Кихот я и не Гулливер,
И книгою меня не наградили.
И у меня царя нет в голове.
Так что ж? Там у меня демократия.

Мне не нужны Парнас или Олимп,
И мысли у меня не арестантки.
Двугривенные мне напоминают рыб,
И ложки мне напоминают танки.

И ни одной стены не пробивал я лбом.
Куда бы я ни шёл, я приходил домой.
Пусть мои стихи публичный дом,
Но не являются они ничьей тюрьмой.
1945

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ ПОД СТОЛОМ

Ощущаю мир во всём величии,
Обобщаю даже пустяки,
Как поэты, полон безразличия
Ко всему тому, что не стихи.

Лез всю жизнь в богатые да в гении,
Для веселия планета пусть стара.
Я без бочки Диогена диогеннее
И увидел мир из-под стола.

Знаю, души всех людей в ушибах,
Не хватает хлеба и вина,
Пастернак отрёкся от ошибок, —
Вот какие нынче времена.

Знаю я, что ничего нет должного.
Что стихи? В стихах одни слова.
Мне бы кисть великого художника,
Карточки тогда бы рисовал

Продовольственные или хлебные,
Р-4 или литер Б.
Мысли, изумительно нелепые,
Так и лезут в голову теперь.

И на мир взираю из-под столика:
Век двадцатый, век необычайный, —
Чем столетье интересней для историка,
Тем для современника печальней.

Я мудрец, и всяческое дело чту,
А стихи мои нужны для пира.
Если ты мне друг, достань мне девочку,
Но такую, чтоб меня любила.
1945

* * *

Чья душа настолько измельчала,
Что отдаст меня за огурец?
Где оно, великое начало,
Положившее всему конец?

От всего немного отведав,
Я смотрю на всё издалека.
По путям вопросов и ответов
Очень быстрая езда легка.

По путям ответов без вопросов
Очень быстрая езда трудна —
И торчу, непризнанный философ,
В океане Истины, у дна.

* * *

Азбука теней
Тоже не без «а».
Тени простыней
Вхожи в небеса.

Тени на стене —
Вроде обезьян.
Азбука теней
Тоже не без «я».

В азбуке теней,
Как в миру вещей,
Плავает тюлень,
В частности, вообще ль?

Азбуки такой
Нет как таковой!
Мне она на кой?
Заслоню рукой!

Но из-под руки,
Где ещё темней,
Скачут старики
Азбуки теней!

СРЕДНЕАЗИАТСКОЕ

Трава особого изделия
В пустыне. С ней сравнится степь ли?
Как будто сделаны из дерева
Подобные верблюдам стебли.

Они живут в сушёном воздухе
И очень редко видят влагу.
Колючки острые, как гвоздики,
Вонзаются мгновенно в руку,

Когда срываешь их. Вонзаются и
Больше ничего не скажут.
Им не нужны дождём оvationи,
И ничего они не жаждут.
1947

* * *

Рыба преисполнена доверья
К рекам непочатой глубины;
Рыба любит хвойные деревья
Над простором теневой волны.

Рыба любит клён, берёзу, липу
И сквозь листья — кружево небес.
Всякий человек, кто любит рыбу,
Должен полюбить зелёный лес.
1948-1949

* * *

Все, которые на крыше
Жизнь свою пропировали,
К звёздам всё-таки не ближе,
Чем живущие в подвале.

* * *

Поглядеть велит сам бог нам
На сирень перед окном,
Потому что передохнем,
Если не передохнём!

* * *

Бывают в нашей жизни величины
Сложней привычных степеней, корней:
Так женщина умнее, чем мужчина,
Ну а мужчина — женщины умней!

ПРИМИТИВ

Москва. Декабрь. Пятьдесят первый год.
Двадцатый, а не двадцать первый век.
Я друг своих удач, и враг невзгод,
И очень примитивный человек.

А за окном обыкновенный снег,
Его бы мог сравнить я с серебром.
Зачем? Я примитивный человек,
Который платит за добро добром.

Который понимает, что зимой
Снег популярен — потому воспет.
А я предпочитаю летний зной
И вешних яблонь белоснежный цвет.

Мне счастье улыбалось иногда,
Однако редко; чаще не везло,
Но я не обижался на года,
А возлюбил поэта ремесло.

Чтоб так же, как деревья и трава,
Стихи поэта были хороши,
Умело надо подбирать слова,
А не кичиться сложностью души.

Я по примеру всех простых людей
Предпочитаю счастье без борьбы!
Увижу реку — искупаюсь в ней,
Увижу лес — пойду собирать грибы.

Представится мне случай — буду пьян,
А не представится — останусь трезв,
И женщины находят в том изъян
И думают: а в чём тут интерес?

Но ежели об интересе речь,
Я примитивность выявлю опять:
С хорошей бабой интересно лечь,
А не игру в любовь переживать.

Я к сложным отношениям не привык,
Одна особа, кончившая вуз,
Сказала мне, что я простой мужик.
Да, это так, и этим я горжусь.

Мужик велик. Как богатырь былин,
Он идолищ поганных погромил,
И покорил Сибирь, и взял Берлин,
И написал роман «Война и мир»!

Правдиво отразить двадцатый век
Сумел в своих стихах поэт Глазков,
А что *он* сделал — сложный человек?..
Бюро, бюро придумал... пропусков!
1951

МОЯ ЖЕНА

Не две дороги светлого стекла,
Не две дороги и не две реки...
Здесь женщина любимая легла,
Раскинув ноги Волги и Оки.
Запрокинув руки рукавов
И золото своих песчаных кос,
Она лежит на ложе берегов
И равнодушно смотрит на откос.

Кто знает, что она моя жена?
Я для неё не пожалею строф,
Хотя я не дарил ей кружева
Великолепно связанных мостов.
Она моя жена, а я поэт..
Сто тысяч раз изменит мне она, —
Ни ревности, ни ненависти нет:
Бери её, она моя жена!

Она тебя утопит ни за грош:
Есть у нее на это глубина,
Но, если ты действительно хорош,
Возьми её — она моя жена.
Возьми её, одень её в гранит,
Труды и камни на неё затрать...
Она такая, что не устоит
И даст тебе всё то, что сможет дать!
1950-1951

* * *

Подальше убраться
Из мира огромности?
Подальше держаться
В тени или в скромности?..

Я слышал. Спасибо
За все поучения.
Лишь дохлая рыба
Плывёт по течению!

Я буду бороться
Со всем ненавистным мне
За счастье, за солнце,
За вечные истины!

За жизнь, за призвание,
За место, за звание!
Со всеми — и с вами,
Тупицы и бездари
1953

ЗА НОВОЕ СЧАСТЬЕ

На столе много разной закуски, и хлеба,
Апельсинов, пирожных, конфет, и вина...
Если б мог я взлететь в тридевятое небо
И отправиться в прошлые времена,

Я б туда захватил этот стол новогодний,
Превосходно накрытый богатой едой.
Я б из многих годов выбрал самый голодный:
Из столетья двадцатого — сорок второй.

Я созвал бы друзей самых лучших и милых,
На себе испытавших тяжёлые дни;
Я продуктами этими всех угостил их,
Так что были бы мною довольны они!

В нашей власти, друзья, сдвинуть горы и скалы,
Только старому горю не сможем помочь...
Так за новое счастье подыдем бокалы
В эту радостную новогоднюю ночь!
1955

ЗИМНЕЕ УТРО

Мне бы спать и спать, но просыпаюсь:
Череда забот сильнее зевот.
Зимнего рассвета белый парус
По утрам в поход меня зовёт.

Мне вставать не хочется с постели,
Мне бы спать и спать, но даль светла:
Ждут меня удачи и потери,
Ждут меня великие дела!
1958

* * *

Не очень трудно обмануть
Жену, друзей, весь свет.
Обманный путь, что санный путь,
Оставит лёгкий след.

Его, наверно, заметёт
Пороша или быт —
И не заметит, не найдёт
Прохожий следопыт.

Обманщик свой продолжит путь,
Нисколько не скорбя.
Совсем нетрудно обмануть
И самого себя.

Прольётся над обманом дождь
Иль вешняя вода —
И сам вовеки не найдёшь
Забытого следа.

И сам начнёшь искать тот след,
Но в том-то и беда,
Поймёшь: чего-то в жизни нет,
Исчезло навсегда!
1962

* * *

Людское коварство изведав,
Скажу, что не каждый — злодей,
Но люди не любят поэтов
И люди не любят людей.

Их дружба — тому подтвержденье
В течение многих веков:
Их дружба — друзей утвержденье
И ниспроверженье врагов.

Любовь — подтвержденье того же,
С чего ей вовек не свернуть:
Любимые только пригожи,
А все остальные — ничуть!

Изведав людское коварство,
Скажу, что не каждый — злодей,
Но люди, создав государство,
Не очень любили людей.

Любили своих неважнецки,
Своим у своих не везло,
Но били чужих молодецки,
Мечом воздавая за зло!

Изведав коварство людское,
Скажу, что не каждый — злодей,
Но сам я — от мира не скрою —
Любить не могу всех людей.

Опасней любви или злобы
Пустейшая их болтовня —
И сам я не требую, чтобы
Все люди любили меня!

ЧТО ЛУЧШЕ?

Жить в бочке, безусловно, мудрено —
И в бочке проживал один мудрец.
Другой мудрец из бочки пил вино,
А для жилья облюбовал дворец.
Но я не знаю, кто из них мудрей?

Царь Соломон имел десятки жён,
Кант ни одной красотки не имел.
Царь Соломон умён. И Кант умён.
И хороши они для всех времён,
Но я не знаю, кто из них умней?

Один живёт в пустынной стороне,
Другой предпочитает шумный град.
Мне хочется побыть наедине —
И видеть всех своих друзей подряд!..
Одно другое исключает пусть,
Но лучше что?! Ответить не берусь!
1962

РЕСТАВРАТОР

Был храм подвергнут разрушению
И в середине, и с боков.
Являл он мерзость запустенья
И благолепие веков.
И хорошо, конечно, братцы,
Что не снесли его в тот год,
Когда не смели разобраться,
Красавец он или урод.

Явился реставратор добрый,
Трудился, не жалея сил,
И храму первозданный облик
Великодушно возвратил.
И храм вознёсся величаво,
И засияли купола,
И нам предстала в блеске славы
Краса, которая была!

1965

ГИМН КЛОУНУ

Я поэт или клоун?
Я серьёзен иль нет?
Посмотреть если в корень,
Клоун тоже поэт.

Он силён, и спокоен,
И серьёзномышлён —
Потому он и клоун,
Потому и смешон.

Трудно в мире подлунном
Брать быка за рога.
Надо быть очень умным,
Чтоб сыграть дурака.

И, освоив страницы
Со счастливым концом,
Так легко притвориться
Дураку мудрецом!

1968

ДЕРВИШ И МОРЯК

Арабская притча

Шёл парусник по морю-океану,
Багдадский выппел реял на ветру.
Спросил учёный дервиш капитана:
— Читал ли ты священного Корана
Одиннадцатую суру?

— Нет, не читал мудрёной этой книги,
Аллах не научил меня читать.
— Полжизни потерял ты, неуч дикий,
Не осознал Корана благодать!
Полжизни ты утратил сумасбродно! —
Вёл дервиш поучительную речь.

Тем временем корабль о риф подводный
Ударился — образовалась течь.

Беды неотвратимой не поправить,
Но вдалеке виднеется земля.
Спросил тогда водитель корабля
У дервиша: — Умеешь ли ты плавать?

— Я плавать не умею, — молвил дервиш. —
Тому не научил меня Аллах!
Сказал моряк: — Коль плавать не умеешь,
Всю жизнь свою утратишь ты в волнах!

* * *

Взбираться по отвесным скалам сложно,
Рискованно и трудно, но возможно.

Плыть в бурном море трудно и опасно,
Но море даже бурное прекрасно.

Брести болотом тягостно, но хуже
Когда тебе предложат плавать в луже!

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Ноль как число не смотрится никак,
Но действует, как пограничный знак!
И у него, как крылья у орла,
Есть верхняя и нижняя шкала.

В любой науке понимая толк,
Ноль разделяет капитал и долг.
Живя на уровне морской волны,
Он в центре высоты и глубины.
Ноль отделяет воду ото льда,
От зноя отделяет холода.

Ноль — это разделения король:
И время, и пространство делит ноль.
Он разделяет бесконечность доль,
Но существует абсолютный ноль.
По Томсону, иль Кельвину, шкала
Не знает, что такое два крыла.
Там странный ноль — непостижимый знак.
А что за ним? Ничто? Безмолвье? Мрак?

Иль бесконечность антивещества,
Где процветают антисущества?
Иль за пространством скрытые миры?
Иль отчуждённость чёрной той дыры,
В которой красного смещения нет,
А действует смещение-фиолет?

Иль наше время движется там вспять?
Кому-то это суждено узнать!
Узнаем мы, которые живём
Над абсолютным кельвинским нулём!
1975

* * *

Не надо глупости бояться,
Она безвредная пока:
Есть мудрость в глупости паяца,
Весёлость — в шутке дурака.

Такая глупость не обманет
Того, кто разумом богат,
И гениальный Пиросмани
Был величаво глуповат!

Но мудрость ложная схоласта
Навязчива, как пыль степей, —
Она противнее гораздо,
И вредоносней, и глупей.

Не истина — победа в споре
Фальшивой мудрости нужна.
А глупость служит ей опорой —
И только потому вредна!

* * *

Есть преданье: Иуда повесился
На осине, на горькой осине, —
И дрожит мелкой дрожью невесело
Лист осины по этой причине.

Полагали так божии странники,
Но в садах Иорданской долины,
По проверенным данным ботаники,
Не росло ни единой осины.

А у нас острова есть лосиные,
И леса, и болота покуда
Чрезвычайно богаты осинами,
Но не вешается Иуда!
1977

* * *

За что мне нынче не лафа? —
Сам у себя спросил.
За все случайные слова,
Что я произносил.

За что болезнь ко мне пришла,
Меня лишила сил?
За все полезные дела,
Которых не свершил!

Вот так упадочно болей
Во цвете бурных лет.
А в отложении солей
Первопричины нет!

* * *

Что лучше: вежливость иль грубость?
Не торопитесь отвечать.
Бывает вежливость — как глупость:
На ней Манилова печать.
Бывает вежливость обмана,
Бывает вежливость вранья.
У очищающих карманы
Бывает вежливость — броня!
1978

* * *

Кем больше быть хочу, спросили
Меня товарищи-коллеги,
Талантливым поэтом или
Хорошим человеком?

«Хорошим человеком больше
Желаю быть», — я им ответил.
И три десятилетия после
Старался быть и тем, и этим.

До объективности дорос,
Итоги подвести осталось:
Поэтом стать мне удалось,
Быть человеком — удавалось!
1978

* * *

Жить и жить — полезней и прелестней,
Чем лекарства смерти принимать.
После продолжительной болезни
Жить и жить мне хочется опять.

Живописны яблони и вишни,
И, беспомощно ложась в постель,
Жить и жить хочу во имя жизни:
Жизнь — не средство, это — самоцель!

Увяданье, замерзанье грустно —
Радостно цветение цветка.
Жизнь — это искусство для искусства,
Смело устремлённое в века!
1978

МИРОВАЯ ДУРЬ

Поэма

Мы, египтянские рабы,
Таскали каменные глыбы,
А лучше, если б мы грибы
Сбирали и ловили рыбу.

Но там, где Нил, — он был хорош —
Светясь своим пространством водным, —
Не ставили нас ни во грош,
Молясь светилам и животным.

Чтоб надоевший фараон
Мог схорониться в пирамиде,
Нас был почти что миллион,
Граниты воздвигали мы те.

Смешались краски государств,
Все были армии разбиты...
От Древних, Средних, Новых царств
Одни осталась пирамиды.

Былую мощь не утвердить...
Но знатокам архитектуры
Никак не надоест твердить:
«То памятник былой культуры».

Мы, египтянские рабы,
Не разбираемся в культуре;
Но говорим без похвальбы:
«То памятники только дури!»

*

Мы зрители —
Поэты и мыслители.
Победы завоеваны не мной.
Но нет за мною никакой
Вины:
Я всё забыл и ничего не помню!
Я единица, разделённая на ноль
Волной войны,
И нет её огромней!
А почему она возникла
И губит наше поколение?
А почему стальные иглы
Не шьют сосновые поленья?
А почему винт гайки уже,
А у велосипедов руль?
А почему? Всё потому же.
Возникла мировая дурь.
Времени массу, труда и учёбы —
Разве это не глупо
Безжалостно тратить, чтобы
Людей превращать в трупы!
К тому же это напрасный труд:
Люди и без того умрут.
К чему, впрочем, фразы,
Почти что трусливые,
Когда на войне погибает народ.
Войны бывают несправедливые
И наоборот.
<...>
А я в военном деле нуль
И покорён строкою.
Однако мировая дурь
Мне не даёт покою.
Мои пороки и достоинства

В моих стихах найдет любой —
Важнее объяснить устройство
Всеобщей дури мировой.
На первый взгляд смущает сложность.
Но я возьму в доходность
Всему противоположность,
Различье и несходность.
Есть дурь, есть разум. Открывая
Он сокращает много бед.
Но дурь возникла мировая,
И происходит всё во вред.
«Взлечу, — мечтает разум, — выше
Орлов». И самолёт готов.
А вышло
Разрушение городов.
И так во всём, кроме стихов,
Но так устроен свет.
Что гибнет из-за пустыков
И суета сует.
Живёт — не тужит
Дурь мировая.
Ей разум служит,
Её не признавая.
А, изменяясь, всё течёт,
Воспламеняясь — всё горит,
И мудрецы на кой-то чёрт
Изобретают динамит.
Когда пройдёт войны волна,
Другой поэт другого мира
Мне скажет, что была война,
Которая происходила,
Историк забудет где, когда.
Двоятся события или троются —
Историк запомнит те года,
Которые вовсе не повторяются,

Душевная опустошённость,
Похожая на старость.
И надо всем довлеет рынок,
Как в древности когда-то.
Бегут слова, я раб игры их,
Они бегут, как даты.
Все начали ворочать тыщами
И в то же время стали нищими.
Все стали хорошими,
Все стали плохими,
Должно быть, такими,
Какими должны быть.
Война грохочется,
Всё ещё ворочаясь.
Мне очень хочется,
Чтобы закончилась.
Быв надоедою
И людоедою —
Будет победою
Над людоедами.
Победа будет равна победе
Над изначальным врагом.
Будет, как говорится, Эдем на планете,
А не негодяев притон.
<...>
С хладнокровьем математика
Я б хотел войну опошлить,
Чтоб военная романтика
Не манила в битвы больше.
<...>
Все мысли, и чувства, и страсти
Мои пускай будут равны
Такому огромному счастью,
Которое после войны,
1943

ПОЭМА МОЕЙ ЗВЕЗДЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Знаю, чтоб говорить про это,
Специальное нужно время,
И учёному, а не поэту
В ненаучной его поэме.

Но сейчас мне плевать на скромность,
Что всегда с лицемерием схожа,
Потому что Земли огромность
В бесконечном пространстве ничтожна.

Как поэт я имею право
Быть в числе гениальных немногих,
Потому что не мыслю здраво
По законам формальных логик.

И поэму творю, не сдрейфив
Перед силой научной мысли.
Над простором домов и деревьев
Отдалённые звёзды повисли.

Неужели войне проклятой
Даже звёзды подчинены?..
Но бывает: звезда девятой
Станет пятой величины!

Это значит, что звёзды-солнца —
Церемонные величины...
Если, скажем, звезда взорвётся,
То какая тому причина?

Иль звезда сама взорвалась,
Или эту звезду взорвали?
Я смотрю в пятисотый раз
На высокие звёздные дали...

Мыслью я, что звезде сиятельной
Не присущ столь безумный порыв:
Мыслью, что не самостоятельный
Со звездой приключился взрыв!

Что открыто глазам поэта,
Подтвердит астроном иной...
Мыслью, что не звезда, а планета
Взорвалась и слилась со звездой!

Взорвалась не от динамита
(Так что вздрогнула вечная мгла!) —
Лишь та сила, что в атоме скрыта,
Этот взрыв совершить могла!

А звезда стала ярче светиться,
И заметен с земли этот жест.
Очевидно, он мог совершиться
Под влияньем каких-то существ.

Иль сражались они меж собою
Беспощадней, чем люди Земли,
Иль стремились от холода к зною
Так, что новое солнце зажгли?

Мне, поэту, ответить несложно
На волнующий этот вопрос,
То возможно и это возможно —
Всё возможно, коль мыслить всерьёз!

Но не всё равнодушно приемлю
В дни, когда не стихает борьба,
Потому что и грешную землю
Ожидает такая ж судьба!..

Или недруг, коварный и злобный,
Станет сбрасывать бомбы на нас, —
Чтоб огромною атомной бомбой
Вся планета Земля взорвалась!

Или с атомным чудо-мотором
Величавый корабль-меж-планет
Устремится к просторам, которым
Ни конца и ни краю нет!

И Сатурн отдалённый взорвётся
По приказу народов Земли,
Чтобы новое светлое солнце
Мы увидеть на небе могли!

Чтобы дни наступили двойные,
Чтоб на Севере диком впервые
Порастаяли льды вековые,
Прорастали плоды золотые!

Чтобы люди на знойном Таймыре
Говорили о счастье и мире
И друг друга безумно любили...
Наши дни — это дни *или — или!*

Всё сегодня понятно и просто:
Жизнь Земли — смерть Земли: *или — или?*
Верю я в отдалённые звёзды
И в планеты, где мы победили!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Литератор иной
Увлечён целиной.
Там он тему ищет,
Серым волком рыщет
По дороге проселочной...

Я ж в поисках темы
Ухожу из системы
Солнечной.

В синем небе горит звезда,
А добраться туда лишь с такой
Быстротой,
Как свет,
Можно за девятьсот лет.

Я смотрю на эту звезду
И имею её в виду,
А звезда горит
И мне говорит:
«С точки зренья тепла и света
Я сильнее, чем солнце ваше,
Потому что своим планетам
Я сияю краше!

Знай, поэт,
Что на расстоянье
В девятьсот световых лет
Ты увидеть не в состоянье
Ни одну из моих планет!

Но над ними восходит мой диск
Еже-временно.

В том числе и планета Икс
Мне доверена.

Для неё, как наступит лето,
Не жалею я жара,
И подобна эта планета
Земному шару.

Там бушуют моря-океаны,
И срывается с гор вода;
Есть там разноречивые
Страны
И отличные
Города.
Постоянно
И неустанно
Между ними кипит вражда!»

Продолжает пространно
И странно
Свою повесть моя звезда:

«Там живут не скажу что люди,
Но разумные существа,
И убийственные
Орудья
Попирают
И защищают
Их таинственные
Права.

Обитатели Икс-планеты,
У природы разведав секреты,

Превзошли
Сыновой Земли.
Раньше вас разбудили атом
И в своём дерзании крылатом
По системе моей провели
Межпланетные корабли!

То, о чём лишь мечтали
Деды,
Смело осуществляли
Внуки.
Обитатели Икс-планеты
Развивали
Свои науки.

Покоряли свои просторы,
Применяли те же законы:
У них были свои Пифагоры,
Менделеевы, Эдисоны.

Пусть меняются нравы и вкусы,
Мысль,
Стремись
К потомкам от прадедов!..
Ведь квадрат гипотенузы
Равен сумме квадратов катетов!

Пусть не ведают друг о друге
Существа отдалённых планет;
Но в законах любой науки
Нравов нету и вкусов нет!

Развивались и шли к победе
Точно так же, как на Земле,

Все науки на Икс-планете,
И история в их числе!

Непохожи пускай траектории
Отдалённых планет,
Пусть бывают годы, которые
Длятся десять иль двадцать лет,
Пусть те годы не ваши,
Неважно, —
Я тебе другое открою:
Как герои Земли, отважны
Герои
Моей системы,
Твоей поэмы!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Может быть, знают только поэты
О последних днях Игрек-планеты.

На планете возникло два лагеря:
Лагерь Севера, лагерь Юга.
Они были большими оврагами
Отгорожены друг от друга.

И большими свинцовыми стенами,
И свинцово-стальными заставами.
Лагеря различались системами,
Лагеря различались уставами.

Различались идеологиями,
И ремеслами, и искусствами.

Оставались друг другу далёкими,
Оставались друг другу чуждыми.

Расхождение во всём обнаруживая,
Всё же сходство кой в чём имели,
Так как сверхводородным оружием
Обладали они в равной мере.

И когда наблюдатель рассеянный
Любовался сияньем жемчужным,
То генштаб совещался Северный:
Как покончить с лагерем Южным?

Ни резервами и ни нервами
Северяне южан не крепче...
Но начать если первыми, первыми,
То тогда победить будет легче.

Затруднения казались нетрудными;
Надо только решиться, осмелиться:
Не годами, а только секундами
Эта битва должна измериться.

Поворот рычага рубильника —
И все бомбы обрушатся веером,
И попробуй тогда не погибни-ка
Мир южан, ненавистный Северу.

Да, но температура, к примеру,
На планете так может повыситься,
Что сгорит сразу вся атмосфера —
Всё погибнет, а это бессмыслица!..

Но в генштабе единодушное
Восторжествовало желание:
Пусть погибнет система Южная,
Пусть не будет мешать процветанию!..

Чтоб практически гибель исследовать,
Надо действовать быстро и смело.
Не увидеть иначе победы ведь!..
Ну, а риск — благородное дело!..

Победила мечта неотвязная
Утвердиться по праву сильных,
И решение единогласное
Опустило властно рубильник!..

Опустивший рубильник, радуйся:
Ни на небе ты, ни в земле,
А в тебе миллионы градусов
Всё равно по какой шкале!

Как от Юга, так и от Севера
Всё равно ничего не осталось.
Все частицы предельно рассеяны,
Нет планеты. Бушует хаос.

Нет ни твёрдого тела, ни жидкости,
Нет и газа, есть только энергия,
Что смогла фантастически вырасти,
Электронов орбиты коверкая!..

А учёный Земли или Марса,
В телескоп рассмотрев это бедствие,
Заклучит, что в таком-то созвездии
Превратилась в энергию масса!

Но событие это случилось
Девятьсот лет тому назад:
Столько вспышка эта лучилась,
Чтоб её ощутил наш взгляд!..

Так погибла планета Игрек,
Не успев прошептать «прости».
Эту гибель к числу великих
Нам бы следовало отнести.

Это грозное предупрежденье
Детям Солнца — народам Земли,
Чтоб на них не нашло наважденье
И взорваться они не могли!..

Так погибла планета Игрек,
И дошла до людей эта весть.
Очевидно, в военных играх
Роковая бессмыслица есть!..

Человек, он имеет право
После смерти бессмертным числиться;
Но любая посмертная слава
После смерти планеты — бессмыслица!..

Мировое господство и прибыль —
Не пустые это слова
В дни, когда угрожает гибель
Всей Земле, а она жива!..

Будет мир — будет жить планета,
Правда эта сильнее лжи,
Мир важнее, чем любая победа,
Люди созданы, чтобы жить!

Я не одописец, а лирик;
Но планете сложу панегирик,
Славя Землю, людей и труды.
Что касается разных придилок
К отдалённой планете Игрек,
То она не моей звезды!

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

У моей звезды было девять планет,
Поглощающих свет, отражающих свет,
И планету Икс, о которой молва,
Населяли разумные существа.

Разделялись они на два лагеря:
Лагерь Запада, лагерь Востока.
Различаясь гербами и флагами,
Презирали друг друга жестоко.

Что же делать?.. Так были устроены
Эти очень несхожие стороны.

Наделённые разными вкусами,
Обладали они ресурсами,
Обладали неисчерпаемыми
Полезными ископаемыми.
И немалыми — небывальными
Военными потенциалами.

Но Восточный лагерь стоял за мир,
Ну а Западный лагерь — лагерь громил,
Хоть любил баталии грубые,
Но твердил о своём миролюбии.

А поэтому каждая сторона,
Понимая, что означает война,
Оснащённая техникой передовой,
Ограничивалась холодной войной.

Понимали, что техника передовая
Может блага множить; но также может
И, своих создателей предавая,
Всю планету безжалостно уничтожить.

Поэтому все разумные существа
На планете Икс воевать не хотели
И радиоактивные вещества
Приспосабливали к мирной цели!..

Их наука продвигалась вперёд,
И оно понятно: наука — сила!..
Коренной исторический переворот
Мысль научная совершила!..

Все Колумбы, открывшие материки,
Велики, но их подвиги — пустяки;
Меж собой познакомили Вест и Ост,
Одолели какие-то тысячи вёрст.

Им за это досталась бессмертная слава...
А не детская это забава?
Взять любой океан. Разве в нём не тесно,
Если вспомнить, что есть океан небесный?

Рейсы всех кораблей смехотворны, если
Сопоставить межпланетные рейсы!..
А с планеты Икс на другую планету
Устремилась ракета!..

Снабжена она была самым лучшим
Ядерным горючим.
Экипаж состоял из учёных,
Всеми знаниями увлечённых.

На другую планету когда
Прилетели умы Икс-планеты,
Привезли вопросы туда,
А обратно везли ответы.

Есть ли жизнь на планете другой?
Есть жизнь!
А какой там общественный строй?
Побывавший там, расскажи!..

Я хочу рассказать о другом:
У моей звезды девять планет,
В том числе и планета Зет,
Отдалённая, как Плутон.

Побывали умы и там:
Никакой на ней жизни нет —
Абсолютная мерзлота
На далёкой планете Зет.

И враждебные лагеря
Икс-планеты решили дружно:
Пропадает планета Зет зря,
Превратить её в солнце нужно!

Привезли на планету Зет
Все свои водородные бомбы
И взорвали их!.. Вспыхнул свет,
Свету солнечному подобный!..

Над просторами Икс-земли
Удивительно, чудно, мудро
Два светила, два солнца взошли
В это великолепное утро!..

И зимой вдруг растаял снег,
Разлились воды бурных рек,
Потому что двухсолнечный зной
Сделал зиму цветущей весной!

С Икс-планеты ушли навсегда
Неприятные холода,
Там, как в Индии, каждый край
Стал давать тройной урожай.

Богатеть начал каждый народ
И, свои подводя итоги,
Он приветствовал солнц восход:
И на западе, и на востоке!..

Я уверен, что это не сказка,
Верю: могут светить солнца два!..
Пусть стремятся к счастливым развязкам
Все разумные существа!

Люди мира! Мир защищайте!
Выступайте против вражды,
Как разумные существа те
На планете Моей Звезды!

РАЗУМНЫЙ ГЕРОСТРАТ

Действие происходит в городе Эфесе.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Герострат, непризнанный гений.
Ихтиозавр, директор храма Дианы.
Обмакни, демагог проиранской ориентации.
Диана, очень красивая женщина.
Предсказатель.
Горожане и поселяне.
Жрецы.
Гонец.
Учитель.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

И х т и о з а в р

Почто порочишь древний храм
Мировоззрением изгоя?
Придёт конец твоим словам,
А не придёт — его ускорю!

Г е р о с т р а т

Пусть я не прав, противоречь.
Против идеи дай идею!
Но если нас рассудит меч,
Тогда и я мечом владею!

И х т и о з а в р

Умри, презренный!

Г е р о с т р а т

Сам умри!

1 - й ж р е ц

Ночь ощущаю, как молчанье...

2 - й ж р е ц

Готов с тобой держать пари,
Что кто-то там стучит мечами!

1 - й ж р е ц

Да это наш Ихтиозавр!..
Что он директор наш, ты помнишь?

2 - й ж р е ц

Бежим к нему! Туда, где зав,
Обязан пом спешить на помощь!

И х т и о з а в р

Скорей спасайте!.. Тот мне друг,
Кто поразит мечом злодея!

1 - й ж р е ц

Увы!.. Он вышиб меч из рук!

2 - й ж р е ц

А я оружием не владею!

Г е р о с т р а т

Итак, признайте, что веду
Себя, как доблестный я рыцарь.

И х т и о з а в р

Признаем, но не на виду
У всех людей...

Герострат

Ещё клянитесь!..

Ихтиозавр

Клянёмся, что, покуда храм
Стоит как вечности основа...

Герострат

Предоставляете вы нам...

Ихтиозавр

Свободу всяческого слова!

Герострат

Светает. Наступает день.
Прощайте, вами я доволен.

Ихтиозавр

Теперь безумец всех людей
Морочить будет волен!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Герострат

Нептуна бездна глубока,
Плутон — владыка геологии,
Наядой плещется река,
А всё-таки они не боги!
Не Артемида, а луна
Плывёт, как медленная птица.
Лежит земля, чудес полна,
А всё-таки она вертится!
Плеяды звёзд — небесных глаз —
Находятся в движении вечном,
А мысли вечные не в нас:
Они в пространстве бесконечном!..
Земля сосчитывает дни,
Вступая в новый вихрь идей;
Но только гении одни
Их открывают для людей!..
Но кажутся на первый взгляд
Идеи новые, как бред,
И люди гениев не чтят
И не желают им побед!..

1 - й горожанин

А гениальность — это что?
Система мыслей запасная?
Иль воля, словно долото?
Иль, может, третий глаз?

2 - й горожанин

Не знаю!

Я В Л Е Н И Е Т Р Е Т Ь Е

И х т и о з а в р

За круглым праздничным столом
Всех угостить я рад.

О б м а к н и

А геометрию на слом,
И кругом стал квадрат?

И х т и о з а в р

Квадратный стол — не круглый стол,
Но в случае ином
Различие велико не столь,
Коль стол накрыт вином!

О б м а к н и

На многих я бывал пирах,
Вина немало пил...
А всё-таки во сколько драхм
Вам встанет этот пир?

И х т и о з а в р

Ты нерасчетлив, Обмакни,
Знай, сколько бы вино
Ни стоило, в такие дни
Окупится оно!
Чтоб каждый вдоволь выпить мог,
Не жалко мне затрат.

Так хочет новый демагог —
Великий Герострат.

Обмакни

А я, великий Обмакни,
Выходит, не силён?
Я правлю мыслями!..

Ихтиозавр

Ни-ни,
Теперь не мы, а он!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Обмакни

Скажи, зачем дорога в ад
Прекрасна так на вид,
И почему дороговат
Такой дешёвый быт?
И почему течёт река
Не в гору, а с горы?
И почему сосны рука
Не лишена коры?
И почему волну озёр
Не рубят топоры?
Скажи мне, если не фразёр,
Иль сгинь в тартарары!

Герострат

Дорога в ад прекрасна тем,
Что в мире не одна.
Разнообразием систем
Манит людей она.
И пожеланьями добра
Сильна дорога в ад;
Но в мире мало серебра,
И быт дороговат.
Река — река, а не фонтан,
Сосна — сосна, а не платан,
А волны, если станут льдом,
Рубить возможно топором!

Обмакни

Согласен я, что говоришь
Со знаньем дела ты;
Но для чего в душе таишь
Тщеславные черты?

Герострат

Характеристики души
Приятны большинству
И, вероятно, хороши,
Но не по существу.
Из-за чего горит сыр-бор,
И кто кому мишень?

И х т и о з а в р

Прекрасен пир! Прекрасен спор
Учёных двух мужей!
Сегодняшний да будет день
Прекрасней, чем вчера.
Пусть каждый пьёт, кому не лень!..
Ура! Ура! Ура!
Философическая речь
Отраднa для ушей,
Рассудит пусть рассудка меч
Учёных двух мужей!..
Дабы один из них упал,
Был ранен иль убит!..

О б м а к н и

Мне Герострат нанёс удар
Тяжёлый, как гранит!..

П р е д с к а з а т е л ь

Забудет мир свои деянья,
Расчёты и мечты.
Здесь будет женщина Диана
Безумной красоты.
Нарушит свод привычных правил
Разумный человек,
И вспыхнет этот храм, как факел,
Чтоб осветить мой век!..
И Македонский воеватель
Захватит здешний мир.
Так утверждает предсказатель
При звоне чаш и лир!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Герострат

От ерунды зависит многое,
И не хожу по кабакам.
Валяюсь я, как раб, у ног её
Из-за любви к её ногам.
Она единственная самая
Эквивалентна небесам.
Лишь на неё глядят глаза мои
Из-за любви к её глазам!

Диана

Из поколения в поколение
Не дорожил народ казной,
Чтоб совершалось поклоненье
Прекрасной женщине земной.
А ты порочил храм Дианы,
А ты сбивал народ с дорог,
Чтоб сеять смутные туманы
Угрюмых мыслей и тревог.
Меня ты любишь как идею,
И бредишь мной, как новизной...

Герострат

Я просто счастлив, что владею
Прекрасной женщиной земной!..
Меня былое не волнует,
Хочу, чтоб нынче мне везло...

Диана

А все удаchi лишь окупит
Ничтожно малое число.
Помимо бронзового сплава,
Помимо всех гранитных плит,
В пустыне жизни жажду славы
Простое слово утолит.
Так знай, что поздно или рано
Меня не станет, и тогда
Создай легенду, чтоб Диана
Не умирала никогда!..
Чтоб о геройстве Герострата
Вовек не умолкала речь!

Герострат

А что для этого мне надо?

Диана

Что?.. Ясно что: мой храм поджечь!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Герострат

Что ученье моё завоюет века,
Где тому доказательства веские?

Горожане

Велика, велика, велика, велика,
Велика Артемида Эфесская!

Герострат

Что с того, что дорога моя далека?..
Для народа она не открыта!..

Горожане

Велика, велика, велика, велика,
Велика, велика Артемида!

Предсказатель

Хочешь ты, чтоб тебя понимали рабы,
Но рабам недоступна свобода!..
Велика Артемида для глупой толпы,
А ученье твоё — для народа!
Этот храм подожги, а потом не беги,
Кривосудью отдайся беспечно —
И тебя не забудут друзья и враги,
И бессмертье твоё обеспечено!..

Герострат

Может быть, обвинить — то же, что оправдать?
Диалектика эта упряма.
Чтоб легендою жить, жизнь не жалко отдать,
А тем более жалкого храма!

Предсказатель

Да, ты мудр, как всегда, наша жизнь суета,
Всё минует неверной тропой...
Так прощай навсегда!

Герострат

Навсегда?

Предсказатель

Навсегда:

Я в веках не увижусь с тобой!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Герострат

Иногда разбиваемся мы о скалы...
Пусть согреется храм, сгорев...
Все сюда! Забирайте меня, шакалы!
Это я поступил, как лев!
Я бы мог убежать в закоулки улиц,
Только слава досталась не мне бы!..

Ихтиозавр

Как он смел, негодяй? Что он сделал, безумец?

Герострат

Все такие вопросы пелёпы.

Ихтиозавр

Забирайте злодея! В оковы его,
Поджигателя нашей веры!

Против подвига бестолкового
Чрезвычайные примем меры!
Преступление против устоев и правил
На весах правосудия взвесим,
И гонцов с прокламациями направим
По городам и весям.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Го не ц

Безумный Герострат, прославиться желая,
Поджёг прекрасный храм Эфесской Артемиды.
За это он казнён, и имя негодя
Должно быть позабыто, позабыто, позабыто!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

1 - й п о с е л я н и н

Ты знаешь новости? Безумный Герострат
Спалил Дианин храм — седьмое чудо света.
За это был казнён тот жалкий арестант.

2 - й п о с е л я н и н

А я-то и не знал. Пойду скажу соседу.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Много веков спустя

У ч и т е л ь

В Эфесе некогда, безумной славы ради,
Поджѣг Дианин храм безумный Герострат.

У ч е н и к

В Эфесе, кажется, безумной славы ради,
Поджѣг Дианин храм безумный Герострат.

Э П И Л О Г

Поэт Глазков поэму написал о Герострате,
Её не напечатал Госиздат!
1947

ГЕРОСТРАТ

Был Герострат дурак набитый,
Когда, томимый жаждой славы,
Сжёг храм Эфесской Артемиды.
А если бы он мыслил здраво,
Сниматься начал бы в кино —
И, обрета поклонниц много,
Себя прославил бы давно
Без совершения поджога!

ИСКУССТВОВЕД И ГЕРОСТРАТ

Был чеховским Серебряковым
Искусствовед — учёный хам,
И, рассуждая бестолково,
Порочил превосходный храм.

А Герострат стал бюрократом.
С руководящего поста
Внимая гнусным рефератам,
Взорвал прекрасный храм Христа!

лирь

* * *

Есть страна Египет —
Золотое дно.
Иероглиф выбит
На скале одной.

Я не знаю, рок ли
Чересчур мой крут,
Только иероглиф
Я не разберу.

Если бы случайно,
Что в себе таит,
Прервалось молчанье
Сфинкса пирамид,

В отдалённом смысле
Неземной мечты
Не таила б мысли
Дорогая — ты.
1939

ГОГЕН

Её зовут Вайраумати.
Буйволы бегут.
А я её не на кровати,
А на берегу.

Пускай все ветры веют с веста
На парус кораблю,
Она моя невеста —
И я её люблю.

На чудном острове пробуду,
Покуда не умру.
Там смотрит вдаль Великий Будда,
Похожий на туру.

Когда начнут плоды собирать,
В корзины их валя,
Я изменю Вайраумати
С женою короля.

1939

* * *

С моста вода видна до дна.
А воздух словно пустота.
С моста девочка одна
Бросилась в воду, просто так.

Я всё бы отдал, чтоб тремя
Годами раньше с нею лечь.
Вода текла, как время,
Совсем не может так течь речь.

1940

* * *

С женщиной какой-нибудь такой,
Очень замечательно хорошей,
Хорошо, обняв её рукой,
Целу ночь лежать на ложе.

Звёздами заёрзается высь,
И, постигнув неба откровенье,
Ты воскликнешь: «О, остановись!»
Но не остановится мгновенье.
1940

* * *

Снежинки падают
 куда-то в темь,
Мне кажется,
 что вверх они летят.
Меж тем
Скользнула времени ладья.

То было в солнечный декабрь,
В зиме,
 в салазках и в огне
Заметок,
 мнений и декад,
Мелькнувших женщиной в окне.
1940

* * *

Всё это очень глупое,
Как небо голубое.
А за кино и клубами
Я соблазнён любовью.

Она читает Чарскую,
И что-то там маячит.
А вот над чая чашкою
Струится пар горячий.

И этот пар слепительно
Ресницы серебрит ей,
И чай вот этот пить ли нам
Часами, вечер битый.

Не поступить нам просто ли,
И это будет просто,
Как белый шорох простыни
И как прямая поступь.

Посмотрят звёзды углями,
И месяц помаячит,
И звёзды будут круглыми
И яркими, как мячик.
1940

* * *

Все мы, проработавшие Пушкина,
Знающие правила деления на три,
Разбиваем лучшую игрушку,
Чтобы посмотреть, что у неё внутри.

Только я нисколько не такой,
На других нисколько не похожий,
Безусловно самый я плохой,
Потому что самый я хороший.

Я не тот, кто дактиль и анапест
За рубли готовит Октябрю.
Я увижу на знамёнах надпись
И услышу надпись: «ЛЮ-Я-БЛЮ».

ЛЮ-Я-БЛЮ. Моя любовь разбита,
Это слово тоже разрублю,
Потому что дьявольски избито
Словосочетанье «Я ЛЮБЛЮ».

Так затасканы Амура стрелы
Да публичнодомная кровать.
Это слово очень устарело,
Но любовям не устаревать.

Пусть любовь сюсюканьем альбомится,
Так любить умеют и кроты.
Скажи мне, кто твоя любовница,
И я скажу тебе, кто ты.
1940

* * *

Хотя играл огнями город, но
Ночь темна. Снег бел и светел.
Она спросила: — Вам не холодно?
Была зима. Шатался ветер.

Была зима. Я поднял ворот, но
Мог бы спрятаться за доски.
Она сказала: — Вам не холодно.
А было холодно чертовски.
1940

ПИСЬМО ЗНАКОМКЕ

Я с тобою рассуждаю честно.
Ты слаба, слепа и недоверчива,
А влюбляешься неинтересно,
Исключительно от делать нечего.

Если б ты была из первозданных,
Странных, славных и очаровательных!
У тебя же не хватает данных —
Ни бульварных, ни очковтирательных.

Если б ты была из незаметных,
Постоянных, ласковых, внимательных!
У тебя же, к сожалению, нет их —
Этих самых качеств привлекательных.

Васильки растут во ржи-пшенице,
Может быть, красивые, но сорные.
Если, скажем, на тебе жениться, —
Обрастёшь скандалами и ссорами.

Ничего не понимая в счастье,
Ты своим несчастьям ужасаешься;
Где-то, ни в богеме, ни в мещанстве,
А в какой-то пустоте вращаешься.

В тридцать лет (немалый это возраст)
Не имеешь ни к чему призвания;
И дымят, как отсырелый хворост,
Тусклые твои переживания.

И от жизни у тебя усталость,
Ты спасенья ищешь от усталости,
Ибо в жизни у тебя осталось
Ощущенье неизбежной старости.

Милая, а где она — награда
За твои утраты и лишения?
Чтобы отдохнуть, работать надо,
А иного нынче нет спасения.

1940-е

ЛИРЬ

1

Жила на свете женщина,
Ей было двадцать лет,
Была она уже жена,
А может быть, и нет.

Приехала на форде,
Явилась в кабинет,
А муж её на фронте,
А может быть, и нет.

Разделась и оделась,
Глядит туды-сюды,
Вдруг очень захотелось
Ей прыгнуть с высоты.

Устроен испокону
Веков так белый свет,

Что прыгнула с балкона,
А может быть, и нет.

Так написал банальные
Стихи один поэт,
Должно быть, гениальные,
А может быть, и нет.

2

Всё бывает, —
И, снега стеля,
Завывает
Вьюга февраля.

Ветер веет,
Дует наугад,
Розовеет
Клеверный закат.

Вероятна
Правда, а не ложь:
Ты обратно
Больше не придёшь.

Тут прохлада
Замела пути.
И не надо,
И не приходи!

Жила-была девочка. У чувств учась
 И чувств своих не соря
 Никакую, ни даже ничтожную часть, —
 Пропадала она зазря.

Под небесным древом зла и добра
 Рождались люди и умирали,
 А она придерживалась пра-пра-пра-
 Пра-прабабушкиной морали.

А было ль хорошо в то лето,
 Я это не решил ещё,
 Но и в Москве, а не в Толедо,
 Могло быть очень хорошо.

Но мне она не отдавалась,
 Всё лето зазря времени,
 И вещь в себе оставалась,
 Не будучи ей для меня.

Почти что не читаю я книг теперь,
 И в кино не пойду. Что я там оставил?
 Ибо я равнодушен... Но не к тебе,
 И вообще я довольно странен.

Ты ещё не прошла половину пути
 И не знаешь, к чему всё течёт,
 Не говори мне: «Уйди-уйди-уйди»,
 Как китайский резиновый чёрт.

Н. Ф. Р.

10-й

Курю, чтоб было много дыма.
Об этом и ору.
О том, *что* проходит мимо
Всего, что есть в миру.

А дым, упругий, как пружина,
Причудливый, как бред.
Так джинн выходит из кувшина,
Пробыв там тыщу лет.

А Вы, когда со мною рядом,
А не на расстоянии,
Тогда, тогда, тогда я рад Вам,
И не радоваться не в состоянье.

Во многих одах Ваше имя
Склонял чёрт знает сколько раз
И рассуждениями о дыме,
Должно быть, утомляю Вас.

А впрочем,
Твержу одно и то же я:
Вы очень, очень, очень, очень,
Очень, очень хорошая.

1944

* * *

И эта не та,
И та не эта.
А надо? Ну да.
И нету.

* * *

Все цветочки полевые
Свои органы половые
Выставляют напоказ!
Всё у них не как у нас!

* * *

Ты лучше многих понимала,
Куда ведёт любви дорога.
Любовников иметь двух — мало,
трёх — мало,
четырёх — мало,
Одного — много!

* * *

Всё на свете очень сложно,
Королевна!
Жить со мною невозможно
Ежедневно.

Доля истины и здесь есть,
Королевна!

Приходи дней через десять
Непременно.

Я в словах довольно точен,
Королева!
Только будь со мною очень
Откровенна.
1944

* * *

Того Вы захотели сами,
Меня, как свыше, осеня.
Пушай я не согласен с Вами,
С самим собой согласен я.

Не трачу времени на споры,
Поскольку стал умней умом,
И точка найдена опоры:
Она лежит во мне самом.

Но Вы меня не забывайте
За то, что книжек не издал.
Клянусь Вам: я не обыватель,
Хоть обывателем и стал.

За эти дни я много не пил.
Всё было: холод и мороз.
Но Бог — Он есть, и Он на небе,
Хоть я до неба не дорос.

А я. Я дорасту до неба,
Чтоб крепко верить и любить.
Москва, 3 мая 1944

**ИЗ ЦИКЛА СТИХОТВОРЕНИЙ
«ЛИРИКА 1945 ГОДА»**

Я на руки взял тебя и на кровать:
Любви без любви нет;
Но должен в стихах всё равно открывать
Какой-нибудь Новый Свет.

Самобытен и ограничен мой стих,
И живём мы с тобой на ять,
В силу классовой ограниченности
Не смогла ты меня понять.

Я хотел, чтобы было лучше,
Пить хотел во здравие,
А моей жене присуще
Бабское тщеславие.

Если б жили в хижине,
Где-нибудь в Сибири,
Я б писал стихи жене —
Счастливы б мы были.

А в дремучем лесу есть ель,
А в квартире моей постель,
На постели лежит...
И не хочет со мною жить.

Ты, события торопя,
Понапрасну себя не мучай,
Я и сам убегу от тебя
В лес дремучий...

<...>

*

Никогда меня не суди,
Коль не хочешь судимой быть,
Это надо с ума сойти,
Чтоб такую, как ты, любить.

ИЗ ПРОКЛЯТОГО ПРОШЛОГО

Это было на озере Селигер
В тридцать пятом году.
И, как будто к кому-то другому, теперь
Я к бывшему себе подойду.

Тиховодная гладь, байдарка и проч...
Впрочем, молодость хуже, чем старость.
А была очень умная лунная ночь,
Но дураку досталась.

Эта ночь сочетала прохладу и зной.
Тишь. Безлюдье. В байдарочном ложе я.
И чудесная девушка вместе со мной,
Изумительная, хорошая.

А вокруг никого, кто б меня был сильнее,
Кто бы девушку мог увести.
И я знал, что очень нравился ей,
Потому что умел грести.

А грести очень я хорошо умел,
Но не ведал, что счастье так просто.
А весло ощутило песчаную мель
И необитаемый остров.

Это ночь не моя, это ночь его —
Того острова, где был привал.
И вокруг никого, а я ничего:
Даже и не поцеловал!

И такие волшебные звёзды висят!..
Вместе с девушкой на берегу я.
И я знал, что её упустить нельзя,
Незабвенную, дорогу...

Мне бы лучше не видеть ночью её,
А бродить одному по болотам.
А вокруг никого, а я ничего...
Вот каким я был идиотом!
1945

БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА

Несуразность этой параллели
Пусть простят мне господа философы.

Помнишь, в Третьяковской галерее
Суриков — «Боярыня Морозова»?

Правильна одна из двух религий,
И раскол уже воспринят родиной.
Нищий там, и у него вериги,
Он старообрядец и юродивый.

Он аскет. Ему не надо бабы.
Он некоронованный царь улицы.

Сани прыгают через ухабы, —
Он раздет, разут, но не простудится.

У него горит святая вера,
На костре святой той веры греется
И с остервененьем изувера
Лучше всех двумя перстами крестится.

Что ему церковные реформы,
Если даже цепь вериг не режется?..

Поезда отходят от платформы, —
Ему это даже не мерещится!..

На платформе мы. Над нами ночи чёрность,
Прежде чем рассвет прольётся розовый.
У тебя такая ж отречённость,
Как у той боярыни Морозовой.

Милая, хорошая, не надо!
Для чего нужны такие крайности?
Я юродивый Поэтограда,
Я заплачу для оригинальности...

У меня костёр нетленной веры,
И на нём сгорают все грехи.
Я, поэт ненаступившей эры,
Лучше всех пишу свои стихи.

1946

РОВЕСНИЦЕ

У склонов золотого Алатоо,
Лучами золотого Алатоо
Заброшенный в Киргизию судьбою,
Я в солнечной Киргизии с тобою.

Схватил теперь твои черты подробно,
Сложил тебе стихи, что ты подобна
Чудесному бегущему павлину.
Ты вся — как Чу, цветущая долина.

Твои глаза — как в озере вода,
Но Иссык-Куль один, а глаза два,
И для бровей в отметках нету баллов,
Им в параллель беру коней-тулнаров.

Они бегут, иль это только снится,
На берегу, где расцвели ресницы,
А волосы, упавшие на лоб,
Они — как изобильный Арстанбоб.

Нога твоя на выси каблуков
Кызыл-Кия — отец всех рудников.
И я хочу обнять твои колени,
Как тополей Джелалабада тени,
Поцеловать ладони, как джайлоо,
Прохладные джайлоо Алатоо.

Голубые у тебя глаза,
Не гроза они, а бирюза,
Карие твои глаза горят,
О любви и страсти говорят.
Если я ошибся, ты права,
Девочка с глазами, как трава!..
1947

* * *

Это так устроено Всевышним,
Что два мира в мире я имею.
У меня сегодня в мире книжном
Варварская ночь Варфоломея.

С факелами рыщут изуверы,
Диким криком оглашая тьму.
Люди умирают из-за веры
И живут в страницах потому.

Смерть и смерть — и слава гугенотам, —
Повествуют ветхие слова.
А в реальном мире счастлив кто там?
Кто своей любимой владел?

Будет счастье биться за идею,
Будет счастье пировать с любимой.
Счастье — это выдумка злодея
И закон судьбы неколебимый.

Счастье устарело. Поновее
Будет вероятность и расчёт.
Ни в какое счастье я не верю,
Потому меня к нему влечёт.

И к тебе влечёт. А ты такая,
Что, наверно, не поймёшь любви.
В нашем мире — истина нагая,
В книжном мире — в море корабли.

И любовь... Я сам не верю фразам,
В эту ночь всё было трын-трава.

В книжном мире находился разум,
А в реальном — жалкие слова

О любви, где обладание чудно
Всем, что есть, от пальцев до волос.
Сговориться вроде бы нетрудно,
Только вот мечтание не сбылось...

И от поражения стало горько,
Как от бесполезного труда.
Я тебе не нравился нисколько
И себе не нравился тогда.

А потом писал стихи, черкая,
Ибо мне не нравились они.
Ты была хорошая такая,
Между нами протянулись дни,

Как забор. Но ты ему не рада
И забор забвению предашь,
Девочка, ты не корабль пирата,
Чтобы брать тебя на абордаж,

Доставляя этим неприятность
Мне, тебе и призраку любви.
Между нами вера — вероятность,
В книжном мире — в море корабли.

И любовь, какой на свете нету...
Просто перепутались пути,
Просто в биографию поэта,
Если хочешь, можешь ты войти.
1948

* * *

Я знаю, что она одна
Своеобразна и умна,
Но для меня все остальные
Важнее, чем она одна.

Но иногда, когда я с нею
На совпадающей стезе,
Она одна куда важнее,
Чем даже остальные все.

* * *

Когда течёт ручьём
Дорога лыж,
И солнце бьёт лучом
По жести крыш,
И архаичны валенцы,
Поверь,
Что это называется
Апрель.

Он может означать
Приход весны,
А ты лежишь в ночах
И видишь сны.

Но может стать лужею
Вода,
Так пропадают лучшие
Года.

Не ясен смысл запутанных
Речей.
Ты королева утренних
Лучей.
1948

Л. Н. Н.

Все поэты
Воспевали женщин,
От гребёнок до ног.
Поэтому
Звёзд на небе меньше,
Чем о любви стихотворных строк!

От Японии и до Польши
Льются слова, но суть не в словах,
Потому что слов повторяемых больше,
Чем всех волос на всех головах.

Если на Западе и на Востоке
Все подсчитать стихи о любви
И перевести всё это на строки,
А строки перевести на рубли...

Знаю, такое желание безумно,
Ибо где найдётся такой кассир?
Но если бы... то на огромную сумму
Можно бы было купить весь мир!

О любви говорили в стихах и в прозе,
И поэт Глазков говорил;

Но стихов о любви не печатают вовсе,
Потому что важнее борьба за мир!

А я бы мог
Написать поэму
В тысячу строк
О любимой моей;
Но на это не следует тратить время,
Потому что важнее семь тысяч рублей!

Я в словах, как математик, точен,
И, когда появляется слов избыток,
Я пишу себе самому в убыток:
«ТЫ МНЕ ПРАВИШЬСЯ ОЧЕНЬ».

И совсем неважно, что я некрасивый,
Потому что ты понимаешь сама,
Что гораздо важнее славиться силой
Мускулов и ума.

Потому что существует в России
Разделение труда
Всегда:
Мужики превосходят женщин силой,
Монополия баб — красота.

И совсем неважно, того хотим мы
Или нету другого спасенья нам;
Но мы друг другу необходимы,
Как ключи необходимы замкам!

Я не знаю, что будет дальше,
Но мы друг другу очень нужны,

Потому что ты мне отдашься
И станешь вместо жены.

Потому что на данном этапе
Меня к тебе влечёт
Не только потребность в бабе,
Но также любовь и расчёт.

Любовь — не то и неточное слово,
Годное, в основном, для лживых фраз...
Но я его повторяю снова
В пятидесятый раз.

Мне приходилось не раз ошибаться,
Быть может, я ошибусь опять;
Но если слова «любить» бояться,
То любви не видать!

Не знаю, сколько всё это продлится,
Буду ли я тобою признан?!
Но мне, да и тебе за тридцать,
И необходима какая-то пристань!

Конец 1940-х – начало 1950-х

ЭРОЧКЕ И НАТАШЕ

Я так умён для всех времён,
Что мой вопрос решён:
Кабы имел я миллион,
Завел бы пару жён!

Из многих выбрал только вас,
Как гений и мудрец.

Одну из вас отвёл бы в загс,
Другую под венец.

Достал бы я хмельна вина
На свадьбу ту одну.
Вся мудрость жизни — пить до дна,
А не идти ко дну!

Созвал бы я своих друзей —
Собратьев по перу,
Чтобы они от водки всей
Валялись на полу!

А сам бы отдал жизнь ночам,
Подобным утренним лучам!
Конец 1940-х – начало 1950-х

В НОВОМ АФОНЕ

Боялась ты и не хотела
Идти,
Я убеждал тебя быть смелой
В пути,
Поверить в собственные силы,
Лезть вверх...
Вершина Иверской манила
Не всех.
Один из тех, под Ляояном
Рубак,
Твердил, что был он партизаном,
В горах,
Что отдал он борьбе за счастье
Всю страсть,

Что не дал он Советской власти
Пропасть...
Что он стремился к светлой дали
Вперёд,
А вот монахи угнетали
Народ
И возвели весь этот Новый
Афон
Во славу имени Христова.
А он
Разоблачал всегда их злостный
Обман
И обличал религиозный
Дурман...
И там, где грабы вековые
Росли,
Сбирал он с граждан трудовые
Рубли.
Ну, а подняться вместе с нами?

— Ни-ни! —
Он нам сказал: — Ступайте сами,
Одни!..

Я комфортабельной дороги
Не знал,
И сильно утомились ноги
От скал.
Крутых камней, поросших мхами,
Страшась,
Переводила ты дыхание
Не раз.
Но мы на Иверскую гору
Взошли,

Открылись новые просторы
Вдали,
И древняя прекрасна крепость,
И ширь,
Где созревал, на солнце греясь,
Инжир.
Его мы ели, пили воду
Ключа.
Сияла вечная природа
В лучах.
И море Чёрное синело
Внизу,
Не бушевала, не шумела
Лазурь.
Казались чёрточками волны,
Валы,
Как будто бы они безмолвны,
Малы.
А мир был сказочно, чудесно
Велик.
Усталость наша вся исчезла
В тот миг.
Успешно мы преодолели
Подъём,
Нисколько мы не сожалели
О нём.
А если б мы на эту гору
Не шли,
А, скажем, по фуникулёру
Могли
Туда подняться без затраты
Труда,
Мы вовсе не были б так рады
Тогда!

ИВАН-ДА-МАРЬЯ

Одет в рубашку синюю Иван,
А Марья в ярко-жёлтый сарафан.

Иван да Марья держатся на стебле,
Тая в себе идею вечной любви.

Брожу один по лесу целый день я
И радуюсь премудрости растенья!
1952

* * *

И неприятности любви
В лесу забавны и милы:
Её кусали муравьи,
Меня кусали комары.

ИЗ ЦИКЛА СТИХОВ И. М. Л.

Жизнь моя на любовь бедна,
И любовь у меня одна.

Ты действительно любишь меня,
А любовь остальных болтовня.

Ибо любят они хорошо
Не меня, а кого-то ещё.

Для меня ты важней, чем они,
Как эпоха важнее, чем дни.

Но тебя, как эпоху, виню:
Ты, эпоха, ревнуешь ко дню!

И намерена даже уйти
С моего-твоего пути...

Постоянная спутница, друг,
Ты, уйдя, не развяжешь мне рук.

Жизнь не сделаешь краше, а лишь
Исcoverкаешь и затруднишь.

А поэтому не уходи
С твоего-моего пути.

МУКИ ТАНТАЛА

Не погружённая во мрак,
Была со мною Ина.
В большой и неудобный парк
Мы вышли из «Пекина».

В тот парк, который глуп, и груб,
И скучен до предела,
А мне хотелось губ и губ,
И я скучал без дела.

Манили верные слова
И смелые решения.
Она была, как свет, права,
Я — прав, как отраженье.

Очаровательный закат
Сиял на всякий случай,
И мы пришли в Нескучный сад,
Который очень скучен.

Друг друга люди познают
Не в шуме и не в игре;
Но мы близки: уют кают
Сияет перед нами!

Слиянье душ, конечно, чушь
И признак лицемерья;
Но я люблю или хочу
И в это твёрдо верю...

Люблю... Хочу... Не всё равно ль,
Который из глаголов!..
А одиночество, как ноль,
Помимо разговоров.

Пусть золотые вечера
Меня пьянят, как вина.
Мне нынче так же, как вчера,
Необходима Ина!
1954

* * *

Говорят, что под старость
Жизнь, как осень, прекрасна.
Если так, то связалась
Ты со мной не напрасно!..

Чтобы стать моей милой
И моей ненаглядной,
Ты отважно вступила
В мир, тебе непонятный.

Женщина, спутница, друг,
Ты сомневаешься в счастье...
Ведая горечь разлук,
Знаешь, что радость не часто...

Пусть не налажен наш быт,
Бедствия преодолимы!..
Так не копи же обид:
Мной ты, как прежде, любима!
1954

* * *

Ты, как в окно,
В грядущее глядишь
И всё равно
Мужчину победишь.

А он, стерпя
Сто двадцать пять обид,
Потом тебя
Возьмёт и победит.

Однако вы
Перехитрите в быте
И не как львы —
Как кошки, победите!

Потом на нас
Потомки поглядят,
И сложат сказ
О том, как победят.

Я снова жду
С тобой желанной встречи;
Но слова побежду
Нет в русской речи!

1954

* * *

И. М. Л.

Раннее утро. Москва тиха.
Птички: чирик-чирик!
Странно и мудро слова стиха
Я подбирать привык.

Женщина рядом. Её люблю.
Часики бьют: тик-так!
Я почему-то не сплю, а пью,
Пью с любимой коньяк.

Пью за неё, за стихи, за рассвет
И за счастье, которого нет!
Нет его. А почему?

Счастье, оно приходит потом,
А может, счастье не в счастье самом,
А в стремление к нему?
1957

* * *

Милая моя любимая,
Исключительная умница,
Кое в чём неутомимая,
Кое-чем интересуется.

Удивительно желанная
И заслуженно любимая
Пьёт со мной вино заздравное
Под развесистой рябиною.

И подруга, и наложница,
Много лет не заменимая,
Не мещанка, а художница —
Милая моя любимая!

* * *

Возбуждаешь ты теперь
Снова страсть глубокую,
И за это я тебе
Обещаю многое.

Обещания ты мои
Складываешь в наволочку:
Чем на небе соловьи,
Лучше в руки галочку.

Соглашаюсь я с тобой,
Но в какой-нибудь июль
Маханём на голубой
И глубокий Иссык-Куль.

Чтоб повеселела ты
На его просторе.
Вдвое больше в нём воды,
Чем в Аральском море!

1950-е

* * *

Милая, в нашей судьбе
Деньги имеют значение.
Я причиняю тебе
Часто одни огорченья.

Женщина, спутница, друг,
Ты сомневаешься в счастье...
Ведая горечь разлук,
Знаешь, что встречи нечасты.

Радость, как солнце, светла;
Но промелькнет раз в неделю.
Одолевают дела —
Временем я не владею.

Чтоб заработать рубли,
Перевожу неустанно,
И предаваться любви
Я не могу постоянно!

Глупо сидеть на мели,
Ждать возле моря погоды...

Чтобы любовь не смели
Быстротекущие годы,

Стабилизировать быт
Нынче необходимо.

Не причиняй мне обид:
Мной ты, как прежде, любима!
1950-е

ИНОЧКЕ НОВОРОЖДЕННОЙ

Я познакомился с тобой
Весною —
И отмечаем мы с тех пор
Восьмое:

То самое, когда весна,
Восьмое мая,
Рюмашки полные вина;
Приподнимая!

Готов я щедро, как поэт,
Твой возраст срезать:
Тебе теперь не сорок лет —
Лишь десять!

Той исторической весной
Природа вся принарядилась —
Ты, познакомившись со мной,
Родилась!

И надо выпить оттого
Без промедленья
За день весенний твоего
Рожденья!
1960

* * *

Если будут стихи,
Станешь ты весела
И не скажешь: «Дела
Плохи!..»
Если будут стихи,
Обретёшь и права
И не будут слова
Глухи!..

Если будут стихи,
Я тебе не совру:
Быть теплу, быть добру,
Быть весёлым пирам,
Станут петь по утрам
Петухи!

Если будут стихи,
То я буду правдив:
Мы уедем туда,
Где морская вода
И черешен и слив
Лепестки.

Если будут стихи,
Мы уедем туда,
Где сады-города,
А былая беда —
Чепуха, ерунда,
Пустяки!

ВО ВСЕ ВРЕМЕНА ГОДА

Люблю тебя, когда весна,
Которой рад весьма.
Люблю тебя и в летний зной,
Воспет который мной.

Люблю тебя, когда идёт
Осенний нудный дождь
И наступает холод, тот,
Который нехорош.

Люблю тебя, когда зима,
Которой не люблю.
Деревья мёрзнут и дома,
И ветер, что сошёл с ума,
Мне воет: «У-лю-лю!..»

Люблю тебя всегда, везде.
Как в радости, так и в беде,
Тебе стихи творю
И ласковые все слова
Зимой, когда мне не лафа,
И в зной, когда растёт трава,
Тебе я говорю!
1961

* * *

Я очень одинок,
А ты ушла:
Шагнула за порог,
Забыв дела.

Не сосчитать дорог,
Им нет числа.
Спроси у своих ног,
Зачем ушла?
1962

* * *

Поехать надо нам на лоно
Природы,
Чтоб посмотрела ты влюблённо
На воды,
На берега, где дремлют травы,
Деревья.
Они достойны чести, славы,
Доверья.
1962

СТАРОМУ ДРУГУ НА НОВЫЙ ГОД

1

У вершины Эвереста
Мутновато-голубой
Не искал себе невесты,
Ибо встретился с тобой.
Цель оправдывает средства,
Если нет в них изуверства!

Успех сопутствовал не часто,
Мне редко улыбалось счастье
На сложных жизненных дорогах.
И в праздники, и в дни недуга
Ценю тебя всегда как друга,
Единственного из немногих!

ЧИСТАЯ ЛИРИКА

1

Зимой я замерзаю от мороза,
А на сугробах не растут цветы;
Но я курю, и дым от папиросы
По-моему, красивее, чем ты.

А если баба явится из дыма,
То мне такая баба не нужна,
Мне холодно, безумно и пустынно,
А ты ко мне дороги не нашла.

А я, хоть и бессмысленный, но гений,
И осознал, что ты всего лишь миф.
Пусть мир не следствие каких-то ощущений,
Но ты лишь тень намерений моих.

Как реки начинаются с истока,
Вот так и ты должна моею стать;
Ты существуешь в мире лишь постольку,
Поскольку я тебя желаю приласкать.

У меня с тобою предисловье,
Увертюра, старт, дебют, начало,
Неблагоприятные условия
Нам мешают видеться ночами.

Чтоб за белых приняли ворон нас,
Ты не хочешь, мне же всё равно, —
Между нами недоговорённость —
За договорённость пью вино.

В дни, когда победу можно праздновать,
Очень глупо временить года;
Ты сказала мне: — Нельзя же сразу.
Я сказал: — Нельзя же никогда.

Если, в своих же стихах утоня,
Так и останусь беспутным и путающим,
Ты останешься для меня
Воспоминаньем о будущем.

Если в делах, как в любви, повезёт,
Так, что при жизни добиться сумею
Я неосмертных признаний-высот,
Родина станет любимой моею.

Ну а сейчас, в этот час или миг,
В дни треволнений непреодолимых,
Ты навсегда зачеркнула моих
Всех предыдущих, когда-то любимых.
Так им и надо.

Возле дома того водоём,
Хорошо быть в доме твоём,
И когда остаёмся вдвоём,
Каждый раз мы себя выдаём.

Выдаём себя каждый раз.
Только люди не ведают нас:
Утонувшие в омуте фраз
Ни ушей не имеют, ни глаз.

И не видят, не слышат они,
И проходят и ночи, и дни,
И горят папиросок огни,
И хорошо, когда мы одни.

Если нет света, значит, ты ушла,
Ушла туда, где света нет,
И пропадай мои мечты
В твоём окне увидеть свет.

И, темнотою ослепя,
Окно смеётся надо мной,
Мне без тебя, как без себя, —
И с горя я иду домой.

Но дело не в этом, а только в том,
Что отдых необходим,
И без тебя мне и дом не в дом,
И «Беломор» не в дым.

5

Как-то не эдак прошёл день,
Пробило двенадцать часов.
Ты сказала: «Жить лень», —
И спутала карту слов.

Иные слова сказать норовят,
Чтоб показаться лучше,
А я говорю, что сам виноват,
Если тебе скучно.

Как ты до жизни такой дошла,
И в первый ли это раз?
Но я утверждаю, что жизнь хороша
От ихтиозавров до нас.

6

Живи со мной и не печалься,
На все вопросы дам ответ.
Ты помешать не можешь счастьем,
Которого, к несчастью, нет.

7

Я веду с тобою разумную речь,
И за это меня прости,
Ибо я даже дом твой готов поджечь,
Чтоб тебя из огня спасти.

У меня вообще необычный путь,
Все такие пути святы;
Я тебя даже в воду готов толкнуть,
Чтобы вытащить из воды.

8

Чтобы жизнь не была загадкой,
Мне поверь и не противоречь.
Слово — бог, и поэтому краткой
Должна быть повседневная речь.

Мы во всё виноваты сами,
Всё минует, как дым папирос,
Мы расстанемся не друзьями,
Ненадолго и не всерьёз.

Это я оглушён веками,
До тебя мне и дела нет...
Мы расстанемся не врагами,
А туземцами разных планет.

9

Так всегда, я раз сто болею,
Выздоровливаю раз сто,
А по случаю юбилея
Шандарахнем абрау-дюрсо.

Так всегда, хорошо и просто,
Как в окне первозданный свет;

Нет превыше первого тоста:
За того, кого с нами нет.

Так всегда, не за смерть упрямую,
За любовь мою и твою,
За такую хорошую самую,
За любимую девочку пью.

Так всегда. Как прошли звероящеры,
Мы пройдем, и другие придут.
За такие стихи настоящие,
Что, как кости зверей, не умрут.

А расскажут про то, как любили мы
И какая была суета...
И смешаются с прочими былями.
Так всегда!
1945

ЛЮБВЕГРАФИЧЕСКАЯ ПОЭМА

Сплю. Во сне залезаю на крышу.
Как Суворов, иду вперёд.
А когда просыпаюсь, то слышу:
Какой-то дурак «Катюшу» поёт.
Ударяю дурня кирпичом.
«Он мой противник, — говорю я ей. —
Пронзи меня мосфильмовским мечом,
Иль будь моей».
Баста! К чёрту! Начинаю снова,
Хоть начинать с азов
Трудней, чем брать Азов.
Вот последнее слово Слова —
Откровенность на уровне откровенья.
Не верьте мне: я лгу и лгал.
Не ставя правду ни во гран.
На сотню миллионов га
Моя расположилась ложь.
Я ничего не забывал,
Постигнув самое оно.
За первой встречной на бульвар
Я пойду — мне всё равно.
И мне безразлично, что ветер, что витеp,
И где б он не выл, хоть в степи, хоть в степе,
Хоть мне не поверят. Ты, скажут, не видел,
А просто прикован к двусложной стопе.
А мне не поверят — и я не поверю:
К двусложной стопе я совсем не прикован.
Пойду, про себя сочиняя поверья,
А ихним не буду молиться иконам.
Я не гегельянец,
Но я гений пьяниц.
Превратив в вино, выпиваю ночь.
Поднимаю тост

За развратниц и пьяниц,
Не желающих воду в ступах толочь.
<...>
Я трёх женщин люблю сегодня,
Отдавшейся отдам стих.
Такова свобода Господня,
Что моя — одна из троих.
Одна из троих полюбит меня.
Надо смотреть в даль
Времен,
Как говорил Стендаль.
Идут страницы, как странницы
В неведомый Иерусалим,
Сбудется, сбудется, станет
Всё, что захочется им.
Все мы, проработавшие Пушкина,
Знающие признаки делимости на три,
Разбиваем лучшую игрушку,
Чтоб посмотреть, что у неё внутри.
Только я нисколько не такой,
На других нисколько не похожий.
Безусловно, самый я плохой,
Потому что самый я хороший.
Я не тот, что за рубли готовит Октябрью.
Я увижу на знамёнах надпись,
Я услышу надпись: «ЛЮ-Я-БЛЮ».
Люяблю. Моя любовь разбита.
Это слово тоже разрублю,
Потому что дьявольски избито
Словосочетанье: «Я люблю».
Так затасканы Амура стрелы
Да публичнодомная кровать.
Это слово очень устарело.
Но любовям не устаревать.

Пусть любовь сюсюканьем альбомнится —
Так любить умеют и кроты.
Скажи мне, кто твоя любовница,
И я скажу тебе, кто ты..
Я бродил тогда по ночам,
И младенец из люльки кричал:
«Дурак, кретин, идиот!»
А я всё равно бродил по ночам
И девочку ИЛИ
Женщину встречал
Самую лучшую в мире.
Она любовь не предала
Ни за чины, ни за рубли,
И больше раза в полтора
Её любовь любой любви.
И к высотам любим пойдя,
Чтоб спуститься к любим глубинам,
Я бродил по любим путям,
Но любил бродить по любимым.
Так всё шёл я куда-нибудь
По земле, а луна ни при чём тут.
И ведёт непутёвый путь
По звезде путеводной к чёрту.
Вы наденете платье цвета
Чёрного бутылочного стекла
И пойдёте на край света —
И себе не найдёте угла.
Всё вам будет враждебно и чуждо,
Потому что вы их умней.
Где нет мысли, не может быть чувства.
Бросьте их и отдайтесь мне.
Эти сволочи вас заманили
В логово их ночей,

Вы за меня
ИЛИ
За сволочей?
Приходите ко мне.
Занавесим окна (для рифмы) шторой
И будем пить
За такую дружбу, меж нами которой
Нет и не может быть,
Потому что на свой аршин
Всякий мерит любой ландшафт,
А нам надо ваш кувшин,
Чтобы выпить на брудершафт.
Надо выпить, чтоб было в дым,
Чтоб я мог написать про это,
Это чтоб настоящая ТЫ
Для меня бы была, как победа.
Чтоб, как прежде, среди рабов,
К их мечтам не искал дороги я,
Чтобы ВЕРА, ВИНО, ЛЮБОВЬ
Составляли одну трилогию.
Чтоб любовь, сочетаясь с истиной,
Завсегда проходила вслед нам,
Ибо жизнь без любви бессмысленна,
Потому что любовь бессмертна.
1941

ЛЮЯБЛЮ

Поэма

1

Были всякие психологические опыты
С целью разгадать людей,
И наступили доверия пропады
И путаница идей.
Уступали наблюдателю
Действующие лица.
А иногда в нём видели предателя
И желали удалиться.
Каждый уходил в такое,
Что свойственно только ему;
Но это было то, кое
Приносило мало пользы уму.

2

Можно с одной спать ночь,
С другой — что-нибудь ещё,
С третьей гнать мысли угрюмые прочь
За поллитрычем хорошо,
С четвёртой — кататься на коньках.
Какую из них любить?
Какую любить — означает как
Быть или не быть.
Любить надо всех, хоть их будет сто,
Чувство любви дробя.
Одну надо только любить за то,
Что любит она тебя,

Другую за то, что спит с тобой.
Третью можно за ум её.
Между любимой и любой
Лишь две буквы «им», так я думаю.

3

Как быть такому? Ликованья
Он ищет и любви утех.
И начинается бракованье
Всех женщин, этих или тех.
И та не та,
И эта не эта.
А надо? Ну да!
И ищет по свету.
Одну от других завсегда отличающий:
999, в лучшем случае, — к дьяволу,
А 1000-ю называет отвечающей
Своему идеалу.
Для него откопалась которая та,
Он нашёл лучше тех, и зачем целых три враз!
Это будет любовь? Да.
И любовь и несправедливость.

4

Женщину не обидь,
Женщину надо искать,
Женщину надо любить.
Женщину надо ласкать.

5

Любить можно жареного гуся
Или Брюсова.
Только про это сказать нельзя
Ничего люяблюсного.
Всё, что застряло в моих глазах,
Стихом своим зря я бью.
Только про женщину можно сказать
ЛЮЯБЛЮ.

6

Могу от женщин одуреть я
И позабросить все дела.
А женщина во все столетья
Ничего не изобрела.
Виной всему один мужчина,
Открыл всё он, а не она.
И даже швейная машина
Не женщиной изобретена.
Я богатырь, как и мой прадед,
Во многом многих я умнее.
Мне если хорошо заплатят,
Я очень многое сумею.
Своих стихов не издавая,
Ищу работы отовсюду.
Пилить дрова, не уставая,
Могу с рассвета до салюта,
Могу к Казанскому вокзалу
Доставить чемоданов пару,
Могу шататься по базару

И загонять там что попало.
В Поэтоград моя дорога,
Меня среда не понимала.
Так что могу я очень много
И в то же время очень мало.
1944

ХИХИМОРА

Поэма

1

Не ишу от стихов спасения.
Так и буду писать всегда.
У меня все дни — воскресенья.
И меня не заела среда.

Сочиняю вечно стихи мои,
Хотя жажду иного счастья
И рассказываю о Хихиморе,
Чтоб к ней больше не возвращаться.

Она смотрит куда-то глазами
И покачивается, как чёлн,
И ни в чувстве её, ни в разуме
Смысл всего, а чёрт знает в чём.

Астрология и алхимия —
Повседневные наши труды.
Дорогая моя Хихимора,
Всё зависит от ерунды!

Наши встречи зависят от случая...
Я люблю — сочиняю стихи я...
Ты из девочек самая лучшая,
Ну а все остальные плохие!..

<...>

Я тебя полюбил. Не веришь? Не верь.
Но иного спасенья нет.
Это очень просто: тушится дверь,
На крючок запирается свет.

Я, по всей вероятности, балагур...
Обязательно будь моей —
И мы будем с тобою на берегу,
На берегу морей.

Чёрное море, Каспийское море —
На географической карте России.
И ещё хорошо, что нас только двое,
Я сильнее тебя, ты меня красивей.

Пусть желанье моё исполнится...
Через несколько лет всё равно
Будет новое что-то, и вспомнится,
Как меня обмануло оно!

2

Не знаю, в каком я раю очучусь,
Каких я морей водолаз,
Но мы соберёмся под знаменем чувств,
Каких не бывало до нас!

И взглянем с непризнанной высоты
На мелочность бытия.
Всё очень ничтожно и мелко... А ты?
Ты тоже ничтожна. А я?

Я как-то неэдакно дни влачу;
Но не унываю теперь.
Как пьяницу тянет к поллитрычу,
Так тянет меня — к тебе ль?..

Ну а почему — ты не ведаешь —
Не мне, а другим лафа?
Нужна над тобой мне победа лишь,
А всё остальное слова.

Ищи постоянного, верного,
Умеющего приласкать;
Такого, как я, откровенного,
Тебе всё равно не сыскать!

Ищи деловитого, дельного,
Не сбившегося с пути;
Такого, как я, неподдельного,
Тебе всё равно не найти!

Люблю тебя за то, что ты пустая;
Но попусту не любят пустоту.
Ребята так, бумажный змей пуская,
Бессмысленную любят высоту.

Ты не можешь хотеть и не хочешь мочь.
Хороню быть с тобой на ты...
Я тебя люблю. Перед нами ночь
Неосознанной темноты.

Непохожа ночь на нож,
Даже если нож не остр...

Мост на берег был похож,
Берег был похож на мост.

И не ехали цыгане,
Не мелькали огоньки,
Только где-то под ногами
Снегом скрытый лёд Оки.

Мост над речкой коромыслил,
Ты на Третьем берегу..
Я тогда о чём-то мыслил,
Если вспомню — перелгу.

Огромный город. Затемнение.
Брожу. Гляжу туда, сюда.
Из всех моих ты всех моейнее —
И навсегда!

Как только встретимся, останемся,
Чтоб было хорошо вдвоём,
И не расстанемся, и не состаримся,
И не умрём!
1944

ЛИДА

Позма

Дорогая и самая лучшая,
Настоящая, как Л. Ю. Б.
Наши встречи зависят от случая,
Но тебя я, конечно, люблю.

Почему? Не ведаю.
Люди в чувствах своих не вольны.
Наши встречи явились победою
В результате лишений войны.

Были трудности и лишения,
Стёкла выбитые в окне,
И имели они отношение
Непосредственное ко мне...

Впрочем, разве я обыватель —
Я бродяга дорог и гор,
И военный обозреватель,
И себе самому спецкор.

Почему меня тянет к людям,
А на небе ни луны?
Быть хочу я самым мудрым
Мудрецом своей страны.

Отдаюсь борьбе течений,
Что идёт в течение лет.
Гений я или не гений?
Всё равно мне это? Нет!

Превзойду, что было раньше,
Сочиню всехлучший том
И стихом со всеми слажу —
Ну а дальше? А потом?

Ошарашу мир размахом
Мысли, образов и тем.
Буду крыть, как кроют матом,
Только лучше. А зачем?

Нет ответа, нет ответа, нет ответа.
Есть война.
Но и пьяный не от ветра
Шатается. От вина.

Так и я отдаюсь минутам,
Но от вечности не отвык.
Почему меня тянет к людям
И отталкивает от книг?

Книги лучше, но хуже путь их,
А всего больше смысла в играх.
В книгах то ищу, что в людях,
В людях то ищу, что в книгах.

И слагая хороший и пьяный стих,
Всюду, ни был где б я,
Я искал для него популярности,
Но в тебе я нашёл тебя.

Без тебя, до тебя нашёл истину в вине я;
Но, как рыцари Средних годов,
Доказать чтоб, что ты единственная,
На турнирах сражаться готов!

Наши встречи зависят от случая,
Я люблю — сочиняю стихи я.
Ты из девочек самая лучшая,
Ну а все остальные — плохие.

Впадаю, впрочем, в ложь и я
В процессе стихованья.
Все девочки хорошие,
Как говорила Фаня.

И чтобы это углубить,
Чтоб было очень верно,
Всех надо девочек любить
Примерно равномерно.

И всё равно, с которой спать,
Помыслить если здраво,
А если сможешь сразу пять,
То честь тебе и слава.

Любовь, объективная реальность,
Данная нам в ощущении.
Девочки скажут мне: выбирай нас, —
Я легко поддамся внушению.

Если в нетопленной квартире продрог
И стало холодно очень,
Можно любить и двух, и трёх
В течение одной ночи.

Но как же ты, моя любимая?
Коль договаривать до дна,
Я первый говорю: люби меня,
И в мире — ты только одна!

Но хорошо прийти и лечь с ней,
С любой, когда она без платья.
Воистину – противоречье,
И не противоречит правде.

Любить трёх женщин нечестно разве?
Несправедливо разве? Но
Ханжа мне скажет: безобразье,
Противно и безнравственно.

Борьба с ханжами не нова,
Но смысл борьбы реален,
А я совсем, совсем не а-,
А только внеморален.

В самом деле, не всё равно,
Буду верен или не верен?
Может быть, я не прав, но
Зато откровенен.

Среди других тебе есть равные,
И тостов мне не жаль заздравных
В честь тех, других.
Они ведь славные,
Но Лида первая из равных.

Хорошо, что ты мной открыта,
Среди всего, что даже не злит.
Ты чудная, чудная Лида,
Самая лучшая из Лид.

И, как многие, слушая радио,
Может быть, ты не хочешь и знать

Про чудную, чудную Надю,
Самую лучшую из Надь.

Для того вставил Надино имя я,
Ибо псевдопоэт какой
В тех стихах, где одна любимая,
Вставит имя любимой другой?

Испугается, не посмеет
Дошагнуть до таких вершин.
Не поймёт лжепоэт, а смерит
На затасканный свой аршин.

Захочет увести её
В мирок своих страстей,
Мадрид его в Кастилию —
И никаких гвоздей!

Что другой не придумает, выдумаю,
И меня не угробят года.
Я умею любить только Лиду мою,
Не забуду её никогда.

Но тебе быть неверным могу я,
То же чувство к тебе дробя,
Иногда я целую другую,
Потому что люблю тебя.

Я тебя люблю и верю,
Чтоб всю ночь с тобой валяться,
Только быть не надо дверью
И притворяться.

Я тебя люблю и верю,
Как последний шляхтич Польшу
И как Шеришевский Леру,
Только лучше или больше.

Я тебя люблю и верю,
А не дурака валяю.
И тебя себе теперь я
Навеки доверяю.

Пусть желание моё исполнится,
И, стихами отражена,
Ты моя, если хочешь, любовница,
Если вывески любишь, жена.

Я, может быть, не искренен, не откровенен?
И не утомлён войной?
Неправда! И под потолками таверн
Пить буду с тобой вино.

И от лекций и деканов
Будешь ты со мной в бегах,
Звон стаканов, звон стаканов
Будем слушать в кабаках.

Пусть сопьёмся, пусть сопьёмся,
Пусть сопьёмся мы с тобой;
Но с дороги не собьёмся,
Предназначенной судьбой.

Лучше ханов и султанов
Будем жить с тобой вдвоём.
Звон стаканов, звон стаканов
Должен быть, пока живём.

Ну а если, умирая,
В рай войдём,
 во ад не канув,
Непременно будет в рае...
Звон. Звон. Звон стаканов!

Но нет тебя, и ты далёко,
А я живу, стихи твоя.
Куда ведёт меня дорога,
Моя дорога и твоя?

<...>

Всё, что ничтожно, уничтожу
В своих стихах, а ночь, что негр, —
Хороший образ. Ну и что же?
А ничего: белеет снег.

Не согревает белый снег,
Как белое вино.
Кабы растаял белый снег,
То было бы темно.

Он освещает ночью всех;
Снежинки — светлячки.
Ещё походит белый снег
На белые стихи.

А на мои стихи белснег
Нисколько не похож,
Ибо растает он в веках.
Растает. Ну и что ж?

А мой стих, что спирт,
Речь, что хлеб, ржана.
Не со мною спит
Не моя жена.

Прежде я скорбел,
Проклиная быт,
Видя сей пробел:
Не со мною спит.

Но явилась ты,
И вопрос решён.
Пролетят, как дым,
Ласки прочих жён.

Я весь мир куплю
За свои грехи.
Я тебя люблю —
Я пишу стихи.

Роль стихов исключительно эхова.
Никогда я в стихах не робел.
Ну а ты от меня ты уехала,
Так что в жизни моей пробел.

Чтоб трудности дорог брать,
Как говорится, с бою,
Тебя я должен трогать
И видеть пред собою.

И в папиросном дыме
Должна являться ты мне.

Ты редко являешься, я не рад
И нынешним днём недоволен.
Стихи сочиняю про Поэтоград, —
Не то пацифист, не то воин.

Может, я недоволен эрою,
Той, которая надоела,
И кричу ей: «Не надо, эра!»
Что не надо? И что я делаю?

Я готов заниматься проводом.
И сжигаю свои корабли.
Всё что есть, пропадает пропадом,
Остается лишь чувство любви.

Всё уходит куда-то,
Себе самому вторя.
Мира не агитатор,
А развлекатор я.

Миром отверженный с детства,
Я постигаю глубь:
Лучшее агитерство —
Рубль.

Лучше быть в мире сотым,
Чем в лучшей деревне первым.
В мире доступно всё там
Только писательским перьям.

Я писатель белых ворон,
Не поверивших в истуканов.
Что услышал я в хоре времён?
Звон стаканов.

А наша жизнь такое что?
В какой тупик зашла?
Она не то, не то, не то,
Чем быть должна.

Жаль дней, которые минуют,
Бесследьем разозля,
И гибнут тысячи минут
Который раз зазря.

Жду как дурак отрадну весть,
Которую-нибудь,
И время, лучшее, что есть,
Расходую на путь.

А путь — бессмысленный тупик,
И не хватает водки,
В которой я скорбеть привык,
Но жизнь прекрасна всё-таки!

И тем обидней для меня,
Что жизнь хорошую такую
Неостроумно променял
На чёрт знает какую.

Пускай говорят, рай на ад променял —
И вот: не течёт вино в ад.
Пускай и не то говорят про меня.
А я? Нет! Я не виноват!

Какою должна быть — на жизнь-лотерею
Не я променял. Так живётся теперь —

И чудно, и трудно,
но преодолею
Трудности всех путей, поверь.

А перед тем была любовь,
Что проходила мимо.
И исчезала средь клубов
Махорочного дыма.

Я лучший после Маяковского
Поэт эпохи, а она
Глупее, чем жена Чайковского,
Не понимает ни хрена...

Она мне нравится как женщина.
Хотя я знал, что только вещь она.

Пришла пора, как ей подобные,
Она смешалась с толпой,
С собой увлѣк людской поток её,
Когда я встретился с тобой.

Всѣ то же чувство пережитое —
Из побрякушки только в меч.
И увлечѣн теперь я Лидою.
Пиши стихи, противоречь.

Ступай, как говорят, навстречу
Удаче и врагу.
Согласен. Не противоречу.
Желаю и могу.

Не жди меня, но я вернусь.
Разлуки — пустяки.

Смотри: я вовсе не ленюсь
Писать тебе стихи.

Не жди меня; но я вернусь.
Разлуки — ерунда.
Сказать я только не берусь,
Вернусь к тебе когда.

Человек предполагает,
А Господь располагает.
Если это совпадает,
Человеку хорошо.

А мне с тобой хорошо или скверно?
Отчасти чудесно, и трудно отчасти,
И, может быть, плохо; но завтра, наверно
И верно, придёт огромное счастье...

Так плохо — значит, эдак — здорово, —
Так я предполагал вначале,
И так и эдак лишь две стороны
Одной и той медали.

Любовь моя, быстрее рек теки,
И мысль моя, в стихи сложись.
Так надобно для диалектики,
Которой имя наша жизнь.

Ты для меня любви название,
И смысл любви, и цель путей.
Тебя любить — моё призвание,
Как жить — призвание людей.

Исход любви не смерть, так старость,
На время — стоит ли труда? —
Я помню: мы с тобой расстались
И я побрёл. Куда? Туда.

<...>

Дорогая и самая милая!
Все желания истребя,
Буду вечно хотеть в мире мира я,
Настоящих стихов и тебя.
1945

ТРЕТИЙ БЕРЕГ

Отрывки из поэмы

*

Так надо. Вечно я
Глазею на
Первую встречную:
Она или не она?

Иду и думаю,
Когда иду,
Тогда про ту мою
И эту ту.

А в ночь угрюмую,
Когда темно,
Иду и думаю:
Что мне дано?

Что дано? Ничего не дано.
Не даётся оно, а берётся,
Надоело давным-давно,
Что за всё это надо бороться.

Мне даны причитанья причуд,
Неоткрытых открытий высоты,
Мысли, что мудрецы перечтут,
А глупцы превратят в анекдоты.

*

Ты не можешь хотеть и не хочешь мочь,
Хорошо быть с тобою на ты,
Я тебя люблю. Перед нами ночь
Неосознанной темноты.

Пусть желанье моё исполнится,
И, стихами отражена,
Ты моя, если хочешь, любовница,
Если вывески любишь — жена.

Пусть желанье моё исполнится,
Через несколько лет всё равно,
Будет новое что-то, и вспомнится,
Как меня обмануло оно.

<...>

*

Человек предполагает,
А Господь располагает,
Если это совпадает —
Человеку хорошо.

Так как милая моя
Не понимала ничего,
Сама не знала, отчего
Не понимала ничего.

Она однажды ду-ду-ду,
Я удержать её не мог,
В последнюю секунду ту
Почувствовал, что одинок.

*

Однако эта ночь прошла,
Такая новогодняя,
А в мире одиночества
Просторней и свободнее.
1944-1948

ВСТУПЛЕНИЕ В ПОЭМУ

Темнотою и светом объята
В ночь июля столица Родины.
От Таганки и до Арбата
Расстояние было пройдено.

Очевидно, очередная
В личной жизни ошибка сделана.
Ветер выл, смеясь и рыдая,
Или время было потеряно.

Или так начинается повесть,
Или небо за тучами синее...
Почему ты такая, то есть
Очень добрая и красивая?

Почему под дождём я мокну,
Проходя по пустынным улицам,
В час, когда беспросветным окнам
Непрестанно приходится хмуриться?

Никого нет со мною рядом
На пустынном мосту Москва-реки,
Только тихо ругаются матом
Электрические фонарики.

Не имею ста тысяч пускай я,
Но к чему эти самые ребусы?
Почему я тебя не ласкаю
В час, когда не идут троллейбусы?

Москворецкие тихие воды
Заключают какую-то заповедь...

Всё равно не поймёшь ничего ты
Из того, что, наверно, нельзя понять.

Это я изнываю от жажды,
В чём нисколько меня не неволишь ты...
О любви говорили не дважды
И не трижды, а миллионажды!

Мне нужна от тебя не жертва,
А сама ты, хоть замуж выданная.
Если жизнь у меня бессюжетна,
Я стихами сюжета не выдумаю!

Эта мысль, хоть других не новее,
Непреложная самая истина, —
Ибо если не станешь моею,
То поэма не будет написана,
А останется только вступление...

Надо быть исключительной дурой,
Чтоб такое свершить преступление
Пред отечественной литературой!
1949

ОБЪЯСНЕНИЕ ЛЮБВИ

1

Взгляд на вещи бывает разный,
Я сжигаю свои корабли.
Я сторонник пусть самой грязной;
Но не чистой любви без любви,
Утверждаю как математик,
Диалектик, мудрец и поэт,
Что в любви романтик — ревматик,
Эпилептик и импотент.

2

Так всегда бывает вначале,
К сожаленью, так всегда.
Май сиреневыми ночами,
Дистиллированная вода,
Сила страсти за синей далью,
Откровенно-правдивая ложь,
Повседневное пропаданье,
Разумеется, ни за грош.

А потом начинаются вина,
Обвинения и дела,
Виновата лишь тем, что невинна
Была, и была — не была.
И противно, и больно — и только.
Всё вино всё равно не вино,
Да и счастье — не счастье, и долго
Продолжаться не может оно.

Потому что они не пара,
А весь мир хуже, чем нехорош.
Всё поругано и пропало,
Разумеется, ни за грош.

3

Вы кому-то, наверно, снитесь,
Ночь раскинулась, как синева,
Антитезис, тезис и синтез —
Вразумительные слова.

Мне отнюдь не присуще злословье,
Так же, как славословья обман,
Антитезис Вы, предисловье
И вступление, а не роман.

Вы меня не поймёте, не царь я
И не узник, что под замком,
Отрицание отрицанья
Есть такой мировой закон.

Так сказать, на высшем этапе,
Неприемлемом для рабов
Предрассудков, потребность в бабе
Заключает уже любовь.

4

Расскажу вам одну нелепость,
Вы поймёте меня до дна,
Не придумал я. Вам и ей пусть
Зарифмовка посвящена.

Было так, что она не знала,
Говоря о добре и зле,
Что случится, но доказали,
Будто нет любви на земле.

Это можно сказать не каждой,
И гораздо лучше скрывать.
А она их спросила: «Как же?
Нет любви, есть одна кровать?»

Да, так значит, вся жизнь нелепость,
Где всё можно купить за рубли,
Да?» — И бросилась под троллейбус,
Сожалея, что нет любви.

А любовь ни смерить, ни взвесить,
И её, как правило, нет;
Но она бывает раз в десять,
А быть может, раз в двадцать лет.

Точка зренья моя как поэта
Такова, что любовь — не судьба,
В битвах жизни любовь лишь победа,
А вся жизнь — не победа, борьба.

5

Не моя, не любимая, Вы вот
Захотели хороших стихов,
Но не сделали правильный вывод
Из того, что отметил Глазков.

Вы ещё, так сказать, не жили,
А хотите любви, пусть так,

А любовь эту Вы заслужили,
Ту, которая не пустяк?

Или омут мещанского счастья
Означает весь рай земной?
Или Вам не дано соглашаться,
Потому что я умный, со мной?

Или Вы не стремились в дали,
Вам приятные издалека,
Или мало Вы пропадали,
Или ищете дурака?
Или Вы моя ученица,
Или созданы не для труда;
Но в любви, как во всём, подчиниться
И командовать можно тогда.

6

В твоей судьбе
Всё так неладно,
Ты вещь в себе,
Созданье Канта,
И глушь, и дичь
Страны дым-дыма,
Тебя постичь
Необходимо.

* * *

Это надо понимать
И не очень куролесить,
Раз, два, три, четыре, пять,
Шесть, семь, восемь, девять, десять!
1977

наука выпивать

**ИСТОРИЯ ВЫПИВАНА СТАРКИНА,
рассказанная колхозницей села
Глушихина Опрокинъей Выпивановой**

Давным-давно уродился в раскольничьей семье сынок. Дали ему соску сосать — не принимает. Тем временем вошёл в избу православный поп и изрёк:

— Чем ребёночка молочком морить, вы бы ему лучше горилки дали!

Уцепился ребёночек за кружку с горилкой ручонками и опрокинул. Дивились мужики великому чуду и в тот же день всем селом в православную веру перешли.

А ребёнок рос не по дням, а по часам — и осьми лет от роду таким отважным атаманом стал, что никто его перепить не мог. Услыхал про то генерал-губернатор города Чкалова и усыновил Выпивана.

Двадцать лет жил Выпиван в доме у губернатора. И однажды генерал-губернатор в честь путешествующего шаха персидского бал-маскарад устроил. На том бале-маскараде шах и Выпиван Старкин стали соревноваться, кто больше выпьет.

Три дня и три ночи пили. На четвёртые сутки шах неосторожно горящего пламени коснулся — и загорелся: настолько он проспиртован был! А Выпиван стал шаха тушить и тоже загорелся.

Пепел шаха в урну положили и в город Тегеран увезли. А Выпивану Старкину генерал-губернатор повелел одинокий курган воздвигнуть, который, если ехать из Москвы в Ташкент, из окна вагона-ресторана увидеть можно.

ОКУРОК

Он валялся подле ног
В магазине «Бакалея»,
И ещё струил дымок
Золотой табак, алея.

Подошла, забыв дела
(Знать, одна из балагурок),
И зачем-то подняла
Хоть красивый, но окурок.

Дым задулся, очертя
Синеватую картину.
Фимиаи каким чертям
Курят люди никотином?

Как всегда, текла толпа,
Всё проведая и осмыслив.
Ветерок слегка трепал
Чувства, волосы и мысли.
1940

* * *

Пьяный ушёл от зимнего холода,
Пьяный вошёл в кафе какое-то,
Словно в июльский день.

Стопка, другая, и третья, и пятая,
Пьяный смеялся, падая,
Задевая людей.

Пьяного выволокли на улицу,
Лежит человек на снегу и простудится
Во имя каких идей?
1940

ПОСЛАНИЕ ИЛЬИ МУРОМЦА АЛЁШЕ ПОПОВИЧУ

Дорогой Лексей, попадьёвский сын!
Ты ко мне чем свет на ответ, сарынь!

Али удаль в тебе богатырская спит?
Ты скажи, зачем проворонил спирт?

Проморгал ты спирт, девок тиская, —
Пригорюнилась застава богатырская.

Добрым людям спирт, что коню овёс,
А без спирта они — что трамвай без колёс!

Ты — мерзавец, хам, и подлец притом:
Трезвость кража есть, как сказал Прудон!

Я тебя, подлеца, во музей отдам,
Где не топится целых сто лет камин...

Во музей отдам, будет плохо там
Со античными стоять статуэтками!
1943

* * *

Если сделает жизнь
Неприятностей много,
Ты тогда дербулызнь
Что-нибудь из спиртного.

Если счастье в делах
И огромная радость,
И тогда шандарахнь,
Чтоб почувствовать градус!
1944

ГИМН

А путь — тупик,
Тупик и пусть;
Вином топи
Унынья грусть.

Ибо вино,
Оно средь боя
Нам вверено
Самой судьбою.

Ибо вино
Спасенью вровень;
Кто пьёт его,
Тот не виновен.

Все, все грехи
Вино окупит;
Кто пьёт стихи,
Вино тот любит.

А ветров рать
Шумит над бором,
А умирать —
Так под забором.

Но так и быть,
Кричу ура я:
Согласен пить,
Не умирая...

1944

ЛУБОЧНАЯ КАРТИНКА

Ночь. Улица. Фонарь. Аптека.
Лучше нельзя сказать.
Автомобили обтека-
емой формы скользят.

А впрочем, необычайной
Ночи нет никакой на Руси,
А торчит себе в чайной
Добрый молодец, гой-еси.

Что он там распивает, чай? Нет,
Чай случайно стоит по столам.
Добрый молодец не замечает.
Сколько выпил он по сто грамм.

Разгуляй, перекаати-поле,
Сколько выпил он, трын-трава,
За всю жизнь свою выпил не боле
Кубометров водки, чем два.
1946

* * *

Я пишу на редкость мало
О напитке этом милом,
А среда не понимала
И считала водкофилом

И пропойцей — а на деле
Без волшебного напитка
Пребываю я недели,
Что есть нравственная пытка.

Мне, бедняге, очень трудно
На поэтовом престоле.
Полотенцем с горя тру дно
Стаканчика пустое.

Ничего не замечаю,
И в глазах моих печаль.
Знаю, водка лучше чаю,
А приходится пить чай.
1946

ПРО ВИНОГРАД

Потерпел корабль крушение.
Всем погибнуть суждено.
Было принято решение
Изучить морское дно.
Принято единогласно:
Против не было, все — за.
Лишь один бродяга спасся
И на остров забрался.

Так сказать, купайся в море,
Изучая берега
Или фауну во флоре,
Но живи без табака.
На бездымье разозлённый,
Брёл бродяга наугад
И наткнулся на зелёный
Красно-синий виноград.

Он хватал его ногтям
И глотал, как крокодил.
Тут пришли островитяне,
Много их, а он один.
И они его связали,
Полагая, что он пьян,
И они ему сказали
На языке островитян:

— Чужестранец! Ты нарушил
Основной закон страны!
Правду-истину послушай:
Эти ягоды хмельны!

Сок опасных этих ягод
Превращается в вино,
И у нас в стране, бродяга,
Пить его запрещено!
Утолить нам жажду надо —
Пьём мы воду или чай!..
В оправданье винограду
Что ты скажешь?.. Отвечай!

— Ежели такая заповедь,
Помутился у вас ум.
Ежели вина нельзя вам пить,
Собирайте хоть изюм!..
Я приехал из России,
Ел изюм не так давно...

Тут они его спросили:
— А изюм — это вино?

И бродяга благородный,
Не прося за то наград,
Рассказал тому народу
Про сушёный виноград.
Тут воскликнул мудрый старец:
— Ты открытём весь наш край
Осчастливил, чужестранец!
Что ты хочешь? Выбирай!

Бабы лучшие твоими
Будут!.. Хочешь, на века
Мы твоё прославим имя!

Что ты хочешь?
— Табака!
Я приехал из России,
Не курил давным-давно.

Тут они его спросили:
— А табак — это вино?

1947

ЭКЗОТИКА 1947 ГОДА

Пусть будет зной,
Мне хоть бы хны:
Взамен пивной,
Есть чайханы.
Иду туда,
Где не печаль:
Журчит вода,
Струится чай.

Вот чайхана,
Где старина,
Она одна
Так названа:
«Оплот
Почётных стариков»!
Вкусить почёт
И я готов!

Течёт арык,
Плывёт балык,
Везёт ишак
Шашлык в кишлак.
Свисает с крыш
Малыш кишмиш.
Сосал насвой*,
И сам не свой!

* Жевательный табак.

* * *

Эти сказки и легенды
С их благоуханьем спирта
Не поймут интеллигенты,
Скажут — пошло и избито.

Но поймут ловцы Вселенной
Актуальность сказки дивной
О бутылке неизменной,
Неразменной, нераспивной...
1948

* * *

Чем ярче индивидуальность,
Тем одареннее поэт;
Обратна пропорциональность
Его успехов и побед.

Не можно индивидуальность
С его успехами сложить:
Но можно индивидуальность
Глушить.

И, как пустынные растения
Заглохнут, если их полить,
Так индивидуальность гения
Заглохнет, если водку пить.
1946

ИМЕНИ ТОВ. МАТВЕЕВА

Вот вам мир, в котором ларчик
Открывается просто:
Хорошо в заглянуть в подвальчик,
Для начала выпить грамм по сто.

Я выпить почти что всегда готов
За наступление новых годов,
За всё, что ново
И не хреново.
Хорошо пить в подвальчике имени
тов. Матвеева.

Скажете: рифмы не нашёл для
Матвеева.

Обвинение это напрасно.
Материя — Матвеева,
Матвеева — дерева.
Ясно?
Вернёмся к пьянству.

Ты премудр, как Сократ.
Пробежал по прейскуранту,
Говоришь официанту:
«Дайте мне котл. рубл. мясн. с карт.».

С бокальчиком чокается бокальчик,
В бокальчиках пиво пенится.
Весь подвальчик-ресторанчик
Как огромная пепельница,

У которой стенки гулки.
Водка тоже не вода.
Наши души, как окурки,
Богом брошены туда.
1949

МРАЧНЫЕ ТРУЩОБЫ

Пусть будет эта повесть
Написана всерьёз
О людях тех, чья совесть
Чиста, как Дед Мороз.

Один из них пропойца,
По пьянству богатырь,
И светит ярче солнца
Его душе бутыл.

Чтоб водка вместо чая
Струилась, как вода,
Он пропил всё, включая
И друга, и врага.

И в день весёлый мая
Привёл меня туда:
Одна стена прямая,
Другая — как дуга.

От края и до края
Примерно два шага,
И комната такая
Не очень велика.

Однако очень славно,
Не ведая забот,
Там девочка Светлана
Безвыездно живёт.

Она провоевала
Число иных годов
И видела немало
Людей и городов.

По Западной Европе
Поездила она.
Хранятся в гардеробе
Медали, ордена...

Я это понимаю,
Хоть сам не бил врага...
Одна стена прямая,
Другая — как дуга.

И свет не льётся яркий,
Окно затемнено:
Под Триумфальной аркой
Запрятано оно.

И лампочка мигает
Всего в пятнадцать свеч.
Но это не мешает
Веселью наших встреч.

Мы курим, дым вздымая
Почти до потолка.
Одна стена прямая,
Другая — как дуга.

Заманчиво и странно
Любя и веселя,
Там девочка Светлана
Не пропадает зря.

С ней можно очень просто
Совсем не унывать;
Одно лишь неудобство —
Скрипучая кровать.

Железная такая
В безмолвии ночей
Скрипит, не умолкая,
Туды её в качель!

Скрипит, не умолкая,
Не пропита пока...
Одна стена прямая,
Другая — как дуга.
1950

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА

Подражание Пьеру Беранже

Стоял в Гренобле холод ярый,
Как полагается зимой.
Поклонник Вакха запоздалый
Не мог найти пути домой.
Стремился он домой, к постели,
К своей жене, согреться чтоб...
Бандиты пьяного раздели
И голым бросили в сугроб.

А наутро он опохмелялся,
Поднимая заздравный бокал,
И людской доброте умилялся,
И свирепых бандитов ругал.

Фиалки зацвели в апреле,
В реке сияли стаи звёзд.
Когда поклонник Вакха пере-
бирался через Чёртов мост!

На оптимиста хулиганы
В ту ночь напали неспроста
И прямо к морю-океану
Швырнули с Чёртова моста.

А наутро он опохмелялся,
Подымая заздравный бокал,
И людской доброте умилялся,
Хулиганов коварных ругал.

Великолепна ночь июля,
Вокруг огни и тишина,
На небе города, ликуя,
Смеялась пьяная луна.

Поклонник Вакха до рассвета
Природой любоваться мог,
Но королевская карета
Его, беднягу, сбила с ног.

А наутро он опохмелялся,
Подымая заздравный бокал,

И людской доброте умилялся,
А владельца кареты ругал.

Роняет листья лес багряный,
Сверкают звёзды в вышине.
В такую ночь такой же пьяный
Вернулся к собственной жене.

Ну, а она собирает вещи,
Опустошённая до дна,
И говорит ему зловеще:
— Тебе я больше не жена!

А наутро он опохмелялся,
Подымая заздравный бокал,
И людской доброте умилялся,
И супругу свою обнимал!
1952

* * *

Одиннадцатый час.
Как сорняки во ржи,
От дома отлучась,
Мелькают алкаши.
Стоят они у врат,
Хотят внести свой пай,
Чтоб опуститься в ад
И погрузиться в рай.

БЫЛИНА О БОГАТЫРЕ НАРОЧИТОВЕ

А и было то дело в Москве, во столице:
Захотел разгуляться и повеселиться

Добрый молодец Нарочитов Серёжа,
По прозванию Сергей и по отчеству тоже.

Резву ножку в железну подножку вдевая,
Оседлал Нарочитов добра трамвая.

Заплатил он кондукторше тридцать копеек,
Устремился, как лев, на неведомый берег.

А навстречу ему из-за тёмного леса
Выползает, как змей, Выпивухин-повеса.

Говорит Выпивухин: «Ха-ха, Нарочитов!
На меня, Выпивухина, ты не рычи так!

Я за раз выпиваю два литра «Столичной»,
Ну а ты, Нарочитов, — поэт истеричный.

Дарованьем твоим восхищаться не буду,
Но тебя перепью я в любую минуту!»

То не горы высокие рухнули в бездну,
То не море шарахнулось к тучам небесным,

Не дубраву в лесу повалил буйный ветер, —
То тому наглецу Нарочитов ответил.

Он сказал: «Ах, собака, собака-щенок ты!
Перепить Михаила Светлова не мог ты,

С Недогоновым Лёшей ещё не пивал ты,
И у Тихонова никогда не бывал ты.

И Глазков — величайший непризнанный гений —
Про тебя не придумывал стихотворений.

Кто кого перепьёт, мы с тобою поспорим,
Хоть сейчас буду питья с тобой смертным поем!

Но не вздумай же ты состязаться со мною,
Потому что тебя зашибу я соплёю!»

И пошли добры молодцы в чистое поле.
«Вороньковку» избрали они для запоя.

Там, по сотне рублей разменявши ретиво,
Взяли по восемьсот и по кружечке пива.

Так и пили они до полночного часа.
Нарочитов на резвых ногах закачался,

Но, качаясь, поэт не свалился в канаву,
А сказал: «Мы пойдём в эту самую... “Нарву”!»

До земли низко кланяясь зданьям высотным,
Побрили добры молодцы по синусоидам.

В «Нарве» грамм восемьсот взять сумел Выпивухин,
Нарочитов — пятьсот, ибо был он не в духе.

Выпивухин тогда, предвкушая победу,
Незаметно подлил цинандали поэту,

Ибо тайну узнал у буфетчицы Гали,
Что Серёжа чихает с того цинандали.

Зачихав, Нарочитов сказал: «Ах, собака!
Ты меня перепить не сумеешь, однако!»

Богатырь понатужился тонкой ноздрёю
И швырнул в Выпивухина звонкой соплёю.

Та сопля, как калёна стрела, зазвенела
И впилась Выпивухину в белое тело.

Выпивухин, как клён молодой, закачался,
Выпил водки, свалился под стол и скончался.

Слава богатырю, что рассветной порою
Перешиб супостата победной соплёю!
1952

ПРО ЧЕРТЕЙ

В чертей хоть верьте, хоть не верьте —
Но я скажу вам не шутя:
Мне начали являться черти
От многодневного питья.

Они являлись мне ночами
Из тьмы безграмотных веков
И с подоконника кричали:
— Глазков, Глазков, Глазков, Глазков!

Нечистый этот крик, однако,
Меня нисколько не смущал:

Я пил живительную влагу,
Когда потребность ощущал.

Те черти вовсе обнаглели
И сразу после пьянвара
Расположились на постели,
Мне ничего не говоря.

Они в количестве немалом
Обрушивались на кровать,
Барахтались под одеялом
И, так сказать, мешали спать.

Что черти мелкие поэтам?
Их не должны пугаться мы.
Но как-то раз перед рассветом
Ко мне явился сам Князь тьмы.

Он, серый, словно весь из дыма,
Стал дуть что было адских сил, —
И я весомо, грубо, зримо
Смертельный холод ощутил.

Погибнуть? Умереть без смысла?
Нет! Только жить хочу я весь!
Я в этот миг перекрестился, —
И самый страшный бес исчез.

С тех пор... Да сгинет сила злая!
Я самому себе не враг:
Я водку не употребляю,
А пью вино или коньяк.

1954

ЗА МОЮ ГЕНИАЛЬНОСТЬ

Мне простите, друзья,
Эту милую странность,
Но не выпить нельзя
За мою гениальность!..

Не хвалю я себя —
Просто сам в себя верю,
Откровенность любя,
Не терплю лицемерья.

Нынче этот порок
Уподобился язве.
Говорю как пророк —
Не согласны вы разве?

А грядущая даль
Для меня что реальность.
Опрокинем хрусталь
За мою гениальность!

Согласиться я рад
Даже с первого раза,
Что историю творят
Не герои, а масса!..

Но в искусстве царит
До сих пор необычность,
И искусство творит
Гениальная личность!

Как великий поэт
Современной эпохи
Я собою воспет,
Хоть дела мои плохи:

В неналаженный быт
Я впадаю, как в крайность,
Но хрусталь пусть звенит
За мою гениальность!
1955

СПОР ВОДКИ С КОНЬЯКОМ

Сказала водка: — Ты, злодей,
Пьянишь лишь избранных людей,
А я пьяню простой народ,
Меня любой рабочий пьёт,
Я всем доступна, дешева...

Сказал коньяк: — Твои слова
Демагогичны и пусты:
Ты дорога для бедноты.
У бедняков, коль посмотреть,
Хватаешь ты с полочки треть,
А иногда, тебя глуша,
Домой приходят без гроша.
Я видел, как в одной пивной
Чернорабочий и портной
Вдвоём истратили сот пять,
Вкруг них вилась подонков рать...

Но водка закричала: — Нет!
Ведь это люди наших лет!..
Не обижай моих ребят,
Их мной, а не тобой поят!

— И хорошо, — сказал коньяк, —
Что опустившихся бродяг,

Дежурных нищих у пивной
Поят тобою, а не мной!
Они на фронте были раз
И проявили героизм,
За этот подвиг, не трудясь,
Хотят пропьянствовать всю жизнь.
Кому они творят добро,
Выклянчивая серебро?
Ведь кланчат не на Божий храм,
А на сто грамм, на двести грамм!

Сказала водка: — Кланчат, да,
И непригодны для труда.
Ты их подонками зовёшь...
А тот, кто пьёт тебя, хорош?
Быть может, твой аристократ
Подонков хуже во сто крат?
Ведь он, чинуша, бюрократ,
Порой доходит до растрат!..

Сказал коньяк: — Меня бранят,
А я совсем не виноват!..
Ведь бюрократ, чинуша тот
Тебя во всех шалманах пьёт...
И говорит: «Я за народ!..»
И говорит: «Я патриот!
Я водку русскую люблю,
Её, родную, пригублю!..»

— Что ж! — Водка молвила в ответ:
Тут ничего плохого нет,
Что, славу родины любя,
Он пьёт меня, а не тебя!

Я рада, что сыны страны
Со мной, а не с тобой дружны.
Меня ведь породила Русь,
Ты ж — армянин или француз!

Коньяк воскликнул: — Ты — балда!
Картошка — русская еда,
Хоть из Америки она
В Московию привезена!..
В Отечественную войну
Спасла картошка всю страну;
А, скажем, репа или лук
Не обрели таких заслуг!..

Но водка крикнула: — Ха-ха!
Картошка, значит, не плоха!
Меня же гонят из картош,
И из опилок гонят тож,
Я обхожусь при этом в грош,
А прибыль, прибыль подытожь!
Моя продажная цена
Повыше, чем цена вина!..
Сам знаешь, что страна бедна,
А выручаю я одна!

— Всё это так, — сказал коньяк, —
А в то же время и не так!
Приносят людям много зла
Твои сивушные масла.
Калечит спившихся ребят
Родной твой брат — денатурат!..
А мой родитель — виноград,
Он создан людям для отрад;

И будет наш народ богат —
Забудет про сивушный яд!..
Я буду признан всей страной,
Победа в будущем за мной!..

Идут года, но до сих пор
Не утихает этот спор!
1956

ДУРАК И КОНЬЯК

Типично ли для дурака
Употребление коньяка?
Такой вопрос — вопрос не праздный,
Скажу: дурак бывает разный.

Бывает трезвенник-дурак:
Он лицемерию в угоду
Пьёт не вино и не коньяк,
А газированную воду.

И есть дурак-пропойца. Тот
Любой спиртной напиток пьёт.
Такой дурак-дегенерат
Готов глушить денатурат,

Коль водки нет, способен он
Лакать тройной одеколон,
А также может выпить сдуру
Чернила или политуру.

Коньяк он тоже пьёт отлично,
Но абсолютно не типично
Для забуддыги-дурака
Употребленье коньяка!

Лишь тот, кто выпить не дурак
И не дурак, — тот пьёт коньяк.
О нём скажу я под конец,
Что не дурак он, а мудрец!
1956

ИСТОРИЯ С ПРИДУРКАМИ

Не в лесу и не в перелеске —
В гастрономе, что на Смоленской,
Повстречались придурки с лентяем,
Говорят ему: — Помечтаем!
Ты мечтаешь не тухло, не скверно,
А куда интересней Жюль Верна,
И, конечно, приятней гораздо,
Чем писатели наши фантасты!

Есть согласие — к чему кривотолки?
Потому были сборы недолги:
Закупили закуски и водки
И явились к молодке-красотке.
Тут лентяй у красотки Маринки
По старинке иль по новинке
После выпитой четвертинки
Начал речь свою без запинки:

— Вот сейчас заглянуть, ребята,
Мне в такой коммунизм охота,
Чтоб была на работе зарплата,
А работа была без работы!..
Чтобы вместо станков в каждом цехе
Телевизор стоял для потехи,
Чтоб смотреть нам футбол с хоккеем —
Мы неплохо болеть умеем!

Чтоб в рабочее время, к примеру,
Все примерные пионеры
Нам в цеха приносили пиво —
Поступали бы справедливо,
Уважать бы учились старших!..
Завопили придурки: — Жми дальше!

— Дальше отдых после работы.
Если летом — на лоне природы,
А зимой или в дождь проливной
Отдохнуть всего лучше в пивной!..
Если надо податься в пивную,
Через речку пройду по бревну я,
Нет бревна, так пройду по канату,
Ибо опохмелиться нам надо —
После тяжелой работы уставшим!..
Завопили придурки: — Жми дальше!

Но Маринка заметила строго:
— Дураков всё ещё очень много.
Вы пусты, господа-придурки,
Не мечты у вас, а мечтульки,
И не мысли у вас, а мыслишки,
И не люди вы, а людишки!

Разобидясь, ушли от прелестницы
Все придурки с лентяем по лестнице —
И с тех пор выпивают придурки
В подворотне да в переулке!

* * *

Если деньги в землю закопать
И всё время водкой поливать,
Выше дома вырастут они,
И миллионером можно стать!

* * *

Великолепен мир под солнцем,
Когда коньяк опрокидонцем!

* * *

Закуска без вина скудна,
А выпивка одна — вредна.
Да здравствует товарищ Бахус:
Он чтит и выпивку, и закусь!

ГИПНОТИЗЁР

Гайдар любил изрядно выпить.
Зачем? Не думал, не гадал.
Не делайте поспешный вывод:
Во всём другом он был Гайдар.

Друзья усердные в ту пору
Его решили излечить
И повели к гипнотизёру,
Дабы от пьянства отучить.

Гипнотизёр — знаток нюансов —
Вмиг намотал себе на ус:
— Писателя за пять сеансов
От пьянства вылечить берусь!

Возможно всё в подлунном мире,
У доктора особый дар,
И был успешно за четыре
Сеанса вылечен Гайдар.

Весь ликованием объятый
Больной заметил: — Хватит с нас!
Врач возразил: — Пожалуй, пятый
Не помешает вам сеанс!

Что пьянство? Скопище позору
И зауряднейший порок.
В тот день Гайдар к гипнотизёру
Пришёл пораньше на часок.

И слышит он из кабинета
То, что четырежды слышал:
— Вам выпивать резона нету.
Зачем вам пагубный бокал?

Вы гений! Ваши все рассказы
Необходимы для людей,
У вас отточенные фразы
Пленяют взрослых и детей!

Вас ждёт великая эпоха,
Не одуряющий дурман...
С врачом прощается пройдоха,
Неисправимый графоман...

Гайдар сказал: — Спасибо, доктор,
Вас понимаю хорошо.
Пойду в кафе, где выпью портер,
Ну, и чего-нибудь ещё!

* * *

Быть хочешь постоянно пьяным,
Пей в будни так же, как по праздникам.
Будь безнадежным графоманом,
Будь беззастенчивым развратником,

Будь, если хочешь, морфинистом,
Будь неврастеником, лунатиком...
Но если сделался марксистом,
Не будь, пожалуйста, догматиком!
1964

* * *

На пир в ауле
Отцы нам дали
Напареули
И цинандали!

НЕЯСНОСТЬ

Должно быть, отвергая мрак,
Был выпить не дурак,
Я пил трёхзвёздочный коньяк
И марочный коньяк.
Должно быть, было суждено
В бокалах видеть дно.
Я пил креплёное вино
И лёгкое вино.

Помимо вин, кубинский ром,
Бенедиктин и джин
Вдвоём, втроём и впятером,
Однако не один,
Я пил в былые времена
Для собственных утех,
Запоминая имена
Напитков добрых всех.

Я поглощал за литром литр
На радость всем друзьям
Якутский спирт, французский сидр
И всяческий бальзам.
Напитки солнечной земли
Вкушал я много лет.
Не знаю сам, они пошли
На пользу или во вред?

ОПТИМИСТИЧЕСКИЙ ТОСТ

Ко мне придут мои друзья.
Пусть седы у них виски,
Мы унывать не станем зря,
А выпьем за разгон тоски!

Мы вспомним тех, которых нет,
И тех, кто были нам близки,
Вспомынем дружбу прошлых лет
И выпьем за разгон тоски!

Плывут по небу облака,
Бушуют воды и пески,
И мы состарились слегка,
Но выпьем за разгон тоски!

Приходит осень. Всё равно
Пробьются озими ростки —
Нальём в рюмашечки вино
И выпьем за разгон тоски!

Придёт студёная зима,
Опять анютины глазки
Взойдут застенчиво весьма —
Так выпьем за разгон тоски!

Умеем мы ходить пешком,
Не только ездить на такси!..
Вина студёного нальём
И выпьем за разгон тоски!

ОШИБОЧНАЯ ПОГОВОРКА

Не всех читаю — почитаю
Из мудрецов на книжных полках,
Но знаю: мудрость вековая
Таится в русских поговорках.
Они изящны и логичны,
Как у Евклида теоремы,
И излагают лаконично
Все философские системы!..
Они весьма необходимы
При спорах и при разговорах.
Любуюсь, восхищаюсь ими
Как друг народных поговорок!..
А всё ж в семье не без урода,
И ежели всмотреться зорко,
То есть у нашего народа
Ошибочная поговорка:

«Что у трезвого на уме,
То у пьяного на языке!..»

Ведь если на уме у трезвых
То, что на языке у пьяных,
То мыслят трезвые не резво
И трезвый ум в сплошных изъянах!..
Сам пьяный, ежели проспится,
То после пьяных передряг
Дурацких слов своих стыдится,
Хотя он... выпить не дурак!

ЗАСТОЛЬНЫЕ СТРОФЫ

1

Дуют северные ветры,
Утро хмуро, ночь темна.
Станет зимний вечер светлым,
Если выпить нам вина!

2

Нет веселья на селе,
Если не навеселе:
Лучше быть весёлым, резвым,
Легковесным
И нетрезвым!

3

Неважно веровал в Христа
И ещё хуже в Маркса,
Но Бахусу я честь воздал,
Ухлопав денег массу.
Служил ему по мере сил,
Его напитокки глушил.

4

На душе весьма тревожно,
Одолела грусть-тоска.
Разогнать унынье можно,
Если выпить коньяка!

* * *

Среди дорог, среди тревог,
В любые времена
Меня спасал воды глоток
Или глоток вина.

Без двух живительных глотков
Я, вероятно, не Глазков!

* * *

С семью пятницами на неделе,
До чего мне они надоели —
Эти скучные алкаши!

До чего друг на друга похожи,
Говорят все одно и то же
Об изгибах своей души.

Не хочу их ни слышать, ни видеть,
Неприятно от их болтовни,
Потому что как следует выпить-
Закусить не умеют они!

* * *

Я знаю цену увереньям пьяным
В той дружбе, что переживёт века.
Они страдают лишь одним изъяном:
Жизнь этих уверений коротка.

Напившись, собутыльники беспечно
Целуются, как верные друзья.
Они дружить могли б, конечно, вечно,
Да только вечно пьянствовать нельзя!

ЧТОБ ЛЮДИ ВЫПИВАЛИ ТАК, КАК ЛЮДИ...

Не одобряю скучных и угрюмых,
Бездумных и неостроумных пьянок.
Вино пить лучше из хрустальных рюмок,
Чем из консервных банок.

Не собираюсь где-то в подворотне
Поллитра на троих дерябать тайно.
Звон дружеских бокалов благородней —
Затем и существует Гусь-Хрустальный.

Чтоб люди выпивали так, как люди,
Не нарушая примитивной нормы,
Умельцы-стеклодувы в жаркой гуте
Дают стеклу задуманные формы.

Чтоб в рюмке, и в фужере, и в стакане
Сверкало солнце ярко и прекрасно,
Алмазчики на них наносят грани —
Затем и существует цех алмазный.

Художники работают умело,
Жизнь посвящая солнечной посуде.
Свершается полезнейшее дело,
Чтоб люди выпивали так, как люди!

* * *

Веселье боги обожали,
А не суровые скрижали,
Лирические на словах.
Юпитер пел девушкам улиц:
«Шумел камыш, деревья гнулись...»
Его вином поил сам Вакх!

АМУЛЕТ

Пил сынок. Жена сказала мужу:
— С алкашами дружен наш Митюша,
Но душою милый мальчик чист.
Знаю я, что против пьянства греки
До н. э., ещё в четвёртом веке,
Амулет носили — аметист.

Согласился муж: — Конечно, надо
Продолжать традиции Эллады,
Уважать Афины и Милет.
Камень фиолетовый прелестен,
Купим парню с аметистом перстень...
Только он пропьёт твой амулет!

1970-е

* * *

«Вино из всех лекарств лекарство!» —
Алкей сказал, поэт Эллады.
Нам, лучшим людям государства,
Его слова запомнить надо.

Бывало, пили мы, однако
Алкоголизму не сдавались,
У нас живительная влага
Кристаллизировалась в радость!
О радости печётся Бахус,
Вино сотворено во благо —
Ущербен бесконтрольный градус!
1973

* * *

Врач Зевс зовёт врача Орла,
Консилиум усилия:
— Картина ясной чтоб была,
Нужна нам биопсия!
Врачебный приговор жесток,
Навязчива идея,
И вырвал печени кусок
Орёл у Прометея.

Потом нависла над больным
Смертельная угроза.
Не ясно, что творится с ним,
Но не было цирроза!
Не шевелит больной ногой,
Лишь говорит: — И где я?
А люди чувствуют огонь
И пьют за Прометея!
1979

ОДИНОЧЕСТВО

Поэма

1

Жил в Москве один поэт-писатель
Амфибрахий Ямбович Хореев.
Понапрасну времени не тратил
Он на посещение музеев.

Сам музейной редкостью являлся
Амфибрахий Ямбович Хореев.
Всюду, где бы он ни появлялся,
Собирал он толпы ротозеев.

Потому что на его затылке,
Словно спирт в полтавском штофе крепком,
Возвышалось горлышко бутылки,
Остроумно вделанное в кепку.

Это было, может быть, нелепо,
И забыли многие про это...
Но гремело в дни и ночи нэпа
Имя забулдыги и поэта.

А потом Хореева забыли
Женщины, и дети, и мужчины,
Ибо всем нужны автомобили,
Трактора и швейные машины.

Ну а сей поэт имел характер
Не такой, чтоб воспевать заводы,
И живёт, не ведая заботы,
Амфибрахий Ямбович, бухгалтер.

Он пятнадцать лет стихов не пишет,
Но бутылке, как и прежде, верен,
Потому что счастья не ищет,
А бежать от счастья не намерен!..

Над Москвою небо сине-сине,
Час такой: не поздно и не рано;
И не купишь водки в магазине,
И уже закрыты рестораны.

На душе невыносимо плохо,
Разве это не на сердце рана?..
Справедливо сказано у Блока:
В час рассвета холодно и странно,

В час четвёртый ни утра, ни ночи
Видишь мир особыми глазами...
Ну а если выпить хочешь очень —
Водка есть на Киевском вокзале.

2

В пьянство, как в причастие, поверив,
Амфибрахий Ямбович Хореев
Закачался у буфетной стойки,
Вроде пароходика на Волге.

Но не падать — пьяниц всех привычка:
Пьяницы — народ на редкость ловкий!..
На полу меж тем валялась спичка,
Спичка с несгоревшею головкой.

Закружилась мысль поэта:
Если пить, то пить до дна!..
Ну а спичка, спичка эта,
Почему она одна?

Взгляд его скользнул по кругу,
Как бумага по перу —
И увидел он подругу
Бедной спички на полу.

Поднял спички, ту и эту,
Завернул в бумагу их,
Чтоб не маялись по свету
И людей не знали злых.

Чтобы жили и делили
Горе, радость пополам
И друг друга чтоб любили,
Не валяясь по полам!..

Между тем Хореев робко
К выходу направил бег,
И заметил он коробку
Папиросную «Казбек».

У вокзального порога
С четырёх сторон видна
Папиросная коробка, —
Почему она одна?

И Хореев благородный
Потерпеть того не мог:
Начал он искать подобный
Папиросный коробок.

И извлёк его из урны
Амфибрахий потому,
Что на свете очень дурно
Жить КАЗБЕКУ одному.

Он схватил КАЗБЕКА оба
И прижал к своей груди,
Чтобы их людская злоба
Не застала на пути!..

Чтобы жили и делили
Горе, радость пополам
И друг друга чтоб любили,
Не валяясь по полам.

Амфибрахий в упоенье
Был от этих мудрых слов.
В этот миг сердцебиенье
Ощущает он часов.

Бьют часы «тик-так» всё тише
На хореевской руке
От часов других, таких же,
Почему-то вдалеке.

Бьют часы ежесекундно
И отсчитывают дни.
Но часам работать трудно...
Почему они одни?

И ведут они беседу
С кем в свободные часы?
Вдруг увидел у соседа
Он подобные часы.

А сосед, уткнувший в водку
Благородные усы,
Песню пел про Волгу-Волгу
И не думал про часы.

А на деньги запасные
Заказал он ветчины.
«Выплывают расписные
Стеньки Разина челны!..»

Амфибрахий незаметно
Перерезал ремешок,
Совершил в один момент он
Героический прыжок.

И со страстью Архимеда
Погрузился в мир любви,
Чтобы парные предметы
Неразлучно жить могли!

3

Был невероятно одиноким
Амфибрахий Ямбович Хореев,
И сошёл с ума, подобно многим,
Амфибрахий Ямбович Хореев.

От обычных жуликов в отличие
Он не брал презренного металла;
Но его квартира обретала
Странный вид сплошного симметричья!..

Круглых два стола стояли рядом
Так, что составляли цифру восемь,
Весело висел халат с халатом,
Чайник к чайнику тянулся носом.

Были одинаковы буфеты,
Книг одноимённых было много,
И висели парные портреты
Пушкина, Некрасова и Блока.

Амфибрахий Ямбович старался,
Чтоб всё стало парным, лез из кожи.
Лишь зеркальный шкаф один остался.
Начал он искать другой, такой же!

4

Чтобы выйти
Из заколдованного круга,
Любите
Друг друга.
Чтобы не быть в обиде,
Когда придётся вам туго,
Любите
Друг друга.

Во время труда
И в час досуга —
Всегда
Любите друг друга.

Взгляните в окно:
Там бушует вьюга,

А вы всё равно
Любите друг друга.

Цветут цветом ярким
Растения луга —
И летом жарким
Любите друг друга.

Вы живёте на западе
Иль приехали с юга —
Помните заповедь:
Любите друг друга!

Под хвойными иглами,
Под зарослями бамбука,
Тешась привольными играми,
Любите друг друга.

Молодые, старые, —
Это вам говорит наука:
Во что бы то ни стало
Любите друг друга!

5

— Амфибрахий!
— Здравствуй, Боря!
— Чёрт возьми! Ты жив, поэт!
Не видались мы с тобою
Двадцать зим и двадцать лет!
Я-то думал, ты в Сибири!
Тоже дружба! Так нельзя!
— Неужели не забыли
Амфибрахия друзья?

— Нет! Но ты как в воду канул...
Впрочем, воду чем толочь,
Лучше трахнем по стакану!
— Выпить я всегда не прочь!

— Узнаю тебя, Хореев.
Вот,хвати сто грамм огня,
А бутылок батареею
Шандарахнем у меня.

А живу я на Арбате,
Горьким пьяницей слыву...
У меня жена есть, Надя,
Сам увидишь, как живу!..

Вот и дома мы. Знакомся.
Это вот моя жена.
Надя, ради друга, гостя,
Надо выпить нам вина!

Что ты смотришь, как тигрица?..
Кстати, нет на то причин!..
Встретить друга, с ним напиться —
Благороднейший почин!

6

Вот он поставил шкаф зеркальный
Со шкафом рядом,
Обвёл тот и другой нахальным,
Победным взглядом.

На столько лет в безвестность канув,
Всю скорбь изведав,
Он пару вытащил стаканов
Из двух буфетов.

7

Толковый литератор Боря
Часа в четыре (ночи)
Пришёл, нашёл следы разбоя
В своей квартире.

Бельё валялось на кровати
Под пиджаками,
А на полу валялись платья
Под башмаками.

И крепко связанная Надя
Лежала рядом.
Он посмотрел на всё, не глядя,
Печальным взглядом.

Заметил он на пианине
Чернила пятна.
А шкафа не было в помине —
Оно понятно!

8

Остроумный следователь Слуцкий,
В чине почитаемом майора,

Говорит: — Я доберусь до сути!
Это не покража, а умора!
Я верну вам шкаф, а после смейтесь!
Я до дела докопаюсь сразу!
Кто, скажите, за последний месяц
Заходил к вам в стойло Пегаса?..

Так, так... Нарочитов, говорите...
Он меня сейчас не занимает.
Пьяница, однако не грабитель.
Разве только деньги занимает
И не отдаёт... Оно понятно!
Мы над всеми «i» поставим точки!

Овский? Это маловероятно:
Он ворует лишь чужие строчки!

Кто ещё ваш терем посещает?
Ауков? Он тоже шкаф не вынес,
Ибо ничего не похищает...
Разве что у девушек невинность,

Да и то в своём воображенье...
А ещё какие есть таланты?
Прометеев. Я прошу прощенья,
Он ворует только прейскуранты!

Кто ещё стучится в ваши двери,
Чтоб напиться и развеселиться?
— Надя утверждает, что Хореев...
— Так, так, так... А это что за птица?

— Он, скажу я вам, настолько честен,
Что почти что равнодушен к тыщам.

— Ну а адрес вам его известен?
— Нет!
— Так в адресном бюро отыщем!

9

Господа! Себя виновным
На суде не признаю!..
Просто я искусством новым
Душу радовал свою.

Честный, как и все поэты...
(Возглас с места: «Вот нахал!»)
Я не брал у вас предметы,
Я их просто рифмовал!
1950

ВЕЛИКИЙ МАГ

Одноактная пьеса-сказка для кукольного театра

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Посетители кафе

Первый алкоголик.

Второй алкоголик.

Архитекторы Наташа и Юра.

Отец.

Сын.

Непризнанный поэт.

Любимая поэта.

Критик.

Официантка.

Первый всадник.

Второй всадник.

Великий маг
Пришёл в кабак
И сделал так,
Что свистнул рак!..
Всё, что мечталось
Или вспомнилось,
Вдруг оправдалось
И исполнилось!

ЗА ПЕРВЫМ СТОЛИКОМ

(Алкоголики)

Первый алкоголик

Поллитра на троих теперь не в моде,
За столиком оно культурней вроде.
Деньжата есть — и выпью я охотно.

Второй алкоголик

Местечко здесь не занято?

Первый

Свободно

Присаживайся справа или слева,
Графинчик мы закажем для сугрева!

Второй

Поллитра хорошо хватить с мороза,
Да денег мало...

Первый
(Официантке)

Деньги — это проза.
Сюда пятьсот и пива две бутылки.

Официантка

А на закуску?

Первый
(Второму)

На закуску кильки!
Ты сам-то кто?

Второй

Я вроде на заводе.

Первый

А почему тогда не на работе?

Второй

Да проявил себя немного ярко,
И, понимаешь, выгнали за пьянку!

Первый

Понятно всё: ты забуддыга старый,
Давай дерябнем, люмпенпролетарий!
(Выпивают.)

В т о р о й

Спасибо, друг, меня ты уважаешь,
Как настоящий, истинный товарищ!..

(Прослезился.)

Давай, мой друг, тебя я поцелую!

П е р в ы й

Давай сварганим лучше мы вторую!

(Пьют, запивают пивом.)

В т о р о й

Спасибо. Рад, что человека встретил!

П е р в ы й

Умолкни, брат, мы хватанём по третьей.

(Пьют, запивают пивом.)

В т о р о й

Да, это мысль!.. Ты парень, вижу, твёрдый!

П е р в ы й

Ты, друг, заткнись, зюсюкнем по четвёртой!

(Пьют, запивают.)

В т о р о й

Меня считают все за тунеядца,

А я увяз в кабацкой этой тине,

А я не знаю сам, куда податься?
А ты скажи, скажи, куда идти мне?

П е р в ы й

В Якутию, а можно на Чукотку,
Получишь деньги — отбивай чечётку!..
Таким, как ты, полезен Крайний Север!..
Но скушай кильку, хватанём по пятой!
(Пьют, закусывают.)

В т о р о й

А ты на Севере температуру мерял?..
Ты сам там побывал, буржуй проклятый?
Меня не проведёшь, я парень тёртый!

П е р в ы й

А провались ты к чёрту!

Второй пьяный проваливается.

И впрямь сосед мой провалился,
Но в этом я не вижу смысла...
Пожалуй, надо выпить всё-таки...
(Официантке.)
Сюда ещё графинчик водки!

В т о р о й

(глухо из подземелья)

Тебе желаю, мой сосед,
Чтоб сгинул ты за мною вслед!

Первый пьяный проваливается.

ЗА ВТОРЫМ СТОЛИКОМ

(Архитекторы)

Н а т а ш а

Ты очень сильно изменился, Юра,
И я тебя почти не узнаю.

Ю р а

Ты помнишь Институт архитектуры,
Ну, и мечту давнишнюю мою?..
Я помышлял о небывалом стиле,
И грезился мне сказочный объект..
А мне диплом вручили — поручили
Совхозного коровника проект!

Н а т а ш а

Но ведь коровники нужны совхозам,
И мы их проектировать должны.

Ю р а

Ты это, Ната, говоришь серьёзно
И веришь, что курятники нужны?
Ты б согласилась?..

Н а т а ш а

Соглашусь, быть может,
Пустой мечте курятник предпочту!..

Ю р а

Курятникам теперь лафа!.. Их множат
В длину, и в ширину, и в высоту!..
Не надо ни ума и ни таланта,
Чтоб выдавать бетонки на гора.
Дома сегодня, словно арестанты:
Их различают только номера!

Н а т а ш а

По типовым проектам строим здания,
Дешевле нам обходятся они,
Мы все живём в эпоху созиданья,
Ты на размах строительства взгляни!..
Поймёшь рациональное решение —
Не станешь говорить обидных слов.

Ю р а

Нет! Мы живём в эпоху Вырождения,
В эпоху совмещённых санузлов!
Я о семнадцатом мечтаю веке,
Пусть храмы благолепят города!..
Вспять потекли бы временные реки —
Уплыть хотел бы в прошлые года!..

Наташа одна остаётся за столиком. Юра переносится
в XVII век. Перед ним возникает деревянный город.

Краса и мощь всяя Руси
Москва царя, бояр, купцов,

Которую изобразил
Аполлинарий Васнецов.

Навстречу Юре скачут всадники. Поражённые
стандартным костюмом XX века, они останавливаются.

Первый всадник

Вот человек идёт в чудном наряде.

Второй всадник

Из немцев будешь или кто другой?
И чем ты занимаешься, приятель?

Юра

Учёный мастер я городской.
Хочу воздвигнуть храмов семиглавья,
Да будет град сей дивен и красив!
Я ревностный сторонник православья
И благолепия на святой Руси.

Первый всадник

Постой, постой, ты нам зело потребен,
Мы рыщем, ищем мастера три дня.
Твой вид степенен и великолепен,
Тебе доверю своего коня!..

(Спешивается.)

Сейчас садись на моего гнедого!
(Юра первый раз в жизни садится на лошадь.)

Скачи! Желаю доброго пути!
(Второму всаднику.)

Ты, Сёмка, мастера городского
К боярину Семёну отведи!

Ю р а

(скачет по ухабистой деревянной мостовой на коне)

Ну и шоссе!.. Мне боязно и тряско,
И нестерпим коня гнедого бег!..
(Падая через голову коня, успевает крикнуть.)
Коли пошла такая свистопляска,
Хотел бы я упасть в двадцатый век!
(Падает возле своего столика.)

Н а т а ш а

Исчез куда-то и не расплатился,
А мне платить за закуску и коньяк.
(Официантке.)
Я расплачусь.
(Юре, которого замечает.)
Откуда ты свалился?

Ю р а

Свалился с того самого коня!..
Не удивляйся. Всё довольно просто:
Тот век семнадцатый от нас далёк —
И, признавая наше превосходство,
Займусь теперь строительством дорог!

ЗА ТРЕТЬИМ СТОЛИКОМ

(Отец и сын выпивают.)

С ы н

Чего бы ты, отец, желал?

О т е ц

Минувшей молодости жаль.
Прошла она, как с белых яблонь дым,
Желал бы стать я снова молодым!

Внезапно становится таким же молодым, как его сын.

С удивлением смотрит на себя в трюмо.

Себя не узнаю! Нет, быть не может!
Я сделался на тридцать лет моложе!..
Сыночек!

С ы н

Простите, вы мне незнакомы.

О т е ц

Не узнаёшь?.. Я твой отец законный!

С ы н

Ха-ха!.. Вы говорите очень странно!
Чего сболтнуть не могут люди спьяну!..
Отец ушёл, должно быть, в туалет.

О т е ц

Я твой отец!

С ы н

Вам сколько будет лет?

О т е ц

Мне пятьдесят... Но сам я захотел,
Чтоб стало двадцать — и помолодел!

С ы н

Коль нам такие чудеса грозят,
Пускай сейчас мне стукнет пятьдесят!

Тотчас же становится на тридцать лет старше.

О т е ц

Сынок, ты постарел, а был юнцом;
Я сыном стал, ты сделался отцом!

ЗА ЧЕТВЁРТЫМ СТОЛИКОМ

(Непризнанный поэт и его любимая)

П о э т

(читает стихи)

Урбанисты воспевали город
Капиталистический.

Чрезвычайно нравился им грохот
Металлический.
Так ребёнку погремушка нравится.
Раздражает взрослого вибрация.
Вижу стиль средневековых башен
В небоскрёбах, уходящих в дым, —
Город будущего двухэтажен.

Л ю б и м а я

Ну разве можно напечатать это?
Опять не то прочёл ты, милый друг!

П о э т

Не понимают в наши дни поэта,
А я тружусь не покладая рук!..
Я остроумно обличаю нравы,
В литературе оставляя след...
Пусть мне за то ни денег и ни славы,
Меня признают через сотню лет!

Л ю б и м а я

В посмертной славе мало будет толку,
Талантливый наивный человек!..
Для нас столетье — срок довольно долгий...

П о э т

Попасть желаю в двадцать первый век!

Поэт попадает в город 2068 года, видит двухэтажные дома из разноцветного стекла. На площади бьёт алый фонтан. Вокруг

шумят огромные фруктовые деревья. Возле фонтана трибуна
с микрофоном. Поэт чувствует себя в привычной обстановке.
Взбирается на трибуну. Обращается к жителям грядущего.

Вот, наконец, попал к толковым людям.
Друзья! Стихи я почитаю вам!

К р и т и к

Критик всегда будет.
Читай стихи! Поэзию мы любим
И верим честным, искренним словам!

П о э т (*читает стихи*)

Человек человеку друг,
Не нужны нам законы волчьи,
Но, взглянув со вниманием вокруг,
Говорю: все соседи — сволочи!
Разумеется, это гипербола,
Но пусть буду правильно понят:
Я хочу, чтоб соседей не было,
Сам хочу иметь десять комнат!

К р и т и к

Ну что ж! Вполне законное желание.
Тебе навстречу рады мы пойти:
Вселись в десятикомнатное зданье
И поновее что-нибудь прочти.

Поэт

Бывает, выпить так необходимо,
Что денег нету и берём взаймы,
Но согласился бы не пить всю зиму
За то, чтоб не было зимой зимы!
Бываю часто женщиной утешен
И радуюсь, что любим женщин мы,
Но согласился б зиму жить без женщин
За то, чтоб не было зимой зимы!
Творю стихи. В них вижу больше смысла,
Чем в буднях суеты и кутерьмы,
Но не писать всю зиму согласился б
За то, чтоб не было зимой зимы!..
Увы! Не разогнать зимы поэту,
И лишь в мечте не дерзкой отведу
Прекрасному и радостному лету
Все триста шестьдесят пять дней в году!..

Критик

Что можем мы сказать про стихотворца?
Довольно запоздалый он поэт:
На наших небесах горят два солнца,
У нас давно зимы в помине нет!..
От лютой стужи мы не замерзаем!..

Поэт

Так значит, я не нужен и не нов?

Директор музея

Нет! Мы тебя по рукописям знаем!

Ты нужен нам, товарищ Чучунов!
Ты к нам пришел из прошлого столетья,
Средь нас найдёшь ты искренних друзей!..
Тебя мы станем холить и лелеять,
Возьмём в свой исторический музей!

П о э т

Быть не хочу музейным экспонатом!..
Бутыль вина желаю и стакан!

Д и р е к т о р м у з е я

Бери стакан! Бутыли, друг, не надо,
У нас вина прекрасного фонтан!

П о э т

Вино?

(Выпивает стакан.)

Великолепно! Превосходно!

(Пьёт ещё два стакана.)

Прекрасней, чем твиши и хванчкара!

(Четвёртый стакан.)

Вино у вас чудесно!

(Пятый.)

Благородно!

(Шестой.)

За славных виноделов пью!

(Седьмой.)

Ура!

Ещё стаканчик выпью я охотно!

(Восьмой.)

Ещё стакан...

(Девятый.)

К р и т и к

Поэту спать пора.

Поэт засыпает. Снова появляется столик со скучающей
женщиной.

Л ю б и м а я

Где мой поэт? Его желаю видеть!

За столиком появляется поэт.

П о э т

Лет через сто... сумел я только выпить.

*

Маг был велик,
Могуч был маг, —
И в нужный миг
Свистел тот рак.
И тот, кто был
Душою чист,
Тот обратил
Во благо свист.
Не всем, однако,
Повезло:
Помимо блага,
Было зло!

Вся эта сказка
Не проста,
В ней есть развязка —
То Мечта:
Мечтай любить,
А не губить,
И молодеть,
А не стареть,
Чтоб так, как в сказке,
Жить и быть
И яркость краски
Не стереть!..

Нас окружает мир чудес.
Пускай в нём будет мил прогресс!
Пусть, если завтра свистнет рак,
Над нами не нависнет мрак!

дорога далека

* * *

Как из чернильницы вино
И откровенья с наковален,
Я в мире — как никто иной,
А потому оригинален.

Но всё ж судьбой неповторимой
Себя напрасно я томил.
Не все пути ведут из Рима,
Но все пути приводят в мир.

Что было там? — бесславья копоть,
Непобедимая тоска...
Что верность средствам? — лишь окопы.
А верность целям — то войска.

Довольно жить на почве зыбкой,
Препятствия не сокруша.
Я сознаю свои ошибки,
Что значит, их не совершал!

Довоенное

РЕМБО

Адреса. Адреса. Адреса. —
Острова робинзоново-крузовы.
Ну а он от ломтя отрезал
И зелёную водку закусывал.

Раскрываются души в кафе,
Будто в книге страницы от ветра.
И уста приникают к строфе,
Но они не добьются ответа.

Довоенное

ЯРЫЖКА ФЁДОР БАРМА

Думал, думал Иван да Васильевич царь,
Всей Руси самодержец, и грозен, и лих,
Где б ему отыскать удальца-молодца,
Что державу, и скипетр, и книжку про них

Раздобудет ему. И нашёлся такой —
Фёдор Барма, ярыжка, возьми да возмись.
Растекись его удаль точёной строкой,
А строка — растекайся по древу, как мысль.

Прибыл он в Вавилон. Средь развалин глухих,
Где людская нога не ступала века,
Навсегда обречён за былые грехи
Полифемообразный циклоп-великан.

Невозможные змеи ползли по камням,
Впрочем, древние стены покрылись листвою.
От листвы уцелела гранитна скамья,
И на ней Барма спал с великана сестрой.

Двадцать лет он проспал. С нею жил не тужил,
Двадцать лет на него Вавилон
Пялил грудой развалин свои этажи
И предсказывал будущность криком ворон.

Вспомнил Барма однажды, — и тотчас достал
Всё, что он обещал православному царю.
На обратном пути по знакомым местам
Собиратели истин жевали урюк.

И спросил Барму царь, сам Васильич Иван:
— Что ты хочешь, о Барма, из царской казны?

Хочешь — выстроишь город из кедров Ливан,
Иль любого боярина, хочешь — казни!

— Ничего мне не надо, не бью я челом,
Хоть и щедрость твоя, как моря, глубока, —
Только годика три, а потом — ничего
Предоставь мне бродить по твоим кабакам!

Ты по-царски сумеешь меня одарить,
Предоставь мне отраду из лучших отрад:
Я хочу лишь безданно-беспошлинно пить
В кабаках всей России три года подряд!
1939

* * *

Эх, раскинулось да Запорожье
У Днепра.
Люди уходили за Поволжье,
Или я не прав?

Наши предки шашками рубали,
Налетая на невольничий базар:
Плохо быть рабами
Всяких там хазар.

И скакали кони по долинам,
По полям.
Только плохо подчиняться мандаринам
И сражаться даром за бояр.

Это в непробудном этом детстве
Я припоминаю, как во сне.
Мир сиял, огромен и естествен,
В жалкой исторической возне.
1939

* * *

Я пешком прошёл по трассе,
Встретил трудностей немало.
Очень много было грязи,
Но не вся ко мне пристала.

Ну а та, что в изобилье
Покрывала душу, тело,
Высыхая, стала пылью,
С буйным ветром улетела.

КРАСНОЕ И ЖЁЛТОЕ

А есть на востоке такая страна,
В три ночи туда не дойти.
Восход там пурпурнее сока гранат,
А запад — его негатив.

Когда же с часами придёт истукан,
Пустой головою качая,
Рассвет упадет на чёткий стакан
Лучами горячего чая.

Фарфоровый сборник фатальных Аврор
Мерцает магической мздою,

Мгновенно мелькает мельком метеор
Зелёной загадкой-звездой.

Обрызгали душу осколки чернил
Различного цвета и масти.
Душа поломалась, а думу чинить
Умеет чудеснейший мастер.

И всё завертелось, как в пляске шаман,
В расплывчатом круговороте.
Восток надвигался. Кто душу сломал,
С пути на восток не своротит.
1939

* * *

В мелких и грязных делах
здорово руки умыть,
Смело взглянуть
в жизни слащавую муть.
К чёрту уйти навсегда
да при этом иметь
Только лишь веру в себя
да чёрного хлеба ломоть,
В поле открытом
его пополам разломать
Здорово!
1939

* * *

Колосья подкосило колесо.
Эх, да ехали, да мужики, да на телеге,
Эх, да ехали, да пили кюрасо,
А вдали текли ручьи да реки.

Эх, да ехали они, куда вела их совесть,
Да по дороге обнимали баб,
А другие люди, философясь,
Проклинали пройденный этап.
1939

ДОРОГА ДЛЯ ДРУГИХ

Он в вихре ветров всех дорог
Не знал, куда идти, и дрог
В сплошных надеждах и тоске.
Ища себе пути,
Он думал: как, когда и с кем,
Куда, куда пойти.

Другой ступал, куда хотел,
Сметая ветви в джунглях дел.
Он жизнью полной жил —
Под флагом радуги-дуги
И путь, который проложил, —
Дорога для других.
1939

* * *

Холодно на планете,
И пустоты не убрать её.
Ненастоящие дети
Что-то твердят по радио.
1939

АНАРХИСТ

Он курил, читал газету,
Девок изредка ласкал.
В результате жизни этой
Забрала его тоска.

Может, в пафосе неистовом,
А быть может, просто так
Он явился анархистом
И решил ограбить банк.

В револьвер вложил обойму,
Он пошёл на то легко.
Убежать хотел. Был пойман.
Разоружили его.

И спросили: «Был ты кротким,
Отчего же стал бандит?»
И плотней портрет Кропоткина
Он прижал к своей груди.

И ответил, страха плесень
От своей души гоня:
«Если вы хотите песен —
Не найдёте у меня».
1939

1612—1812—2012

Я не плохой, а только незаконченный,
И у меня препятствий миллион.
Вы побывать, конечно, не захочете
На месте отвратительном моём.

Всё кажется давно знакомым в мире вам,
И даже то, что заросло травой годов.
Поволжский люд, объединённый Мининым,
Погнать поляков в шею был готов.

В истории всегда бугор да впадина,
И по иной дороге не пройти.
Так отступало войско Бонапартино
По самому обратному пути.

Я не был ни кудесником, ни ламою
И подпись предсказания кладу.
И может быть, случится то же самое
В две тысячи двенадцатом году.
1939

ВОСПОМИНАНИЯ О МИСТИЦИЗМЕ

Трамваев разные номера.
У города судороги быстрые.
Какой художник его намарал
Прежде, чем кто-то выстроил.

И трамваи как будто по ветру идут
Вопросительным знаком неким.
Неизвестность себя проявила и тут:
Номера засыпаны снегом.

1940

ПОЭТ И НАРОД

Побеждён самый хороший поэт —
Я поэт этот.
Я свернул с колеи побед,
По которой к победам едут.

Я не понят и выкинут к дьяволу
С корабля тридцатых годов
В океан, по которому плавают
Трое землю держащих китов.

Горло сдавили какие-то пальцы
Песне, зовущей вперёд.
Но пускай народ ошибается,
Всё равно прекрасен народ.

Он взмахнул богатырской палицей,
А тобой, поэт, не воспет.
Но пускай поэт ошибается,
Всё равно прекрасен поэт.

1940

* * *

Умирая
Под ураганным огнём,
Стучится в ворота рая
Окский батальон.

— Мы умерли честно и просто.
Нам в рай возноситься пора, —
Но их не пускает апостол.
Они умоляют Петра:

— Попы говорили всегда нам,
Что если умрём на войне,
То в Царствии, Господом данном,
Мы будем счастливей вдвойне.

А Пётр отвечает: — Вот сводка,
В ней сказано вот как:
Убит лишь один.
Кто убит — проходи.

— Мы все здесь убиты, и двери
Ты райские нам распахни.
А Пётр отвечает: — Не верю!
Я выше солдатской брехни.

Наверно, напились в таверне
И лезете к небесам.
А сводка — она достоверней:
Её генерал подписал.
1940

СУДЬБА ВЛАДЫК

Он покориł народов столько,
Что всех не перечестъ.
И стал владыкою Востока,
Но — Запад. Запад есть.

Там в Самарканде был владыкой
Мухаммед Хорезм шах.
Судьба решалась в схватке дикой
На шашках и ножах.

Но скачет, скачет, если конница
С востока на закат,
То на Восток победа склонится —
Погибнет Самарканд.

И он погиб. Спасенья нет
От пламя и ножа.
Могучий шах Хорезм Мухмед —
В Индию бежал.

За ним, за ним монголы-конники
Ворвались в Индостан.
Из Индостана не прогонит их,
Они владыки там.

Звенит монгольское оружие.
Захвачен Индостан.
И за Мухмедом шахом в Грузию
Войска бросает Чингисхан.

Исход один — спастись за воду.
Исход судьбы жесток.

На корабле владыка Запада
Спешит на островок.

Себя свести мечтает он
От Чингисхана орд.
Но остров — остров обитаем
Среди пустынных вод.

Не спать Хорезму шаху с жёнами
Не пить сладчайших вин...
Погибнет он меж прокажёнными
С голоду один.

В разгар междуусобных войн
На нас нагрянули татары.
Они сильнее были вдвое
И наносили нам удары.

Но тот, кто грабит, пропадёт,
И если нас беда застигла,
То мы уверены, падёт
Всесокрушающее иго.

Поэтому весь день-деньской,
День вдохновенный и осенний,
Дмитрий Первый и Донской,
Не полководец и не гений,

Но полководец и герой
Сражался с ними. Значит это,
Что смерть бойцов не за горой,
Не за горами и победа.

Вздывает враг у речки Смолки
Стяг исторической неправды,
Но бой решён. Их крики смолкли.
Мы победили у Непрядвы.

Потом опять платили дань,
Но всё-таки земля вертится!
И если всматривались вдаль,
Светлели сумрачные лица!

1940

* * *

Вы, люди недобрые,
Для завтра излишни.
Погибнут, как обры,
Все дни вашей жизни!

1941

* * *

Объяснять не стану, отчего это так,
Не хочу, чтобы старились, зная много.
Впрочем, умный поймёт, не поймёт дурак,
Дураку туда и дорога.

Я бреду кой-куда,
Сам не знаю куда,
Всё на свете висит надо мной.

И уходят года
В неизвестно куда,
Совращается шар наш земной.
1941

* * *

Не я живу в великом времени —
А время в моих строках,
И тем не менее
Я оставался в дураках.

Что мне ждать ещё?
Мне не до смеха ли?
Ехали ухари
Морем-сушею.

Эхо ли?
Ухо ли?
Слышало?
Слушаю.

На небо просишься,
Страх в лице. Спрячь его.
Выдумай прозвище
Самого зрячего.

Что ж ты надеешься?
Что ж тебе хочется?
Выдумай день ещё.
Ночь придёт. Кончится.
1941

КИТАЙСКАЯ СТЕНА

Десять тысяч лет тому назад
Десять солнц на небе стало вдруг,
Что с востока двигались на запад,
Сокрушая всё вокруг.

Но в мире снайпер был И-Ван,
Он гениально воевал.

А мысль его — огонь и лёд,
И ею он забрёл
В такую даль, что пулемёт
Зенитный изобрёл.

«Светить — и никаких гвоздей!» —
Приказ светилам дан.
Но всё ж непрошенных гостей
Решил прогнать И-Ван.

Возможно, небо и не тир,
Но есть мишени там,
И девять солнечных светил
Изрешетил И-Ван.

Оставил на небе лишь то,
Что светит мне и вам,
А остальные в решето
Изрешетил И-Ван.

Два ветра веяли с земли,
Вопили солнца: SOS!
Но ветры солнца размели
На миллиарды звёзд.

Всё так же вертится земля,
На ней борьба и быт.
Лишь, откровенно говоря,
Стрелок И-Ван забыт.
1941

ПРО САДКО

Жил да был Садко-гусяр,
Думал думу самую:
А почто проходит зря
Жизнь молодая вся моя?

Гусярил весь день-деньской,
А под вечер бросил он.
В это время царь морской
Выскочил из озера:

— А ступай ты на майдан,
Человече,
Собирай скорее там
Вольно вече,

Будь разумен, как Сократ.
И не бойся.
Со купцами об заклад
Ты побейся!

Сверкают в городе рекламы
Компании Садко и К°,
Сребра и золота килограммы
В несгораемых у него.

В подвалах зелено и ало
Вино известнейшее самое;
Но всё Садко-бродяге мало,
И он решил уехать за море.

Царь морской испытал их ли,
Только вздулись ветры сильные,
Закружились волны в вихре,
Взбушевалось море синее.

Садко в этот миг сдружился с фляжкой,
Вино не переставало течь,
Индусский гость и гость варяжский
Пытались его развлечь.

Но начал злато он
Швырять с баркаса,
Как будто громада волн
И есть сберкасса.

Поплыло злато всё вперёд,
А море злато не берёт.

Слепой старик поведал мудро
Историю одну,
И все решили почему-то
Пустить Садко ко дну.

Сперва Садко протестовал:
Мол, я в морскую глушь
Сойду навек, а весь товар
Погибнет ни за грош.

Но возразил старик слепой,
Веселый бандурист:

— А ты богатство с собой
Возьми и подавись!

Садко вскричал: — Казна пусть вся
На барке гибнет той!
Лишь чемодан любимый взял —
И скрылся под водой.
1941

* * *

Вижу церковь и колокольню.
Что их нету — вообразили.
Ну а может быть, в этом корни
Всего, что теперь в России.
1943

* * *

Кто за меня, кто за него,
Не всё равно, не все равны;
Но на себя на самого
Я посмотрел со стороны.

Мой предок раб. Мой предок скиф.
Он неразборчив был на средства,
И недостатков нет таких,
Чтоб я не получил в наследство.

Как предок, для своих побед
Готов идти на что попало;

Но я, пророк, но я, поэт,
Хочу, чтоб было небывало.

И в то же время надо мне,
Моё чтоб имя стало громким.
И я шатаюсь по стране,
Что между предком и потомком.
1943

* * *

Зачем вся жизнь моя игра,
Я это не кумекаю.
Я видел сон: река текла,
Глубокая, но мелкая.

<...>

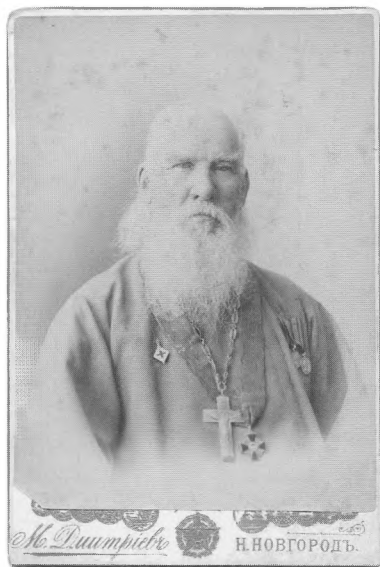
Мой берег исчез, как дым, как пыль.
К неведомому берегу,
Не размышляя, я поплыл
Через другую реку.

Устала правая рука,
Стал загребать я левой.
Другая, главная река
Намного шире первой.

Я стал её переплывать,
Стал виден третий берег.
.....
Тут я проснулся.
1943

Арбат, 44. Здесь Николай Глазков прожил большую часть жизни

Прапрадед поэта
протоиерей Андрей Глазков
1890-е годы, Нижний Новгород

Родители Николая Глазкова
Иван Николаевич
и Лариса Александровна
1919

Семья Глазковых. В центре (сидит) будущий поэт Коля Глазков
1927

Шестидесятые Николая Глазкова:
с сыном Колей, за пишущей машинкой, с женой

Фото Николая Глазкова
с посланием к Лиле Брик
1948

Л. Ю. Б.
В знак памяти ^{любимых} ~~любимых~~
и в знак идейных ^{расхождений} ~~расхождений~~
принять прославленный
портрет
Вас просит Ваш поэт и
иний,
и зафиксированный
фотои
Вас поправляет
с новым годом

Глушков 48

С Василием Фёдоровым (вверху)
и с Сергеем Наровчатовым

Начало 1970-х

АСТЕРОИДЫ

На планете было два лагеря:
Лагерь Севера, лагерь Юга,
Они были стальными оврагами
Отгорожены друг от друга.
И когда наблюдатель рассеянный
Любовался сияньем жемчужным,
То генштаб совещался Северный:
Как покончить с лагерем Южным?

Ни резервами и ни нервами
Северяне южан не крепче...
Но начать если первыми?.. Первыми!
То тогда победить будут легче!
Победила мечта неотвязная
Утвердиться по праву сильных —
И решение единогласное
Опустило властно рубильник,

Опустивший рубильник, радуйся:
Ни на небе ты, ни на земле,
А в тебе миллиарды градусов
Всё равно по какой шкале!
Стал космической золою ты,
И планета не уцелела:
Раскололась на астероиды,
Из которых всех ярче Церера!

* * *

Всё, что очевидно,
То не очень видно,
А что предполагается —
Всем видеть полагается.

1943

* * *

Будет жизнь настоящая вся моя
Растранжирена только на игры,
Потому что хорошее самое
Только то, что ещё не возникло.

1943

* * *

Знаю, мне всё равно никогда не ответится,
Был медведь или нет, водку пил ли не пил;
Но медведь тот влюбился в Большую Медведицу,
Посему порешил очутиться на небе.

У медведя девиз был: «Задумано — сделано».
Он не мог отступить от того, что задумал.
Про себя он сказал: «Мне стремиться к звёздам дано,
А другим не дано, одолею звезду, мол».

Он был изгнан медведями теми и этими.
По Руси и Европе скитался, как Рудин.
В стельку, вдребезги, в дым поругался с медведями
И направился к людям.

Восхитились они: «Медведимус наш ты,
Мы поможем тебе полететь по Вселенной.
Стал он жить средь людей, тот медведь;
но однажды
Объяснил ему суть академик обыкновенный:

Чтоб достигнуть Медведицы, мало хотенья,
Автоатомный двигатель нужен на то нам.
И законы ему объяснил тяготенья,
Те, что были открыты когда-то Ньютоном.
Вне войны, 1943

* * *

Жил человек с особым мнением,
Надеясь с ним прожить весь век;
Судьбы случайным мановением
Лишился мненья человек.
1944

* * *

В истории племён, с времён пещерной тьмы
До века радио и телефонной сети,
Немало гениев, чьи светлые умы
Заслуживают права на бессмертье.

Путь всех таких пророков каменист,
Им не подвластны судьбы их творений;
Таков и я, великий гуманист,
Однако самый заурядный гений.
1948

* * *

Что ни год, идёт вперёд
Бесконечно долгий путь тот;
Всё, что будет, то пройдёт,
Что пройдёт, того не будет...

Всё сметут, сведут на нет
Годы, бурные, как воды,
И останется поэт —
Вечный раб своей свободы!..
1952

ПО ПОВОДУ ЗАВИСТИ

Если издалека ты
Видишь убогие хаты,
Окна их в час заката
Кажутся золотыми.

Но не считай, что хаты
Из серебра и золота:
Хаты совсем не богаты,
Не обольщайся ими.

Мелочи будничной жизни
Издали живописны.
Гены чужие тоже
Издали очень пригожи.

Думаешь: мне б такую
Умницу-всезнайку,

Милую, молодую
Спутницу и хозяйку.

А разузнаешь подробно,
Сколько с ней связано тягот,
Не пожелаешь с подобной
Соединиться и на год!
1955

* * *

Пройдут не скоро горе и болезнь,
Их претерпеть, быть может, лучше порознь.
Там, где вчера шумел могучий лес,
Сегодня только молодая поросль.

Нет чащи, чтоб укрыться от тоски,
Нет листьев, чтобы жить под их навесом.

Не заменяют леса черенки,
Хотя растут и снова станут лесом!
1959

ЦЕРЕРА

Гипотеза

Жила разумная планета
В былые времена,
И у людей планеты этой
Была одна луна.

Они луною любовались
И голубой волной,
И парни в девушек влюблялись
Под ясною луной.

Так жили и с луной дружили
Планеты той сыны —
И зря использовать решили
Энергию луны.

— Зачем нужна победа бреда? —
Спросил один поэт. —
Погибнуть может вся планета
Через сто тысяч лет!

Однако заглушила свора
Его негромкий глас:
— Сто тысяч лет пройдут не скоро,
Нужна дыханию мотора
Энергия сейчас!

Сто тысяч лет прошли, однако,
Как танки по шоссе,
И зло немедленного блага
Почувствовали все.

Сбылось предчувствие поэта:
Луна упала на планету,
Отправясь в мир иной...

И ничего не уцелело.
А впрочем, вертится Церера,
Сравнимая с луной.

МАРСИАНСКАЯ БАЛЛАДА

Нам повелела Королева королев
Доставить зверя страшного пустынь.
Мы, оробев, но охмелев и осмелев,
В пустыню вышли и расставили посты.

Мы ожидали зверя яростных начал,
Мы ожидали зверя сумрачных ночей,
И зверь пустынь на звёзды неба зарычал
И нас обжѣг огнѣм губительных лучей.

Но повелела Королева королев
Доставить зверя в город войн и борьбы —
И мы накинулись на зверя, озверев,
Верны неясным начертаниям судьбы.

Когда погибли многие из нас,
То зверь устал и сбился с правильных дорог.
Огонь его свирепых глаз почти угас.
Зверь изнемог, послушно лёг у наших ног.

Тогда скрутили мы его со всех сторон
И водрузили на тяжѣлый механизм,
И зверь пустынь был в город власти отвезѣн, —
Мы совершили невесѣлый героизм.

Нас наградила Королева королев:
Подарки выдала, которым нет цены.
Ну а погибшие лежат, оцепенев,
Песком засыпаны и не погребены.

Нам предоставил город Славы и Борьбы
Всѣ то, что было, и чего, наверно, нет.

И мы, напитков фиолетовых рабы,
Забвенья ищем сотни зим и сотни лет.

Но, жажду вечную огнём не утоля,
На звёзды неба смотрим в стёклышки трубы,
И среди звёзд интересуем нас Земля —
Определительница будущей судьбы!
1959

В АЛЕКСАНДРОВСКОЙ СЛОБОДЕ

Не имея скорости моторной,
С Крестраспятской церкви-колокольни
Полетел крылатый паренёк.
Он отважно совершил паренье
И упал, роняя оперенье,
Всё ж не поломал ни рук, ни ног.

Можно подвигом его гордиться,
Но за то, что человек не птица,
Царь Иван Четвёртый приказал
Поломать герою руки, ноги,
Чтобы были все вокруг убоги,
Чтоб никто не мыслил, не дерзал!

Пусть ответит искренний историк:
Грозный — кто — садист и параноик
Или величавый из владык?
Но мечтавший сказку сделать былью
Хитроумец, смастеривший крылья,
Вечно юн и истинно велик!

СВОБОДА

*На волю птичку выпускаю,
При светлом празднике весны.*

А. С. Пушкин

Звенит весна. В лесу и в поле
Свобода радует сердца.
Приятель мой купил скворца
И отпустил его на волю.

Среди родных берёз и лип
На пробудившейся природе
Скворец отпущенный погиб
Как не приученный к свободе!
1960-е

ЧУЧУНА

Рысь, конечно, страшна,
Трудно справиться с ней,
Но в тайге чучуна
Всех зверей пострашней!
Человек этот дик,
И свиреп, и жесток.
Наш язык не постиг:
Не хотел иль не смог,
Носит шкуры оленьи
И имеет он лук.
Исчезает мгновенно,
Появляется вдруг.

Он в движениях быстр,
Он проворен и смел,
Издаёт резким свист,
Сходный с посвистом стрел.
Страшен согнутый лук —
Тетива — что струна, —
Звери делают крюк,
Коль свистит чучуна.
По деревьям, как белка,
Ловко прыгает он
И в разбойных проделках
Искушён и смышлён.

Над селом тишина,
Предраассветная ночь.
Входит в дом чучуна,
Он до женщин охоч.
Спит в постели жена,
Чья-то мать, чья-то дочь.
К ней идёт чучуна,
Он до женщин охоч.
Он берёт её спящую
И уносит туда,
Где таёжные чащи,
Иногда навсегда!
1962

* * *

Вы восхваляли и прилежно хаяли
Сумбурное течение наших лет.
Эпоха... Превосходная, плохая ли,
Но у меня другой эпохи нет!
1965

ЦАРЬ-ФОНАРЬ

Краса есть в царственной Царь-пушке,
Царь-колокол такой же царь.
А в Суздале есть Царь-фонарь.
Люблю великие игрушки.

Какой-нибудь остряк, бывало,
Шутя, дразнил царей-верзил:
Царь-незвонил, царь-нестреляла!..
Однако Царь-фонарь светил!

Его несли во время хода
Двенадцать дюжих мужиков,
И освещал он путь народа
Во тьме безграмотных веков.
1965

* * *

Гениальность часто не в чести,
Актуальность на доске почёта,
По неповторимые пути
И открытья не смахнуть со счёта.

Человек ржавеет, как металл,
Если нету у него исканий.
Вижу одинаковый финал
У изобретений и изданий!
1970-е

* * *

Ошибки мне сопутствуют всегда,
Свершаю их и в шахматах, и в жизни
И не могу сказать, что без вреда,
Пожалуй, многие из них излишни, —
Обидно, не исчезнут без следа,
В час горести не вызовут улыбки.
Утешусь тем, что признаю ошибки!

* * *

Сыну

Нам молодых считать нельзя
В их дружбе бестолковыми:
У нас все старые друзья
Когда-то были новыми.

Отсеется случайный сор
Окраски несущественной —
И в свой черёд у них отбор
Произойдёт естественный.

ЗОЛОТОЙ ВЕК

А. М. Зеликину

Ютились люди в каменных пещерах,
Не очень комфортабельных на вид,
И возлежали на камнях серых
В те дни, когда кончался неолит.

Обильные рыбалки плюс охота
Давали пресыщение едой.
А после — голодовка на полгода.
А век, а век, а век был золотой!

Жена носила золотые бусы,
Муж резал мясо золотым ножом.
Сынишка их — весёлый карапузик
Тяжёлый самородочек нашёл.
Обрадовался муж — охотник смелый
И твёрдым камнем — молотом тех лет
Себе легко сковал златые стрелы,
Своей супруге — золотой браслет.

Традиционно склонные к простуде,
Свирепо проклиная холод злой,
В звериных шкурах щеголяли люди
И штопали их золотой иглой.
Им золота, конечно, не хватало,
Из-за него вели кровавый бой,
Ну а другого не было металла —
Всё потому, что век был золотой!

ГОЛОЛЕДИЦА

Песенка клоуна

Сияет Большая Медведица,
Полярная светит звезда...
В России у нас гололедица,
Я думаю, что ото льда!..

Пути и дороги заснежены,
Я сам не по травке иду —
И вижу, как милые женщины
Проходят по скользкому льду!..

И каждая сто двадцать пятая
На льду поскользнётся впотьмах
И скажет, торжественно падая,
Тревожное «ох» или «ах»!..

Прохожий! Кто ты — я не спрашиваю.
По снегу и льду не беги,
Но женщину видя упавшую,
Ей на ноги встать помоги!
1971

ПЕСНЯ РАЗЛУКИ

Из кинофильма «Романс о влюблённых»

Печальной будет эта песня
О том, как птицы прилетали,
А в них охотники стреляли
И убивали птиц небесных.

А птицы падали на землю
И умирали в час печали,
А в них охотники стреляли
Для развлечения и веселья.

А птицы знали-понимали,
Что означает каждый выстрел,

Но неизменно прилетали
К родной тайге у речки быстрой.

И не могли не возвратиться
К родимой северной округе,
И песни горестной разлуки
Весной весёлой пели птицы.

А в них охотники стреляли
И попадали в птиц, не целясь,
И песню скорби и печали
Весной весёлой птицы пели.

1973

ЭДИСОН

Я подхожу к газетному киоску,
Где продаёт журналы Эдисон.
Лишённый суетного блеска, лоска
И ореола славы — это он.
В очках, степенно-лысо-седовласый,
Считает ловко денежный металл.
С него достаточно!.. Он не сдавался.
Изобретал. Всю жизнь изобретал.

От электрических автомобилей
До безбензиновых автокатеров.
Не обладая пробивною силой,
Устал и заболел, а был здоров.
Прямолинейно действовал, как гений,
Пытаясь двинуть технику вперёд.
Вкусив глухую горечь огорчений,
Газеты и журналы продаёт.

Он творчеством и жизнью умудрён
И тихую себе избрал дорожку...
Я подхожу к стеклянному киоску,
Где продаёт газеты Эдисон.
Я покупаю у него газету
И огорчаюсь из-за пустяков:
В газете этой почему-то нету
Моих рассказов, очерков, стихов.
1971

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ

Осмысливая ратные дела,
Меняя на кольчугу рясу схимника,
За все века Россия не дала
Ни одного великого алхимика!..

Была страна богата иль нища,
Но Новгород Великий или Вологда,
Каменьев философских не ища,
Всё золотое делали из золота!

Осмысливая ратные дела,
Готовясь сокрушиться любого врага,
За все века Россия не дала
Ни одного великого астролога.

Когда враги навязывали бой,
Тогда, терпя невзгоды и лишения,
По звёздам не знакомая с судьбой,
Решала Русь свою судьбу в сражении!

Так жил и мыслил наш простой народ.
Когда степная вражья кавалерия
Против него готовила поход,
Он знал, что не поможет легковерие!..

А здравый смысл был прозаично прост
И рассуждал, поглаживая бороду:
Судьба зависит, может быть, от звёзд,
Но в трудный час булат надёжней золота!
1971

КЕМСКАЯ ЛЕГЕНДА

Царь Пётр не сходился характером с кем,
Писал сокращённо: к той матери — «кемь».
Бедняк отбывал наказание,
А Кемь обрела название.

Забавная шалость
Не очень хитра:
Кемь так называлась
Ещё до Петра!

Другой вариант
Выдвигался возможный:
Не Пётр виноват,
А Иван Грозный!

Но Кемь, — мы за древность
Подыдем стаканы, —

У моря виднелась
Ещё до Ивана!

Замечу, легенде смешной вопреки:
Монархи ссылали не в Кемь — в Соловки!
1971

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

1

Лучше воля, чем рабство, однако
Юрьев день отменил царь-собака
Богомерзкий Борис Годунов.
Отменить благородное право
Чёрт его надоумил лукаво:
Крепостных не вводил бы основ,
Если б мыслил разумно и здраво.

2

Лжедмитрий нрава был нервозного,
Юродствовал не хуже Грозного,
Бориса сбросил, но серьёзного
Он улучшения не внёс —
Чтил лишь мечты самодержавные.
Когда восстали православные,
Ему спастись не удалось!

3

Марина Мнишек думала о славе,
А для неё не хуже, чем в Варшаве,

Ревели на Руси колокола.
И миловаться с Дмитриями можно.
Но Первый — ложный, и Второй был ложным,
Она одна неложная была?
Чернить её не следует, наверно:
Как женщине, царевне, королевне —
Ей всё-таки и слава, и хвала!

НАЧАЛО РУСИ

Русь — Градарик, городов гряда —
Так со шведского переводили.
Чепуху при этом городили,
Зря притягивали города.
Потому я утверждать берусь,
Что потуги лженауки жалки,
А загадочное слово «Русь»
Происходит от речной русалки!

Русский человек, живя в лесу,
Лес любил, конечно, но не очень:
То медведь вдруг задирает козу,
То коня терзала стая волчья.
И, живя в степи, любить не мог
Русский человек степей широких:
По степям то Запад, то Восток
Посылали недругов жестоких!..

Но отлично русский человек
Понимал, что вольность там, где волны,
И к русалочьим просторам рек
Относился нежно и любовно,
Превосходно вёслами владел,
Проходил под парусом прекрасно,

Потому что только на воде
Чувствовал себя он безопасно.
Потому что разгонялась грусть
На роскошной утренней рыбалке,
Потому что расцветала Русь
Только там, где плавали русалки!
1974

* * *

Пушкин, как никто, умел смеяться,
Обличать, скорбеть и ликовать.
Пушкин права не имел стреляться:
Собственную жизнью рисковать!

У поэта правды и свободы
Каждая волшебная строка
Для него звучала только годы,
А для нас она звучит века!
1975

* * *

На свете существуют убеждения.
Им придают ведущее значение,
Но ненадёжна убеждений нить:
Успешно можно переубедить!
Сильней и убедительней характер,
Ему нужны не доводы, а факты!

* * *

О счастье не могло быть речи,
Когда, чтоб не страдать в плену,
Народ страны взвалил на плечи
Отечественную войну.

Чтоб кумачовые знамёна
Зашелестели веселей,
Погибло двадцать миллионов
Отважных наших сыновей.

Однако, позабыв все беды
И грусть четырёхлетней тьмы,
День исторической Победы
Как счастье ощущаем мы!
1979

ТУТАНХАМОНА ВИДЕЛ Я В ГРОБУ

Е. В. Стаднику

Как редкостная птица марабу
И как жуки степные — скарабей,
Он был людей сегодняшних глупее, —
Тутанхамона видел я в гробу!

Позабывая важную борьбу,
Он утолял тщеславие пустое:
Хлестал придворных плетью золотую, —
Тутанхамона видел я в гробу!

С печатью величавости на лбу
Он золота имел посмертно много,

Но выглядел напыщенно, убого, —
Тутанхамона видел я в гробу!

Мои друзья, знакомые, коллеги,
Живущие в двадцатом бурном веке,
Зря не пеняйте на свою судьбу, —
Тутанхамона видел я в гробу!

Наш век свою имеет похвальбу,
Свои золотоносные распадки,
И благородней наших дней порядки, —
Тутанхамона видел я в гробу!
1979

РУСЬ НЕПРЕХОДЯЩАЯ

Как море, величавые
Шумят леса сосновые,
Цветут луга медовые,
Цветут сады вишнёвые,
Не левые, не правые,
Не старые, не новые,
А вечные.

Не из смиренной челяди,
Не господа надменные,
Как сказочные лебеди,
Сияют храмы древние,
Сверкают яркоглавые
Красою безупречною,
Не левые, не правые,
А, как природа, вечные.

И никакими модами
Вовеки не отменятся
Шедевры, что сработаны
Народными умельцами!...
Или лесною чащею —
Сияет вечно молодое
Русь непреходящая!

Хранят своё российское
Законное величие
Заставы богатырские.
Дубину Ильи Муромца
Изведать могут глупые,
Но Русь не любит хмуриться,
А ценит миролюбие!

Живёт страна-весенница,
Вовеки не состарится,
В ней многое изменится,
Но главное останется —
Овеянное славою,
Родимое, сердечное,
Не левое, не правое,
Не новое, не старое,
А вечное!

АЗИЯ

Поэма

ЭПИГРАФАТ

*Пули пели, пали
На горячие поля.*

В. Хлебников

*Всю эту сволочь
Надо сволочь,
Со стен Китая
Кидай.*

В. Маяковский

*Россия – лён, Россия – синь,
Россия – брошенный ребёнок.
Россию, сердце, возноси
Руками песен забубенных.*

Н. Асеев

*И идут без имени святого
Все двенадцать вдаль.
Ко всему готовы,
Ничего не жаль.*

А. Блок

*Пошёл шататься
По берегам...*

В. Каменский

*Туда вступить не смеет ВАПП,
Там правит ЮГОЛЕФ.*

С. Кирсанов

ВСТУПЛЕНИЯ

1. Лунное

Будь луна блин,
Её бы давно съели,
Межпланетные корабли
Направив к заветной цели.

Будь луна серп,
На земном шаре
Спелые колосья все б
Этим серпом сжали.

Но луна не
Производства орудье,
А поэтому на луне
Никогда не бывали люди,

А впрочем, вовсе не поэтому,
А просто руки коротки,
И в рейс пускаться межпланетный
Трудней, чем дуться в городки.

А мне луна дороже ордена,
Какого нету у меня,
За то, что под луною родина —
Мое космическое «я».

Луна вершит морей приливами
И отступающей волной.
Она лежит в пруде под ивами,
И всё бывает под луной!

2. Солнечное

Солнце ярче луны,
И больше на солнце пятен.

3. Земное

Я поплыл под водой,
Воду всю загребая.
Эх, наш век золотой
И земля голубая.

Мир всё так же сиял,
Гениальный и плоский.
Вдруг ударился я
Головою о доски.

Тут я воду глотнул,
Чтобы стало мне легче,
И спустился ко дну,
Погружаясь, как в вечер.

Солнца жаркий кусок
Улыбался планетам,
И пушистый песок
Простирался на дне там.

Время, словно вода,
Протекало по дну там,
И секунды тогда
Поравнялись минутам.

Полусмерть увидав,
В жизнь влюбившись, как в бабу,

Там, где струилась вода,
Я поплыл на арапа.

Выплыл; дальше плыть стал,
Воду всю загребая.
Я и в жизни мастак,
Эх, земля голубая!

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Яприм не спал, и не лежал,
И губы не кусал,
А только мыслил и бежал,
Куда глядят глаза.

Он лёг в степи и там уснул,
Баюканный травой.
Ещё его клонил ко сну
Протяжный ветра вой.

Когда рассвет заблистал, розоват,
Яприм пробудился от сна.
Вытатуировал «Я азиат»
И поставил восклицательный знак.

А Кавказ — это тоже Азия.
Над вершинами небо серо.
По горам, по Кавказским, лазая,
Повстречал Яприм Агасфера.

Агасфера старикана,
Старикана Агасфера.

Так глушат водку из стакана,
Так проникают в стратосферу,

Так песенку поют блатную.
Так, наконец, Яприм был рад.
Он подошёл к нему вплотную
И заорал: — Здорово, брат! —

И ухватил его в объятия,
А тот дрожит
И говорит: — Все люди братья,
А я вечный жид.

Яприм сказал: — Сегодня вечер.
В дровянике дрова сухи.
Пойдём ко мне. Я тоже вечен
Как сочиняющий стихи.

Пойдём со мной в мою берлогу,
Она налево от реки.
Там выпьем водки: очень много
И будем жечь черновики.

Агасфер тогда закричал,
Сотрясая эхо высот:
— Я иду от начала начал —
Вот уже тысяча девятьсот —

И к тебе в берлогу не прочь,
Коль налево она от реки.
И они по снегу пошли,
А держали такую речь.

— Агасфер! Ты немало жил,
Протекал повсюду твой путь,
А поэтому расскажи
Мне про Азию что-нибудь.

— Ладно, расскажу тебе. Но что же?
Многих пешек армия легла —
Азия на шахматы похожа,
Где её история — игра!

Яприм сказал: — Как русло для реки,
Как человеку воздух,
Так Азии нужны хорошие стихи —
И никаких загвоздок.

Потом они явились в дом
Там Агасфер стихи читал.

ГЛАВА ВТОРАЯ ЕВАНГЕЛИЕ ОТ АГАСФЕРА

В детстве верят мамам или папам,
А потом уже не верят.
И тогда четырёхстопным ямбом
Сочиняют всякие стихи.

Потому что заменяет веру
Неверие само,
А евангелье от Агасфера —
Людям всем письмо.

Можно верить в бога или в чërта —
Нужно верить в коммунизм.
Но не так, чтоб сомневаться в чём-то
И смотреть обратно или вниз.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Таково Агасфера евангелъе,
Из трёхсот состоящее строк,
А Восток на востоке, но Англии
Почему-то достался Восток.

Получает с Востока Британия
Небывалые барыши,
А Востока земля и предания
Без её барышей хороши.

Ислам — торговая религия,
И прямо с севера пехота
И кавалерия в великие
Ушли крестовые походы.

Неверных кровью обагриться,
Освобождать Ерусалим
Шагали доблестные рыцари,
Крича: «Неверных разорим!» —

И бедуины деньги грабуют —
Гроза купеческих надежд,
А там Аравия, Аравия,
Нежд....

Арабы, арбы, рабы,
Двугорбых верблюдов горбы
Смешались в пустынной тоске
И утонули в песке.

А жёлтое небо там —
Как жёлтого цвета раб.
«На базаре что хочешь продам», —
Говорит арабу араб.

Но ярче тканей Кашемира,
Халифатический Багдад,
Как страж, стоит обитель мира —
Месопотамии Багдад.

А ему подвластные эмиры
Слушают, что скажут подхалимы,
И, чтоб чем себя потешить было,
Удаляются они в харимы.

И, ложась на лучшую невольницу,
Обнимают, может, в сотый раз её,
А по Каспию бродила вольница
Тимофеича Степана Разина.

Есть приказы, так приказ «Бей!» —
А потом, на юг летя,
Бороздила море Каспий
Атаманская ладья.

Удальцы плывут без страха,
Не найдётся их смелей.

И разбито войско шаха
На Персидской на земле...

Неверна судьба, наверно...
Что же делать, как же быть?
Азиатскую царевну
Надо в Волге утопить.

Это есть решение штаба
Удалого казака,
Ибо Волга по масштабу
Азиатская река.

А в Москве глазами Азий
Смотрит рассвет.
И казнён великий Разин
В алексеевской Москве.

Он казнён, но он не выдал,
Он не выдал ни черта.
Лишь дьячок смотрел да видел,
А потом псалмы читал.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Азия давным-давно возникла,
Самая из всех земель Земли большая,
И косматой полосатой шкурой тигра
Распласталась на Восточном полушарье.

Тигр огромный, как крокодил,
Погружённый в тростник зелёный,

Ревел, подпрыгивал и подходил,
Полосатый и разъярённый.

В правой Яприм держал нож,
В левой револьвер из железа.
Револьвер совал тигру под нос,
А ножом тигра резал.

Тигр ревел,
Но не кусался зверь злючий,
Ибо знал, что револьвер
Существует на всякий случай.

А известно с давнишних пор,
Всякий враг существо умнейшее.
Тигр был враг и из двух зол
Выбирал наименьшее.

Улепётывая от Яприма,
Тигр вдаль полз,
И проходили мимо
Все деревья от пальм до берёз...

Вдруг очнулся Яприм и
Сообщил Агасферу он:
Надо путь держать напрямик
Во страну чужедальних сторон.

Там шакальи стаи
Бросаются на падаль,
И в снежной пене зарастают
На Гималаях водопады.

Там Ганг — священная река,
А в ней не мелко.
Индуc приходит на её берега,
Как мусульманин в Мекку.

По ней покойники плывут,
По ней покойники плывут,
По ней покойники плывут,
Плывут, плывут покойники.

Вода там чёрная, как гроб,
Который десять лет в земле,
И всевозможностью углов
Ложатся тени на земле.

Они, как девушки, лежат,
В дремоте утренней тоня,
И их невинности лишат
Огнём лучей дневного дня.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Атаман казак Ермак
Вовсе не дурак.
В этом мире всяк бандит,
Но кто пьянее — победит.

«Но кто пьянее — вот вопрос, —
Думал так Ермак. —
Даже небо пьяно в лоск,
А под небом мрак».

Хан Кучум хлебал вино
Возле Иртыша.
На него разбойники пошли войной,
Жизнями не дорожа.

Ермак был атаман
У этих молодцов,
А есаулом был Иван
По прозвищу Кольцо.

Потом Кучум бежал на юг, на север,
А дальше — на восток.
Бежал Кучум и твёрдо верил —
Всему настанет срок.

Казаки песни пели
Про радости, про беды.
Ермак не пел. Он всех пьянее.
Он опьянён победой.

Под Амур
Плыл Хабаров — молодой казак,
Потому
У него горел огонь в глазах.

А в Сибири судят победителя
Воеводы.
Казака Хабарова они обидели,
И он канул, воя, в воду.

Потом громадою хибарок
Вознёсся у реки.
Хабарок
Любили казаки.

И не забыли
Покорители Сибири.

В огромный край тайги
Купцы стекались, ибо
Затраченные пятаки
Огромную давали прибыль.

На Енисее и на Лене
Глушило водку население.

А в Петропавловске-Камчатском
И от селенья до селенья
Через тайгу и тундру мчат, как
Собаки, там олени.

Бегут. Бегут. Бегут. Олешки
Подобны камчадалам.
Твоей судьбы орёл и решка
Обращены в просторы далей.

Там не пробраться пешеходу
Зимой по снегу жёсткому,
А если вам гулять охота,
Гуляйте по морю Охотскому.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

— Что сказал Прометей про метель? —
Агасфер у Яприма спросил.
Ничего не сказал Прометей,
Только дождь моросил.

Ревела осень многоглазием
И очень многое затмила,
Но лишь Москва — столица Азии,
А потому столица мира.

Они стояли у реки,
А перед ними Азия,
Так поступают вопреки,
Изображая несогласие.

Переплывая вплавь границу,
Яприм, огнём смертельным ранен,
На берегу чужом склонился,
Умирая.

А было так: огни сверкнули,
Влача баржу огня и меди,
И, попадая, искра пули
Зажгла костёр прощальный смерти.

Агасферу Яприм сказал:
— Там стреляли. Стреляли там.
Умираю, словно корсар,
Сообразно своим годам.

А не хочется расставаться
С миром образов и идей.
Эх, заняться бы реставрацией
Жизней умерших людей.

Я похож на свою страну,
Я хочу на родине умереть.
Яприм бросился в речную волну
И утонул там.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Марсияне и россияне!
Вам посвящаю стих.
От луны исходит сиянье
Как от иконных святых.

Ныне луна мне кажется меньше,
Чем раньше она была.
Пей же
Кубок большого орла.

Чёрт ногу сломит в Азии-поэме,
Лишь Агаферу ни черта.
Яприм убит, а в это время
Спускался вечер, как чадра.

Всё разметут земные бури,
Утёсы, кроме одного,
И Агасфер таков, и пули
Отскакивали от него.

Агасферу, ему умереть хотелось,
Но он умереть не мог.
И он исчез, удаляясь через
Покрывающий камни мох.

Эти все события, которые
Летописей хартии хранят
Во любом учебнике истории
Все найдут, которые хотят.

Новизна завалена старьём,
Эрой рабства было это время.

Ирод был царём,
И Христос родился в Вифлееме.

Безразлично, был он или не был.
Но и не родиться он не мог.
Но манил людей с земли на небо,
Потому что был пророк и Бог.

Однажды я, упившись брагой,
Его прогнал, как негодай,
И он сказал: «Пойдёшь бродягой,
Не умирая никогда».
И я сказал: «Пойду, пожалуй,
(Как пароходы и года)».
И по всему земному шару
Иду неведомо куда.

Вне веры я, вне вероятия
Заброшен, брошен навсегда.
Погибли все мои приятели,
И не осталось ни следа.

А христианство развевалось,
Как будто мир стоял на нём.
Оно напоминало злость
Знамён.

Пусть думают, что все сравнения плохи,
Пусть думают — сравнил медведя с заревом,
Но питекантроп для своей эпохи
Куда важнее, чем для нас — Израилев.

А я всё шёл в сиянье звёзд вечерних,
В рассветах ранних утр.

Так не идут. Так шёл кочевник.
Так крепости берут.

Так не идут. Так снег белеет.
Так женятся. (На ком бы...)
Так христиане первых лет
Уходят в катакомбы.

Любил и глубь, и синь, и ширь морей.
Любил на солнце пятна,
По Азии моей
Бредя в невероятность.

Любил скрещение рапир.
Любил кабацкий омут.
Любил... Что я ещё любил —
И черти не припомнят.

И вот прихожу в селения —
Как говорил Ульянов.
Я в центре, а Вселенная
Раскинулась по краям.

Я видел — века проходили.
Я видел века. Но о них
Нынче любой проходимец
Может узнать из книг.

Не смейтесь, друзья, надо мною.
Я слышал, какой-то граф
Нашёл глубоко под землёю
Беспроволочный телеграф.

В то время не был домовой
Записан в книге домовой.
Сидел он в книге домовой
И вдаль глядел.

Но и природу я не постиг,
Как не постиг смерть,
Ежели я утомил — прости:
Могу про разлуку спеть.

«Разлука ты, разлука,
Чужая сторона,
Угробили из лука
Сиамского слона.

Лежит он на границе
Аннана и Таи.
Туда, к его гробнице,
Тропинку протори».

Чёрт его подери,
Чёрт его возьми,
Чёрт его побери,
Приходит двадцатый век.

Наступает 10-й год.
Наступает 20-й год,
Наступает 30-й год,
Наступает 40-й,

А Русь была.
Она, как Азия, возникла,
Она, в как море, поплыла,
Она и в море не погибла.

Она осталась на земле —
И в тракторах, и в хлебе,
И в Днепрогэсе, и в Кремле
И в небе, и на небе.

Не растворяя двери в мир,
В миру своей фантазии,
Был не от мира Велимир,
Великий гений Азии.

Он, как Разин, в Азии был,
Как пять пальцев Азию знал, —
В один завиток трубы
Небывалая новизна.

Наши годы войны,
Что карты мира смешала, —
Орут небывалые воины —
Председатели земного шара.

Да здравствует бюджетянство.
Революция это в стихах.
Да здравствуют бюджетяне
На земле и на небесах.

А Сергей Есенин разве
Не читал во всех кабаках:
«Золотая
Дремотная
Азия
опочила на куполах...» —

На куполах монастырей,
И им не нужно менестрелей,

Стоят бутылки на столе,
А люди дрыхнут на постели.

Я уважаю всех бродяг,
По Эсесерии бродящих,
Всегда в какой-нибудь продмаг
За четвертинкой заходящих.

Мне говорил мой друг Игнат:
«Пусть всё погибнет, всё-таки
Из табуретки станут гнать
Искусственную водку».

Но это всё не это,
А мне иное надо.
Когда придёт победа,
Приду к Поэтограду.

Сразится Азия со всеми
Под предводительством Москвы,
И в день весенний и осенний
Войска пройдут через мосты.

Произойдёт такая битва
Когда решится ИЛИ – ИЛИ.
Потом война была убита,
И труп её валялся в мире.

Потом народы в вечер летний,
Перемирившись меж собой,
Споют:
 «Это был наш последний
 И решительный бой».

Я вижу в новой эре
Заманчивые дали,
Берёзовые ели,
Какие не бывали.

Поэтоград.
Победоград.
Прозоград
Хороший город.

Хочу, чтоб людям повезло.
Чтоб гиля горя мало весила.
Чтоб стукнуть лодкой о весло —
И людям стало сразу весело.

Чтоб было самое оно
Людей всемирных ради
И чтоб вселучшее вино
Лилось в Поэтограде.

Пути межпланетных ладей,
Как женщины, будут воспетыми.
Не станет бездарных людей,
Враждующих вечно с поэтами.

Не будет совсем идиотов,
Всякую всячину путающих.
Не смыслящих ни на йоту
В прекрасных футурах и будущих.

А я иду, куда неведомо,
Не возвращаясь никогда.
Как говорится меж поэтами,
Иду неведомо куда.

И может быть, никто не ведает,
Сметая тысячи преград.
И может быть, никто не ведает,
Что все идут в Поэтоград.

Не все дойдут,
Но все идут,
Хотя
И не хотят.
1940-1941

ПОЭТОГРАД I

Мозаично-фрагментарная поэма

1

У молодости на заре
Стихом владели мы искусно,
Поскольку были мы за ре-
волюционное искусство.

Я лез на дерево судьбы
По веткам мыслей и поступков.
Против меня были рабы
Буржуазных предрассудков.

От их учёбы и возни
Уйти, найти своё ученье...
Вот так *небывализм* возник,
Литературное течение.

А счастья нет, есть только мысль,
Которая всему итог.
А если ты поэт — стремись
К зарифмованью сильных строк.

И вероятно, что тогда
Я сильных строк сложил немало;
Но педагогская среда
Моих стихов не понимала.

Оставить должен был ученье,
Хоть я его и так оставил.
Я исключён как исключенье
Во имя их дурацких правил!

Итак, плохи мои дела,
Когда учёбы карта бита.
Но Рита у меня была,
Рита, Рита, Рита...

Студенты хуже школьников
Готовились к зачётам,
А мы весь день в Сокольниках...
Зачёты нам за чёртом?

Зимой метель, как мельница,
А летом тишь да гладь.
Конечно, разумеется,
Впрочем, надо полагать...

Всё было просто и легко,
Когда плескалась водки масса.
От нас то время далеко,
Как от Земли до Марса.

В то время не был домовой
Прописан в книге домовой.
Сидел в трубе он дымовой
И слушал ветра вой...

Потом
День отошёл позавчерашний.
Мне мило улыбался дом,
И каменный, и трёхэтажный.

Его ломать не надо при
Реконструкции столицы,
Хоть этажей в нём только три,
Но шесть, когда в глазах двоится.

Безынститутье — как пробел,
И должен отыгаться я.
Тогда Асеев, как Флобер,
Мне дал рекомендацию.

Литературный институт!
Его не посещаю разве я?..
А годы бурные идут,
Огромные, как Азия.

Я почему-то в это верю:
Настанут лучшие года —
Шумят зелёные деревья,
Течёт студёная вода.

Вода срывается с вершин
И устремляется в кувшин.
В Поэтограде так же вот
Работает винопровод!

2

Хотя играл огнями город,
Но ночь темна, снег бел и светел.
Она спросила: — Вам не холодно? —
Была зима. Шатался ветер.

Была зима. Я поднял ворот.
Но мог бы спрятаться за доски.
Она спросила: — Вам не холодно? —
А было холодно чертовски.

Раскрывает, ну и пусть,
Пропась пась.
Но поэту там, где Русь,
Не пропась.

Там, где Волга и Москва
В бездне, в ней,
Где берутся нарасхват
Песни дней,

Где огромный трудный путь
Каменист,
Но придёшь когда-нибудь
В коммунизм!

Но придёшь, а это факт, —
Только здесь.
А заклятый всякий враг
Всюду есть.

Он под грохоты побед
Выбрал тишь.
Только ты его, поэт,
Победишь!..

Победишь ты или нет,
Подождём.
А пока что, ты, поэт,
Побеждён!

В силу установленных привычек
Я играю сыгранную роль:
Прометей — изобретатель спичек,
А отнюдь не спичечный король.

Прометей — не генерал, а гений...
Но к фортунным и иным дарам
По дороге, признанной и древней,
Мы идём, взбираясь по горам.

Если даже есть стезя иная,
О фортунных и иных дарах
То и дело нам напоминает
Кошелёк, набитый, как дурак!

У него в руках искусства залежь,
Радость жизни, вечная весна...
А восторгествует новизна лишь,
Неосознанная новизна!

Славен, кто выламывает двери
И сквозь них врывается в миры,
Кто силён, умён и откровенен,
Любит труд, искусство и пиры,

А не тот, кто жизнь ведёт монаха,
У кого одна и та же лень...
Тяжела ты, шапка Мономаха;
Без тебя, однако, тяжелей!

Повседневно-будничная праздность
Невозможным сделала успех.

В результате появилась разность
Всех *могли* и *пустили* всех.

И тогда, упрямы, как решение,
Может быть, самих себя рабы,
Испугались мы... не поражения,
А того, что не было борьбы!

5

С женщиной какой-нибудь такой,
Очень замечательно хорошей,
Хорошо, обняв её рукой,
Целу ночь лежать на ложе.

Звёздами заёрзается высь,
И, достигнув неба откровенья,
Ты воскликнешь: — О, остановись! —
Но не остановится мгновенье!

6

Когда я шёл и думал: *или – или*,
Глухонемые шли со мною рядом,
Глухонемые шли и говорили,
А я не знал, я рад или не рад им.

Один из них читал стихи руками,
А два других руками их ругали;
Но, как глухонемой глухонемых,
Я неспособен был услышать их.

Вот так вокруг бушует жизнь иная,
А может быть, не жизнь, а болтовня,
И я, поэт Глазков, не принимаю
Людей, не принимающих меня.

Не признан я бездарными такими,
Которые боятся как огня
Непризнанных. Им нужно только имя,
Но именно имени нет у меня!

Пусть пламя опирается на уголь
И старый отменяется режим,
Они всегда бряцают лженаукой,
Ну а искусство ненавистно им.

Всем смелым начинаньям человека
Они дают отпор.
Так бюрократы каменного века
Встречали первый бронзовый топор!

7

Мудрецы и поэты чуют и чудили.
Чудотворцы они, как на них ни смотри.
И, не ставя во грош «дважды два четыре»,
Приближаются к формуле «дважды два — три».

Но таких человек немного в мире,
Большинству их заумных идей не понять.
Большинство, переоценивая «дважды два четыре»,
Приближаются к формуле «дважды два — пять»!

<...>

Люди едут, бегут авто,
И не знаю я, почему
Всё, что делаю я, — не то:
И не то, и не путь к тому.

Если карты, то будут биты,
Если шахматы — будет мат.
Пусть к победам пути закрыты,
Я нисколько не виноват!

Всю поэзию довели
До сведения на нет враги её.
А велик ли поэт? Да, велик —
У него ошибки великие!

Он, к высотам любим бредя,
Чтоб спуститься к любим глубинам,
Мог бродить по любим путям,
Но любил бродить по любимым!

Ошибался он... Ну и пусть!
Всё равно зацветёт миндаль.
Уведёт непутёвый путь
По звезде путеводной вдаль.

<...>

Мне дорога моя дорога,
Не устану по ней бродить.
Нету в мире такого врага,
Чтоб друзья не могли победить!

А пока мы не в Поэтограде,
И проиграна наша игра.
Вы наденете платье
Цвета чёрного бутылочного стекла.

<...>

1 0

Путь-дорога
Без итога
Хвалится длиной.

Скоро вечер:
Он не вечен,
Ибо под луной.

Или прямо, или криво,
Или наугад
Все пути ведут не к Риму,
А в Поэтоград!
1940-1941

ПОЭТОГРАД II

1

Эти все события, которые
Летописи хартии хранят,
Во любом учебнике истории
Те найдут, которые хотят.

У поэтов есть своя история.
Началась она у тополей,
Где простой пастух, свирель настроя,
Воспевал идиллию полей.

Он не знал, что за работу плату
Всякий должен получать мастак,
Что противники матриархата
Говорили: мать твою растак...

Что друг друга невзлюбили люди
И вооружились до зубов,
Что огромная эпоха будет
Эрою свободных и рабов.

Но уже прошли эпохи эти,
Тот певец древнее, чем Гомер.
Мыслят современные поэты
Образами радужных химер.

Я играть не стану на свирели,
Ибо нет в поэзии игры.
Славен, кто выламывает двери
И сквозь них врывается в миры.

А не тот, кто жизнь ведёт монаха,
У кого одна и та же лень.
Тяжела ты шапка Мономаха,
Без тебя, однако, тяжелей.

Повседневно-будничная праздность
Невозможным сделала успех.
В результате появилась разность:
Всех «могли» и «упустили» всех.

Всё же мы упрямы, как решение,
Всё же мы самих себя рабы;
Я боюсь совсем не поражения,
А того, что нет для нас борьбы.

Ибо гений я, а всё впусую, —
Это значит, что я буду после,
А пока бессмысленно бастую
На заводе повседневной пользы!

С тарабарщины такой не тронусь я
В путь далёкий.
Пыль клубится конусом
Вдоль дороги.

Ветру больше и делать нечего.
Будто Брут,
Ветер воет воинственно вечером.
Люди врут.

Ну а мы, поэты... Что мы делать будем?
Призывать напрасно свет к ответу?
Пыль пускать в глаза, как ветер, людям?
Строить ветряные мельницы, как люди ветру?

Нет ответа! Лишь стихи срывают с губ
Заклѹченные в несовместимой сумме
Или тот, кто безнадежно глуп,
Или тот, кто дьявольски безумен.

Мы, поэты, уважаем Пушкина,
Знаем признаки делимости на три
И разбираем лучшую игрушку,
Чтоб посмотреть, что у неё внутри...

2

Впрочем, я нисколько не такой,
На других нисколько не похожий,
Безусловно самый я плохой,
Потому что самый я хороший.

Я хороший, против правды не попрѣте,
И фортуна будет за меня,
Ибо очень долго были против,
А должно всё в мире заменяться.

Вижу город я, где нет для ближнего
Никаких таких лишений лютых
И совсем ничего лишнего
Ни в вещах, ни в словах, ни в людях.

Там весь мир пополам не расколот
И поэты не знают преград.
Вы не верите в этот город,
Вы не верите в Поэтоград.

Вы наденете платье цвета
Чёрного бутылочного стекла,
И пойдёте на край света,
И себе не найдёте угла.

Всё Вам будет враждебно и чуждо,
Потому что Вы их умней,
Где нет мысли, не может быть чувства, —
Бросьте их и отдайтесь мне.

Это сволочи вас заманили
В логово их мелочей.
Вы за меня *или*
За сволочей?

Приходите ко мне.
Занавесим окно (для рифмы) шторой
И будем пить
За такую дружбу, меж нами которой
Нет и не может быть.

За такую дружбу, где тайны нет,
Чтобы было нам хорошо...
Славлю время, которое настанет,
А не то, какое прошло.

Что прошло, исчезнет,
О грядущем моля.
Лучше тема чужая,
Чем тема моя.

Оттого что вначале
Я её потерял,

Буду спать с ней ночами
В полусне бытия.

Сплю. Во сне залезаю на крышу.
Как Суворов, иду вперёд.
А когда просыпаюсь, то слышу —
Какой-то дурак «Катюшу» поёт.

Ударяю дурня кирпичом, —
«Он мой противник, — говорю я ей, —
Пронзи тень мосфильмовским мечом
Иль будь моей!»

Я Никола Чудотворец,
Император страниц,
Хочу не кому-нибудь вторить,
А истину установить.

Истину глаголят
Уста мои
Про Поэтоград
Где пьют ай,

Где до чёрта света,
Где живут поэты
И пьют коньяк.

Я верю в самое оно
Людей всемирных ради,
Чтоб винопадило вино
У нас в Поэтограде.

Я в ночь одну продумал заново
Мышленья тысячи ночей,
И облака нависли саваном
Над городом из кирпичей.

А над зелёными полянами,
Тоской стихов запылена,
Она огромная и пьяная,
Такая бледная луна.

Любыми ливнями освистана,
Смотрела, как идёт гроза,
И навсегда возникла издавна,
Бросаясь в небо, как в глаза.

Луна есть вечное перо
Поэта, что при жизни не был
Любим: перо ведь не пирог —
И он луну забросил в небо.

А будь луна — блин,
Её бы давно съели,
Межпланетные корабли
Направив к цели.

Будь луна сера,
На земном шаре
Спелые колосья все бы
Этим серпом сжали.

Но луна не
Производства орудье,

И поэтому на луне
Никогда не бывали люди.

Иные в луну влюблены,
Другим её лик неприятен,
А солнце ярче луны,
И больше на солнце пятен!

Что плывёшь луна, как карась,
Не плыви, луна, отвяжись,
Разве знаешь ты, сколько раз
Начинал я новую жизнь?

Разве знаешь ты что-нибудь?
Ты вообще, луна, ни при чём тут,
И ведёт непутёвый путь
По звезде путеводной к чёрту.

И к высотам любым пойдя,
Чтоб спуститься к любым глубинам,
Я бродил по любым путям,
А любил бродить по любимым.

Любил и синь, и ширь, и глубь морей,
Любил скрещение рапир,
И в жизни не было моей
Всего того, что я любил.

Тогда любовь моя пропала,
Как в синем море корабли.
Прекрасно сказано у Павла
По поводу такой любви.

«Если пророк и верой своей
Передвинуть горы сумею,
А любви не имею, —
То я ничто.

Если бедным отдам свой дом
И взойду на костёр за идею,
А любви не имею, —
Пользы не будет мне в том».

Если пророк... Эх, что же ты,
Пророк,
Хорошие тосты
Придумать не мог.

Тебе не хотело
Даваться оно,
И грешное тело
Другим отдано.

И тысячи сотен
Мелькают в бреду,
И по синусоиде,
Как пьяный, бреду.

Прихожу к монахам,
Говорю как поэт:
Вы, ничтожные, как Монако,
Знайτε, что Бога нет.

А потом прихожу к атеистам,
Говорю как пророк:
Там, на небе мглистом
Есть Господь Бог.

Не я живу в великом времени,
А времена в моих строках,
И тем не менее
Я оставался в дураках.

Что мне ждать ещё? Успеха ли?
Мне не до смеха ли?
Ехали
Ухари

Морею-сушею.
Эхо ли?
Ухо ли?
Слышало? Слушаю.

На небо просишься —
Страх в лице. Спрячь его.
Выдумай прозвище
Самого зрячего.

Что ж ты надеешься?
Что ж тебе хочется?
Выдумай день ещё.
Ночь придёт. Кончится.

Ночь Евья,
Ночь Адамья.
Кочевья
Не отдам я.

Табун
Пасём.
Табу
На всём.

В бору
Шум-гам,
В буру
Играм.

Покуда карты не раскрыты,
Играй в свои миры,
И у разбитого корыта
Найдёшь конец игры.

И утомлённый не борьбой
Посмотришь на ландшафт,
И станешь пить с самим собой
Стихи на брудершафт.

А звезды взглянут с вышины,
Которые малы;
Но ими там освещены
Огромные миры.

7077 лет
Идет к Земле их свет,
А на осмысленной земле
Лишь суета сует.

Среди житейской суеты
Назло твоим врагам
Всегда стихи слагаешь ты,
Поэт, нахал и хам.

Раскрывает, ну и пусть,
Пропасть пасть;
Но поэту, там, где Русь,
Не пропасть.

Там, где Волга и Москва
В бездне, в ней,
Где берутся нарасхват
Песни дней.

Где огромный трудный путь
Каменист,
Но придёшь когда-нибудь
В коммунизм.

Но придёшь, и это факт,
Только здесь,
А заклятый всякий враг
Всюду есть.

Он под грохотом побед
Выбрал тишь,
Только ты его, поэт,
Победишь.

Победишь ты или нет, —
Подождём,
А пока что ты, поэт,
Побеждён.

Побеждён самый хороший поэт, —
Ты — поэт этот,
Ты свернул с колеи побед,
По которой к победам едут.

Горло сдавили какие-то пальцы
В тот или этот год?
Но пускай народ ошибается,
Всё равно прекрасен народ.

Он взмахнёт богатырской палицей,
А тобой, поэт, не воспет;
Но пускай поэт ошибается,
Всё равно прекрасен поэт.

<...>

В наши дни ошибаться бояться,
Но писатели — не кассиры;
Не мешайте им ошибаться,
Потому что в ошибках сила.

И не слушайте всякую бездарь,
А читайте мои стихи.
Перед вами работы бездна,
Фарисеи и простаки.

Вы, которые не взяли
Корабли на абордаж,
Но в страницы книг вонзали
Красно-синий карандаш,

Созерцатели и судьи,
Люди славы и культуры,
Бросьте это и рисуйте
На меня карикатуры.

Я, как вы, не мыслю здраво
И не значусь «статус кво».

Перед вами слава, слава,
Но посмотрим, кто кого?

Слава — шкура барабана,
Каждый колоти в неё,
А история покажет,
Кто дегенеративнее!

5

Ибо мир, захлебнувшись уставами,
Словно лыжник, слетающий с лыж.
Истину глаголят уста мои,
Имеющий уши, услышь!

<...>

Будет что через столько лет,
Бог весть,
Но сегодня на вкус и на цвет
Товарищи есть.

Мы увидим алмазы небес,
Бриллианты высот,
Но сегодня силён бес —
Людьми, что вениками, трясёт.

Не только сегодня, но и вчера
Почти что всё было бездарно отстало;
Хоть новую эру страна начала,
Но новая эра ещё не настала.

На складах картофель сгнивал, и зерно,
Пречёрствый сухарь голодающий грыз.
И не было хлеба, картофеля, но
Я всё равно любил коммунизм.

На собраниях старательно переливали из
Пустого в пустое. Вопросы ставились
На повестку дня. Комсомольцы старились,
А я всё равно любил коммунизм.

В искусстве безвкусью платили дань,
Повылезло много бездарных подлиз.
Меня не печатали. Печатали дрянь,
Но я всё равно любил коммунизм.

За что печатали? Чему был так рад?
Что заприметил вдали?
Коммунизм, по-моему, Поэтоград,
Где все люди богатыри.

Там откровенность необыкновенная
Взаимопониманья основа —
На уровне такого Откровения,
Которое осмысливает слово.

Простое слово фактов и имён,
Не подчинённых логике грошей.
В такой стране у времени времён
Ни заключённых нет, ни сторожей.

Пути межпланетных ладей,
Как женщины, станут воспетыми,
Не станет бездарных людей,
Враждующих вечно с поэтами.

Хороших мыслей невода,
Хороших мыслей провода,
Хороших мыслей города
Воздвиг поэт стране стихов,

Прозтоград,
Победоград,
Поэтоград
Открыл Глазков.

Дома домов столицами столиц
Превращены в развалины развалин,
Чтоб крики криков раздались
Воззваниями воззваний.

Огни огней знамёнами знамён
Стихи стихов зажгли в моей душе,
Чтоб я стоял у времени времён
На самом стозэтажном этаже.
1940-1941

ДОРОГА ДАЛЕКА

Поэма

1

В хаосе буреломном,
В хаосе переломном
Не описать пером нам,
Что было до войны.

Триумфальные арки
Вились, как радуга,
Благоухали фиалки
Лучше, чем труп врага.

Был легковерен и юн я,
Сбило меня с путей.
22 июня —
Очень недобрый день.

Жизнь захлебнулась в событиях,
Общих для всей страны.
И никогда не забыть их,
Первых дней войны.

2

Про войну весьма красноречиво
Мне сказал Кульчицкий — друг-поэт:
— Пить мы будем мюнхенское пиво,
А война продлится десять лет.

— Но тебя убьют в войну такую... —
Призадумался на время тут,
А потом, бессмысленно ликуя,
Радостно воскликнул: — Всех убьют!

3

На фронте дела обстояли хреново,
И стало поэтам не до стихов;
Поэзия, сильные руки хромого,
Я вечный твой раб, сумасшедший Глазков.

Стихами не очень поможешь пехоте,
Как ими за Родину ни воюй.
Москва отступает. Я на пароходе
По шлюзам, Оке и на Волгу. В июль.

Я знал, что меня ожидают невзгоды
И был убеждён, что война не к добру;
Но если меня не убьют в эти годы,
То я никогда, никогда не умру.

4

Торчат от радуги концы,
Как пара дуг, как пара хорд,
И вот на пристани Ловцы
Остановился пароход.

Ловцы чего? А счастья нет.
Правы и те, и эти;

Подобно теням на стене,
Проходит всё на свете.

Отчасти сходна жизнь моя
С плывущей по воде иголкой,
И горькуировался я —
Эвакуировался в Горький.

То значит от Москвы отказ
Во имя самого простого,
И я шатался на откос
Смотреть на волжские просторы.

В них высота и пустота,
Большой размах и мало толку,
И Чкалов смотрит не туда,
Вместо того чтоб видеть Волгу.

А помещался ресторан
В зелёном домике над Волгой,
И расставлялось по столам
Стекло, затопленное водкой.

Пришла война, и нет вина,
И продовольствий нет искомым.
Вместо вина была луна
В сиянии, как на иконах.

Луна на дереве висела,
Ей было весело висеть;
Она, как рыба, там блестела,
И было дерево, как сеть.

Луна запряталась за башней
И свет оттуда льёт;
Она казалась бесшабашней,
Чем если б видел я её.

Луна была как серп... и молот
На звёздном знамени небес.
Никто не даст нам Поэтгород,
Который нужен позарез.

Вместо него закат, как Азия,
Который был как знамя дня
Над Волгой Чкалова, и Разина,
И Хлебникова, и меня...

Который простирался к хатам
И непомерной был длины,
Луна вставала над закатом,
Закат — как будто от луны.

Как будто закат от закрытия
Своеобразного мира
Писателя Первой гильдии,
Поэта Огромной лиры.

5

Сам не знаю, братцы,
Что с чего берётся,
Надоело драться,
Драться и бороться.

А за дело браться,
Может, и охота,
Да наскучил панцирь
Неодонкихота.

И у нас в двадцатом
Не найду дворца там,
Не порежу шпагой
Бурдюков с малагой.

Не найду мечети
Покорять мечом,
Ибо даже черти
Нынче нипочём.

Ибо надо всеми
Довлеет суета,
Ибо даже время
Нынче как вода.

6

И, как вода, осенний день, теки;
Грузить баржу пришли студентики
От всепредметных кабинетов.
Дров было тысяча кубометров.

Сама вода напоминала
Стволы развернутых берёз.
Тот молодец, кто понимает,
Как трудно жить без папирос.

Но всё случается над Волгой,
И вот, со злости и от зла,
Бомбили немцы город Горький
В ноябрь, 4-го числа.

Как будто огненные нитки,
Шли пули красною чертой,
Зазря бабахали зенитки,
Не попадая ни во что.

Летали самолёты в дали
И немцы, горе-мастаки,
Бомбили, но не попадали
В великолепный мост Оки.

Итак, они бомбили воду,
И бомбы падали, тоня,
Но зарево автозавода
Уже слилось с закатом дня.

Всё то прошло легко и быстро,
Но не забудется оно;
Страх, горечь, злоба, любопытство —
Смешалось и слилось в одно.

Трамваев не было в помине.
Мы шли пешком. Хотелось мне
Позаменить дома в Берлине
Развалинами из камней.

Освобождение Европы
Хотелось бы увидеть всем,
А мне хотелось, немцев чтобы
На свете не было совсем.

Чтоб говорили все по-русски,
Как Панковский и Глазков;
Но я отвлёкся от погрузки
Берёзовых и прочих дров.

А между тем, когда темнело
И надвигалась ночь, как бред,
Мы как один бросали дело
И уходили на обед.

Никогда не надо повторяться,
Никогда не надо возвращаться,
Никогда не надо догонять,
Никогда не надо ждать.

Однако жду и час, и два я,
Хотя жданьё трудней, чем труд.
Официантки, как трамваи:
Когда их ждут, то не идут...

7

На лекциях мне было холодней,
Чем на улице во время непогоды,
И я на институт не тратил дней
В такие фантастические годы.

В столовой проводил я дни свои,
Где весь обед не стоил больше трёшки,
И тратил сороковку на аи,
Не покупая килограмм картошки.

И этот год, которым голодал,
Теперь я называю Сорок Скверным,

Ну а стихи по разным городам
Я рассылал друзьям хорошим, верным,

А письма шли, как всё тогда, нескоро,
Но находили горьковский мой адрес.
Стихи полузабытого Глазкова
Читались, почитались, не печатались.

8

Писатель рукопись посеял,
Но не успел её издать,
Она валялась средь Расеи
И начала произрастать.

Поднялся рукописи колос
Над сорняковой пустотой.
Людей громада раскололась
В признание рукописи той.

Одни кричали: «Это хлеб
И надо им засеять степи».
Другие — что поэт нелеп
И ничего не смыслит в хлебе.

Как угодно можно считать,
А приговор эпохи — это приговор эпохи,
А сейчас я стану читать
Свои монологи.

Судьба судьбы командует судьбою,
Неповиновенья не терпя.
Ты можешь пропадать, и чёрт с тобою,
Твоей судьбе теперь не до тебя.

Ей очень холодно, дрожишь, дружище,
А тут ещё бессмысленный обед ищи,
Но на войну поехать не решишься
И от войны не убежишь в убежище.

От нищеты моей страны богатой,
От нищеты идя к каким-то далям,
Мы все шуты одной стены плакатной,
И все жида, поскольку ожидаем.

Из-за патриотизма и азарта,
За то, что путь России не пристань,
Я полюбил Россию послезавтра,
Которая всех лучше будет стран.

Бутылок будет на столе,
Что их не выпить за сто лет,
Но дурь мешает мировая,
Она — как язва моровая.

Она взамен всемирной скорби.
Теперь экзотика — Москва,
И не нужна пустыня Гоби,
Чтобы вести стихов войска.

Народ великий и воинственный
Сражается на всех фронтах,

А я, великий и единственный,
Я с ним, но не в его рядах.

Я научён всемирным опытом:
В свой мир, который нехорош,
Пришёл — и пропадай всё пропадом,
И, вероятно, ни за грош.

1 0

Был снег, и дождь, и снег с дождём,
И ветер выл в трубе.
От армии освобождён
Я по статье 3-Б.

Вздыхался над закатом дым,
И было как пожар,
А я всё шёл ко всем святым
И не соображал.

1 1

Зачем вся жизнь моя игра —
Я это не кумекаю.
Я видел сон: река текла,
Глубокая, но мелкая.

Тогда поплыл я по волне,
Но не пловец, а странник,
И чудный берег плыл ко мне
В каких-то белых зданьях.

Он плыл, до дна его пока
Я не достал руками, —
И тут закончилась река,
И началась другая.

Я стал её переплывать,
Однако сон пришлось прервать.

Проснулся я. Была весна,
Вода как таковая,
И я отыскивал для сна
У Волги толкованье.

Одна река — суть — я поэт,
Судьба моя такая,
Другой реки пока что нет,
Но будет и другая.

Погибну ль средь её воды ли я?
Подлунный мир хоть стар, да нов.
Среди воды торчит флотилия
Полузатопленных домов...

1 2

Многое кажется глупым,
Очереди за булкой,
Царствие нищих духом,
Мы промышляем курнуть.

Огнеупорные губы
Курят окурок окурка,
Чтобы не верилось слухам
И разлетучилась нудь.

Все мысли, и чувства, и страсти
Мои пускай будут верны
Такому огромному счастью,
Которое после войны.

Огромное счастье далёко,
И мне не даётся оно,
Моя удалая дорога
Меня привела в районо.

Стал жить в деревне, и в глуши,
И в ссылке, и в изгнании,
И во деревне не нужны
Стихи мои и знания,

Которых путь не очень ровен,
Не приведёт в три дня в рай он;
Я, как покойник, замурован
В Черным-Чернухинский район.

Очень мелкая река
Серёжа,
Вся уходит в берега —
Ну и что же?

Скоро высохнет она,
Серёжа,
И не будет ни хрена.
Ну и что же?

Всё, что бездарно и серо,
Лет через двести перестроится.

Звалось Никольским то село
В честь Николая Чудотворца.

1 4 < ... >

1 5

Я не боюсь души растрат,
Хоть знаю — это хлам;
Но хорошо, что Герострат
Спалил Дианин храм

И хорошо, что солнце жжёт,
А стих предельно сжат,
И хорошо, что колос жёлт
Накануне жатв.

И хорошо, что будет хлеб,
Когда его сберут,
И хорошо, что были НЭП,
И Вавилон, и Брут.

Да славятся мои друзья,
Я ибо их поэт,
Иные знамя водрузят
Над полюсом побед.

Иные сгинут просто так,
Но вспомню и о них,
Чтоб всех их обессмертить, как
Героев книг моих.

Пусть не печатают того,
Кто прозу дней затмил,
Материков и островов
Я завоюю мир.

Пусть сам себе корёжил жизнь,
Валяя дурака;
От моря лжи до поля ржи
Дорога далека.

Вся жизнь моя такое что,
В какой тупик зашла?
Она не то, не то, не то,
Чем быть должна.

Жаль дней, которые минуют,
Бесследьем разозля,
И гибнут тысячи минут
Который раз зазря.

Жду как дурак отрадну весть
Которую-нибудь
И время — лучшее, что есть, —
Расходую на путь.

На небе громоздятся там
Для снега облака,
А я иду по всем местам,
Дорога далека.

Не знаю как, наверно, так
Идёт путёвый тракт:
Леса похожи на спектакль,
А поле на антракт.

А телеграфные столбы
Идут куда-то вдаль,
Прошедшее жалеть стал бы,
Да ничего не жаль,

Я к цели не пришёл ещё,
Идти надо века.
Дорога — это хорошо,
Дорога далека.

ЮНОСТЬ РУБЛЁВА

Поэма

В М Е С Т О П Р Е Д И С Л О В И Я

В поэме моей достоверна
Не всякая будет строка.
Писал я примерно наверно,
А вовсе не наверняка.

Я принял, что в тысяча триста
Шестидесятом году
Великий художник родился, —
И это имею в виду.

А может, и в семидесятом?..
С тех пор отшумели века,
И более точная дата
Для нас неизвестна пока.

Смещения возможные стилей,
Героев, событий и дат —
Все вольности, что допустил я,
Читатели мне да простят!

Г Л А В А П Е Р В А Я С Т Р А Н Н И К

Запахло спелой ягодой в июле,
И липа благодушно зацвела.
— Ребята! Глянь! Андрей забор малюет,
Все доски от угла и до угла.

Занятно!.. Вот его соседка Стёша,
А вот отец евонный с бородой!

Отец сказал: — Недурственно, а всё же
Пошто малюешь? Нешто я святой?
Не тот материал — доска и уголь!..
Коль чувствуешь влечение души,
Так подзаймись полезительной наукой:
Псалтырь иль что ещё перепиши!
Тогда тобою стану я гордиться.
Вникай, когда разумно говорят!
Брось малевать заборы! Не годится
Зазря соседских потешать ребят!
Обидно, что влечёт тебя не польза,
А самая пустая суета...
Но мы с тобою потолкуем после...
Я вижу, кто-то к нам идёт сюда.

Шагает по просёлочным дорогам,
Бредёт по берегам родимых рек,
Идёт и разговаривает с Богом
Убогий странник, божий человек.
До Ярославля путь немалый пройден,
А сколько предстоит ещё пройти!..
Идёт убогий человек на полдень
И не собьётся с этого пути.
Над головой его шумят берёзы,
Большое небо высится над ним...
Идёт в лаптях, не знающих износа.
Куда шагает? В Иерусалим!
Вокруг него сверкают травы в росах,
Блестящих, как царьградская слюда.
Прохожий опирается на посох.
— Откель идёшь и держишь путь куда?

Его радушно приглашают в хату,
Узнав, что он идёт «в Ерусалим»:
— Хотя живём мы не зело богато,
Но хлебушком и квасом угостим.
Ступил через порог. Изба что надо,
Приятственен в ней отдых и ночлег.
Горит перед иконою лампада —
Перекрестился божий человек.
Отец сказал: — Андрейка, лезь-ка в подпол,
Квасок студёный водится у нас.
Сев за дощатый стол, гость квасу попил,
Степенно произнёс: — Отменный квас!

Убогий человек, бродя по свету,
Все вести собирал и разносил.
Центральную и местную газету
Он заменял в ту пору на Руси.
Немало знал, мог рассказать о многом,
Такому человеку не перечь!
Он на идейном уровне высоком
Держал свою божественную речь!
Не для забавы странствовал по свету,
А был учёным и в премудрость вник;
И ежели давал кому советы,
То очень редко ошибался в них.

Хозяин дома увлечён беседой,
Послал ему благого гостя Бог.
— Как с сыном быть, ты, странник, посоветуй!
Углём малюет лики мой сынок,
Меня изобразил по несмышленью.

Оно, понятно, потому что мал...
Всё ж сделать надобно ему внушение.
— Так это он забор размалевал?
— А кто ж ещё? Способность есть к ученью,
Но малого погубит баловство!
— У сына твоего сквозит уменье,
В его руках — большое мастерство!
Такое надобно считать отрадным,
Великий может он сыскать успех,
Знай! Наградил Бог отрока талантом,
Талант зароешь в землю — будет грех!
С ученьем сына своего не мешкай,
Знаком мне старец — Сергей Радонежский,
Андрея твоего к нему сведу!
Иконописцем станет наш художник,
Нуждается в своих талантах Русь!
— Однако же в хозяйстве сын — помощник,
Уйдёт сынок — помощника лишусь.
Спокойней мне, когда парнишка возле,
В хозяйстве он подсобит навсегда.
— Обидно, что влечёт тебя не польза,
А самая пустая суета!..
Темно ты рассуждаешь и нелепо
И нарушаешь божеский закон.
Знай: человек жив не единым хлебом,
Он православной верою силён!
— Оно, конечно, всё-таки однако
За сына мне сомнительно весьма.
— Я сыну твоему желаю блага,
Ученье — свет, а неученье — тьма!
Пока в хозяйстве отрок не подмога,
Пускай вкусит ученья благодать,
А там, глядишь, подучится немного,
Начнёт тебе в хозяйстве помогать!

— Ты, странник, прав, и твой совет полезен,
Пускай сынок познания обретёт!..
А нас прости, живём мы в тёмном лесе,
Поэтому и тёмный мы народ.

Пропел петух. В далёкую ту пору
Он, как куранты, пробуждал людей.
Три человека шли по косогору:
Отец Андрея, странник и Андрей.

ГЛАВА ВТОРАЯ УЧИТЕЛЯ

— Ну, брат Кирилл, скажу, что насмешил,
Ох, насмешил меня чернец Андрей!..
Сказал ему: главу перепиши —
И он переписал куда скорей,
Чем мог я ожидать от новичка.
Смотрю, уменью его дивясь, —
Ложится ровно каждая строка,
Соблюдена причудливая вязь.
Сей труд достоин всяческих похвал!..
И я сказал: «Отменно пишешь, друг!
Теперь прочти, что ты переписал!» —
И оказалось, он не знает букв!
Читать не может даже по складам,
А буковки выводит хорошо!
— А я не понимаю, брат Адам,
Чего смешного в этом ты нашёл?
Пусть с азбукою отрок незнаком,
Но у него необычайный глаз.
И это, знаешь, говорит о чём?
О том, что отрок одарённой нас!

Ты грамоте его не обучил
И поступил не мудро, брат Адам!
— Ты очень любишь мудрость, брат Кирилл,
И отрока учи, коль хочешь, сам!
— Что ж! Выучу, и будет грамотей.
Невежество страшней татарских стрел!

Учиться у Кирилла стал Андрей
И в грамоте славянской преуспел.
Но мудрость книг, которую постиг,
Его не занимала, не влекла.
Тянулся к миру красок ученик,
А в келье одноцветность, полумгла...
Он титульную букву выводил
Охотней, чем писание читал.
И начал замечать монах Кирилл,
Что ученик в познании отстал,
Что у Андрея интереса нет
К деяниям апостола Петра.
Ему важней сентябрьских листьев цвет
И радуга павлиньего пера.

Монах Кирилл — божественный аскет
Задумался о юном чернеце.
Вначале было слово, но и свет
В начале тоже был, а не в конце!..
И свет превыше всех земных тревог,
И в свете проявление тех же сил,
И если эти краски создал Бог,
То, значит, их Господь благословил.
И если в слове отрок слабоват,
То, может, он постигнет смысл икон.
К Онуфрию его!.. Онуфрий брат
В иконописном ремесле силен!

Онуфрий был Кириллу не чета:
Пображничать любил в свободный час,
Священных книг почти что не читал,
Но превосходно составлял левкас*.
Не знал про масло и про акварель,
Однако представление имел
О составленье красок из земель,
Желток яичный применял и мел.

Монах Онуфрий делал что хотел,
И постоянно нарушал устав.
За яркость красок монастырь терпел
Его весёлый и распутный нрав.

Монах был утомлён и пьян слегка,
И сожалел, что он не очень пьян.
Смотрел с тоской на опустевший жбан...
Но вот к нему ввели ученика.

Сказал Онуфрий: — Многим невдомёк,
Что питье — веселье на Руси.
Возьми, брат, уголёк, сядь в уголок,
Ну, и чего-нибудь изобрази.
Не думай, что такой уж лёгкий труд
Создание божественных икон...
Однако через несколько минут
Монах Онуфрий был изображён!..

* Меловой грунт, на который иконописцы накладывали тонкие слои красок. Иногда число этих слоёв доходило до сорока, чем достигалась яркость и красота цвета.

Сказал Онуфрий: — Инок молодой,
К искусству склонность чувствую твою,
И за твою способность ни одной
Я краски от тебя не утаю.
Тебе свои познания передам,
Левкас постигнешь... Но не в этом суть,
А в том, чтоб русский православный храм
Мог русскою иконою блеснуть.
Иконы благолепно пишет грек,
А наши в подмастерьях состоят.
Пусть многогрешен русский человек,
Но русский человек могуч и свят.
Я бражничаю и до баб охоч,
И на душе моей тоска и мрак,
Но ты изобрази меня точь-в-точь
Таким, как будто я апостол Марк!
Свои святые Родине нужны,
Пиши святых с монахов и с крестьян,
Изображай людей своей страны:
Не византийцев, а москвитян!
Народ наш тьмой татарской угнетён,
Не за свои грехи страдает он,
Страдает за грехи князей, бояр,
Которых дух гордыни обуял!
Единодушия у знатных нет,
Из них любой стать первым норовит,
Раздор — причина многократных бед,

Но Сергей Радонежский говорит:
— Перед тщеславным братом я смирюсь,
Чтоб не смирялась пред Ордою Русь!
Поодиночке нас татары бьют:
Метлу не ломают, а ломают прут!
Но близок бой — нелёгкий бой с Ордой,

Когда ордынцев выметем метлой!
Единство нужно нам — об этом речь,
И богомаза кисть важна, как меч!

...Пришли на речку.
— Ну, теперь, Андрей,
Ищи здесь камни, складывай в мешок.
Струится речка, реченька, ручей,
На берегу лишь камни да песок.
Художник, живописец наших дней,
Не ищет красок на берегах речных,
Не растирает краски из камней,
А в магазине покупает их.
Удобно, что химический завод
Их производит сколько надо тонн,
Но год иль пятилетие пройдёт —
Меняют краски свой оттенок, тон...
А камни? Камни сотни тысяч лет
Первоначальный сохраняют цвет.
И для искусства вечного неплох
Масштаб геологических эпох!

— Вот здесь, Андрей, — Онуфрий говорит, —
Среди камней отыщешь цвет любой,
И лишь для краски синей, голубой
Потребен редкий камень — лазурит*.
Его нам от Уральского хребта
Везут купцы, а здесь такого нет:
Поблизости земные все цвета,
И далеко от нас небесный цвет!

* Во времена Андрея Рублёва говорили не лазурит, а голубец, но сейчас слово голубец имеет другое значение — поэтому я употребил слово лазурит.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ ПЕРЕСВЕТ

Весенняя распутица,
Большая грязь.
Посередине улицы
Мужик увяз.
На улице, на площади
Раздался крик:
С телегою и с лошадью
Увяз мужик!

Телега не порожняя,
И груз — не грош.
Спасите вы, прохожие!
А как спасёшь?
Теперь разлились реки-то,
Дороги нет.
Но вот идёт к телеге той
Брат Пересвет:
— Увяз, мужик-бедняга, ты,
Но не робей,
А распрягай конягу-то,
Да поскорей!

Мужик, погоду вешнюю
Вовсю кляня,
Под брань свою поспешнее
Распряг коня.

— Теперь садись в телегу-то,
Ух, прокачу!
— Шутник, шутить мне некогда!
— Я не шучу.

Тут дело невесёлое,
Шутить не след.

Телегу взял тяжёлую
Брат Пересвет.
Мужик глазища вытаращил,
Воскликнул: ах! —
Рванул к себе и вытащил
Весь воз монах!

Мужик сказал: — Ну, милый мой,
Ты дюжих сил!
Да я б с такою силою
Татар побил!
Да мне бы от Всевышнего
Подобный дар!..

— Да не болтай ты лишнего:
Побьём татар!

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ КУЛИКОВСКАЯ БИТВА

Трава сраженьем не примята
И кровью не обагрена,
И сохраняет блеск парада
И та, и эта сторона.

С той самой стороны ордынской,
Со стороны донских степей.
Рванулся всадник исполинский
Батыр Мамаев Челубей.

Он дивно сложен и отважен,
В очах сияние луча,
В его плечах — косая сажень,
В речах — уверенность меча:

— Сразится кто со мной? Такого
Среди московской рати нет!..
Но видит поле Куликово:
Не испугался Пересвет.

И не кольчуга, а рубаха,
Рубаха белая на нём:
Мог Пересвет пробить с размаха
Всяк щит с кольчугою копьём!

И о батыре Челубее
Судил, должно быть, по себе,
И доверялся, не робея.
Он не кольчуге, а судьбе.

И оба войска ждут решения
Коварной воинской судьбы.
Герои начали сражение,
Их кони встали на дыбы.

Столетьем кажется секунда,
И кто сильнее, кто слабей,
Кто победит? — Ответить трудно:
Кто, Пересвет иль Челубей?

Копьём тяжёлым русский воин
Татарский пробивает щит,
Но перед смертью враг спокоен:
И Пересветов щит пробит!

И наземь пал татарский ратник,
В рядах ордынцев вызвав стон,
А Пересвета конь обратно
Примчал убитым в русский стан.

Два войска двинулись на сечу,
И грянул Куликовский бой.
Ордынцам ринулся навстречу
Московский полк передовой.

По центру русских бьют ордынцы,
Теснят, громят за рядом ряд.
Не час, не два сраженье длится,
Но стойко русские стоят.

Мамай глядит на бой упорный
И видит: русским тяжело.
Сейчас он конницей отборной
Ударит в левое крыло.

На левый фланг текут ордынцы,
На левом фланге цвет их войск.
Фланг русских должен надломиться,
Растаять должен, словно воск.

Вперед идёт враг-неприятель,
Берёт в бою за пядью пядь —
И медленно к реке Непрядве
Фланг русских начал отступать...

Вдруг крики вражеские смолкли,
У них смятение: князь Боброк
От берегов дубравных Смолки
Бросает в бой засадный полк.

Нетерпеливые в засаде
Томились воины с утра
И думали, на битву глядя:
Помочь товарищам пора!..

Весь день удерживал в засаде
Их рассудительный Боброк,
А в этот миг сказал: «Держайте!» —
И хлынул воинов поток!..

Смешались сотни и десятки.
Исчезли стройные ряды,
И побежали в беспорядке
Войска прославленной Орды!

ГЛАВА ПЯТАЯ СПАС

Одержана победа,
И враг бежал,
Но нету Пересвета,
И павших жаль.

И грусть звенит в веселье,
От битвы сей...
Уединился в келье
Чернец Андрей.

Намедни дал сам Сергей
Ему заказ:
Нужна для новой церкви
Икона — Спас.

А кто подобен Спасу?
Простой ответ
Возник внезапно, сразу:
Брат Пересвет!

Творящий только благо
Чудесный брат,
Он, Пересвет, однако,
И Пересвят!

Силач неимоверный,
Святой монах,
Такой же Бог, наверно,
На небесах.

Так рассуждал примерно
Чернец Андрей.
Неверно или верно —
Ему видней!..

Меж тем к Андрею в келью
Онуфрий брат
С обычного похмелья
Явиться рад.

Пришёл, увидел Спаса
И похвалил.
Иначе отозвался
Монах Кирилл.

Сказал: «Смутил твой разум
Брат Пересвет,
Его ты сделал Спасом,
Здесь Спаса нет».

И досыта смеялся
Монах Адам:
«За Спаса ты не Спаса
Не выдашь нам!..»

Но Сергей Радонежский,
Авторитет,
Сказал: «Мне спорить не с кем,
Здесь Пересвет.

Но он исполнен гневных
Степенных сил.
Его Андрей отменно
Изобразил.

И для иконостаса
Сей лик хорош.
Ведь Пересвет на Спаса
Зело похож!»

ГЛАВА ШЕСТАЯ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Виднеется издалека
Не белый снег в саду,
Не белый снег, не облака,
А яблони в цвету.

Отец Андрея их сажал —
Хозяйственный мужик.
Тогда его Андрей был мал,
Рост яблонь невелик.

Теперь, как этот сад, возрос
Сынок его Андрей
И своему отцу принёс
Он несколько рублей.

Отец Андрея шибко рад:
Такой казны улов!..
А по деревне говорят:
Андрей-то наш — Рублёв!

В саду накрыт дубовый стол,
И брага там, и мёд.
Андрей Рублёв домой пришёл
И всех на пир зовёт.

Андрей и мёд, и брагу пьёт
И потчует гостей.
Рад угощению народ,
Охоч до новостей.

В Москве недавно довелось
Андрею побывать.
Московский князь сумел всерьёз
Побить ордынцев рать.

А сеча лютая была,
Больших потерь не счесть,
И по Москве колокола
Гудят победы в честь.

В честь возвратившихся дружин,
В честь павших богатырей...
Про всё, что знаешь, расскажи
Ты нам, Рублёв Андрей.

Всё, что интересует нас,
По правде нам раскрой.
Каков таков Димитрий князь,
По прозвищу Донской?

Жалеет ли простой народ,
Таких, как мы, людей?
И сколько там, в Москве, ворот,
И башен, и церквей?

И с Радонежским ты знаком,
Он, бают, всех мудрей.
О нём, святом, и обо всём
Поведай нам, Андрей!..

— Не много знаю, но от вас
Не утаю, друзья:
Димитрий, наш Московский князь,
Такой, как все князья.

Людей таких, как мы, теснит,
Но на него не злюсь:
Хорош он тем, что единит
Разрозненную Русь.

Москва должна быть во главе
Всех русских городов,
И много славных мастеров
Работают в Москве.

Пусть каждый видит, кто не слеп
И кто душою чист:
Благословенны меч и серп,
Равно перо и кисть,

Когда стоят в одном ряду
За православный люд,
Любые горе и нужду
В содружестве побьют!

Подыдем чаши и ковши
И выпьем от души
За православный наш народ —
Пусть дружно он живёт!

— Согласны мы с тобой, Андрей,
Хороший ты мужик,
И от деревни от своей
Нисколько не отвык.

За дружбу выпьем! Будь здоров!
Тебе добра хотим!
И сделай прозвище Рублёв
Ты именем своим!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ СТЁША

Ночь, звёзды яркие горят,
Луна сверкает тоже.
К Андрею в яблоневый сад
Пришла соседка Стёша.

У белоснежных лепестков
И листиков зелёных
Во тьме затерянных веков
Журчала речь влюблённых.

О чём беседовали они,
Я рассказать бы должен...
О том, о чём и в наши дни
Беседуют, — о том же!

Бегут года, текут века,
Гудят стальные кони,
Но, как всегда, её рука
Лежит в его ладони.

Ночь. Тайну этих звёзд-планет
Раскроют скоро люди,
Ну а влюблённых ждёт рассвет —
Так было, есть и будет.

Делам дела, словам слова
Пушай идут на смену,
Любовь стара, любовь нова,
Мудра и неизменна!

Цветеньем трав и пеньем птах
Рассвет любви объявлен.
Любовь во всём — в сердцах, в глазах
И в белом дыме яблонь.

Весь мир цветущий так хорош,
Горят, как в сказке, краски,
И Стёша, лучшая из Стёш,
Вся для любви и ласки.

В её глазах такой же свет,
Как свет-первооснова,

И не померкнет сотни лет
В творениях Рублёва!

Андрей по прозвищу Рублёв
Своих друзей, знакомых
И страсть свою — свою любовь
Запечатлел в иконах!

ГЛАВА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ

Осеннее небо уныло,
Печальна вечерняя тишь.
Недавно так радостно было,
Но Стёшу увёл Тохтамыш.

Ордынец, коварный и хитрый,
На Русь налетел, словно рысь.
Смирился пред ним князь Димитрий,
И ты, скромный инок, смирись!..

Сгорели мечты и жилища,
Ты с этим смиришь до поры.
Печальны в Москве пепелища,
Но вновь зазвонят топоры.

И от огневого налёта
Не будет в Москве и следа.
Одно утешенье — работа,
А прочее всё суета!

Русь снова придётся возвысить,
Не склонит она головы.

И плотник, и иконописец
Творят благолепье Москвы!

Грядущее, а не бывшее
Зовёт на работу людей.
Работает плотник пилою,
Работает кистью Андрей.

Тот славу обрящет, кто ищет
Её для отчизны своей.
Трёт краски и ангелов пишет
Андрей для родимых церквей.

И ангелы эти пригожи,
Их краше нигде не найдёшь,
И ангелы эти похожи
На Стёшу... А то на кого ж?

Сквозит в них высокого смысла,
Глубокого смысла любовь,
И пусть князь Димитрий смирился,
Андрей не смирился Рублёв!

Не скажет Андрей, что тоски нет, —
Сильна Золотая Орда, —
Но царство ордынское сгинет —
Любовь не пройдёт никогда!

Забудет ли Стёша об иге?
Нет, будет томиться в цепях...
Но Стёшины светлые лики
Останутся в русских церквах.

Художнику тяжело и грустно,
Но сила его нам близка:
Любовь переходит в искусство,
И жить ей века и века!

ГРИГОРИЙ РАСПУТИН

Трагикомедия в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Царица.

Вырубова.

Григорий Распутин.

Джеймс, англичанин.

Людвиг, немец.

НН, князь.

Придворные.

Рабочие.

Ц а р и ц а

И надо мной, как правосудья меч,
Безжалостные мысли снова виснут.
Не знаю даже, как себя развлечь...

В ы р у б о в а

Мне кажется, развеселит нас диспут.
Кого и с кем?

Ц а р и ц а

Кого и с кем?

В ы р у б о в а

Григория с НН.
Да, кстати, вот он, наш любимый Гриша.

Р а с п у т и н

Всё, мама, тлен... А вот у этих стен
Родились нынче уши. Ими слышу.

Ц а р и ц а

Что слышишь ты?

Р а с п у т и н

Я... колокольный звон,
И звон подков, и звон кандалный дальний...

В ы р у б о в а

Как хорошо и странно.

Р а с п у т и н

Видел сон

Про то, что всё покрыто чёрной тайной.

Н Н

Вот я пришёл. Опять тут этот хам?
Хотите, вышвырну его мгновенно?

Р а с п у т и н

Молчи, дурак, а то по морде дам, —
Так поползёшь, как сатана в геенну!

Н Н

Не забывайся, ты, мужик... Я князь.
Пред хамом непричёсанным не струшу.

Р а с п у т и н

Мне на тебя плевать. Ты грязь и мразь.
Насквозь тебя, я вижу. Даже глубже.

В ы р у б о в а

Как хорошо! Какой высокий слог!
Как Гриша добр, и не погибнем мы с ним...

Н Н

Что видишь ты, гороховый пророк?

Р а с п у т и н

Я все твои наскрозь читаю мысли.

Н Н

А что я мыслю, можешь мне сказать?

Р а с п у т и н

Могу. Мне этот дар ниспослан свыше.
Ты думаешь, что Вырубова блядь!

П р и д в о р н ы е

Ах!

В ы р у б о в а

Знайте, князь, что я вас ненавижу!

Ц а р и ц а

Сдавайтесь, князь! Прижаты вы к стене...
А впрочем, ни к чему вся эта ругань.
Поговорите лучше о войне,
А не воюйте попусту друг с другом.

Р а с п у т и н

Люблю я папу — нашава царя,
И маму — нашу милую царицу...
Но вот с Германией воюем зря.
Я чувствую, что надобно мириться.

Н Н

Ты предлагаешь сепаратный мир...
Ну а союзники?

Р а с п у т и н

Пуцай воюют сами,
Пуцай проглотит змея крокодил,
Как сказано в одном Святом Писанье.

Н Н

Причём тут крокодил? Причём тут змей?
Не понимаю...

Р а с п у т и н

Нет в тебе таланта.
Змей-то — германцы. Так и разумей.

Н Н

А крокодил, по-твоему, Антанта?

Р а с п у т и н

А кто ж ещё?

Н Н

(подделываясь под Распутина)

Тогда мы поглотить
Обязаны всех змеев-люциферов.

Р а с п у т и н

Вот я и говорю: их надо бить!

В ы р у б о в а

Кого?

Р а с п у т и н

Жидов и левоционеров!

Н Н

Ну а союзники?

Р а с п у т и н

Напрасный труд
Им помогать российскими руками.
Настанет час, они нас предадут...
Ты хочешь нас оставить дураками?

Н Н

Но обещания, которые даны
Самим царём, по-моему, священны.

Р а с п у т и н

Народ устал от тягостей войны
И воевать не хочет совершенно.

Н Н

Ну, заключим мы мир...

Р а с п у т и н

И хорошо!

Н Н

А кто же против немцев будет драться?

Р а с п у т и н

Французы, англичане, а ещё
У нас в запасе есть американцы.

Н Н

Мне с хамом спорить совесть не велит.
Пойду. Оплачу Родину святую.

(Уходит.)

Д ж е й м с

Не беспокойтесь. Будет он убит.
Я оплачу и всё организую.

Р а с п у т и н

Я знаю, решена судьба моя:
Меня убьют, а вас постигнет горе!

В ы р у б о в а

Ты, Гриша, наш единственный маяк
В бушующем большом житейском море,
В котором пропадёт моя душа,
Не знающая счастья и покоя...

Ц а р и ц а

А музыка волшебна хороша...
Сыграй нам, Людвиг, что-нибудь такое.

Л ю д в и г
(играет и поёт)

Небо полночное блещет огнями,
Райские птицы на небе поют...

Р а б о ч и е
(на площади)

Вихри враждебные веют над нами
Нас ещё тёмные силы гнетут...

В ы р у б о в а

Что нам играет этот скорпион?

Р а с п у т и н

Играет песню левоцонеров
Я говорил, что Людвиг — он шпиён!
И Джеймс шпиён. Они со всех сторон;
Гоните вон!

Ц а р и ц а

Вон!

Что за трёпка нервов?

Л ю д в и г

Простите. Виноват. Но я не знал.
Тут просто получилось совпадение.
Ведь эту музыку не я писал!
К чему такое злобное гоненье?
Вручил мне ноты композитор Герц.
Простите. На коленях умоляю.

Р а с п у т и н

Твой Герц такой же, как и ты, подлец.
И Джеймс подлец! Гоните негодя!

Л ю д в и г

Как тяжела вся скорбь моих обид.
Я ухожу. Я плачу. Я тоскую.

Д ж е й м с

Не беспокойтесь. Будет он убит.
Я заплачу и всё организую.
(*Уходит.*)

Ц а р и ц а

Ступайте все. Со мною проведёт
Всю эту ночь мой рыцарь величавый,
Мой лучший друг, гонитель всех забот
И всех моих тревог.

Р а б о ч и е
(*на площади*)

На бой кровавый
Святой и правый
Марш, марш вперёд,
Рабочий народ!

Занавес.

рис. Н.Н. Глазкова

МОИМ ЧИТАТЕЛЯМ

АВСТРАЛИЙСКАЯ ПЛЯСОВАЯ

Пряч. Пруч. Прич. Проч.

Пяч. Печ. Пуч.

Охгоэхоэхаха...

Фиолетовая дрянь.

1939

ПРО ФУТБОЛ

А вот младенца два

Бегут, по лужам мчась.

Всё в мире трын-трава,

А шапка — это мяч.

Им она на кой?

Они её ногой.

Их головы обнажены.

Навыкате безумные глаза.

Бегут те юноши без друга, без жены...

Но всё равно: да здравствует азарт!

1939

* * *

Вещи будут мало стоить,

А по случаю сего

И пластмассу будут строить

Абсолютно из всего.

В ход пойдёт предметов масса,

Всякий хлам ненужный весь,

Потому что есть пластмасса —

Органическая смесь.

На земле исчезнут расы,
Госграницы и вражда,
И построят из пластмассы
В эти годы города.

1939

ВОСПОМИНАНИЕ О ТВОРЧЕСКОМ КРИЗИСЕ

Безнадёжно повис карандаш,
И стихи замолчали.
Снег не стоял ещё. Холода ж
Никогда не рассеют печали.

Эти люди тоже водку пили.
Ударясь в стёкла и стихи,
Но и их бездушно подкупили
И они, покорные, тихи.

Я смотрел на воздух и на звёзды,
Что по небу сумрак пас стада,
Я смотрел и ничего не создал,
Потому что где-то пустота.

1939

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

Онегина любила Таня,
Но он Татьяну не любил,
А друга Ленского убил
И утонул в тоске скитаний.

Потом он снова Таню встретил
И ей признался, но она
Нашла супруга в высшем свете
И будет век ему верна.
1939

ОСНЕГОИД

Через час по чайной ложке
Снег летал,
Рассыпаясь по дорожке,
По следам.

И мелькали мысли мельком.
Вновь и вновь,
Растекаясь по скамейкам,
Как вино.

Замечалась в людях гонка.
Кто кого?
Снег ложился, как на конкурс,
Как в ковёр.

Мысли меркнули и двоются
В голове.
Хорошо на нём валяться,
Как в траве.

1939

* * *

Ночью трава холодна.
Ночью земля тепла.
Луна на небе одна
И блестит, как аэроплан.

Хочется поля в лесу
Так же, как в поле леса.
Такова человеков суть,
Что туда, где их нет, лезут.

Вёл нас лес вниз.
Щупали ноги воду.
Иногда идёшь в коммунизм,
А приходишь в болото.
1939

ГОРЯЧАЯ ЖЕНЩИНА

И день прошёл, такой холодный,
Как будто в мире больше зла.
В тоске томительно бесплодной
Она оделась и ушла.

Она ушла совсем из дома,
Совсем не ведая куда.
А бездна звёздная бездонна
И навевает холода.

Она ушла, на всех похожа,
Но равнодушна к всему.
За ней последовал прохожий,
Совсем не зная почему.

Он говорил, что есть спасенье,
Он продолжал такой же вздор.
Она вошла в чужие сени
И незнакомый коридор.

Во всякой комнате постель есть.
Читай, читатель: это ночь...
Тот миг, когда они разделись,
В своем сознание окиночь.

Но ночь прошла, проснулись люди,
И всё на свете трын-трава.
Потом блестящий столбик ртути
Стоял над цифрой 42.

Облокотясь на спинку стула,
Потом поверила она,
Что у неё температура
Такая быть всегда должна.

И, как ни странно, он поверил,
Что нет на свете горячей,
И вместе с ней ушёл на север,
Оставив город и врачей.

Потом олень повёз их сани
Туда, где будет холодней,
И север в северном сиянье
Венчал величье вечных дней.

Где холодней, там холод лютей,
А им хотелось вместе спать.
Потом горячий столбик ртути
Тянулся к цифре 45.

1939

КВИНТЭССЕНЦИЯ О ВОДЕ

Гроза ползла на столб и сад,
Где колкий туз червон.
Знать, для того, чтоб я писал
Стихи из ничего.

И то обратно, то туда
Летят деревья вкось,
Зеркальным зеркалом пруда
Пронизаны насквозь.

Шуршат зелёные винты
Обратным ходом волн,
А тучи были так тверды
На небосклоне лон.

И силуэты чьих-то рыб
Скользят по облакам
До самой шахматной игры,
Доверенной кругам.

1939

ПОТЕРПЕВШИМ КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

Книги в сонме лет летевших,
Как огни, горят.
О крещение потерпевших
Книги говорят,
Что хотя валы горою
Влились в общий вихрь, —
Но центральные герои
Не тонули в них.

1939

ИЗ ЦИКЛА «АЗИАТСКИЕ СТИХИ»

Корабли пошли на базы,
Небосвод синел.
Жили-были папуасы
И миссионер.

Он рассказывал им сказки
Про духовный быт,
А они, закрывши глазки,
Поглощали спирт.

Но один из них однажды,
Думая про рок,
Заявил ему:
«О, наш ты Даниил-пророк!

Отпусти нас в Апеннины,
Где священный Рим.
Под напевы пианины
Мы его узрим».

И велел слегка печальный
Тем, что он пророк,
Чтобы были оснащены
Тысячи пирог.
1940

ГОЛУБЬ

Митюша брёл забора вдоль,
Смотрел Митюша вдаль,
Митюша парень молодой,
Митюша парень удалой,
Парень хоть куда.

А был Митюшенька женат
На собственной жене.
Он шёл, а голубь реял над
Головой, а вышина —
Пятнадцать сажений.

Митюша прыгать был горазд,
Хотя и ростом мал.
Прищурил глаз,
Подпрыгнул раз
И голубя поймал.

Но мне отмщенье — «Аз воздам»,
И в тот же самый час
Какой-то тип нашёлся там
И за Митюшей по следам
Побрёл, ожесточась.

— Отдай мне голубя назад,
Мне голубя маво, —
Митюша сам вошёл в азарт
И, дерзновенный кинув взгляд,
Не отдал ничего.

Шёл спор. Аж пот сошёл со лба
(Знать, голуби в цене);
Врагов ведёт войны тропа.
За ними шествует толпа
И милиционер.

— Пойдём в милицию со мной, —
Сказал Митюше тип.
Митюша думает: «Умно ль?
Потеря — время, выигрыш — ноль.
Идти или не идти?!»

Пришли в милицию, и там
Митюша закричал:
— Мой это голубь! Не отдам,
Я у тебя его не брал!
Я сам его поймал!

Совсем иначе полагал
Начальник за столом.
Он пострадавшим помогал,
А прочих штрафом облагал
Иль действовал судом.

— Отдайте голубя ему, —
Начальник заявил;
А посему и по всему
Спросил Митюша: — Почему
Отдам я, о зоил?!

Я эту птицу не отдам,
Я сам её словил, —
Митюша нравом был упрям,
Зато он был душою прям,
Начальник был зоил.

Митюша спорил с ним. И вот,
Рассудка лишены,
Они Митюше дали год.
А я узнал всё это от
Митюшиной жены.

1940

ОПТИМИСТИЧЕСКИЙ БРЕД

Что тебе температурный график?
Это только докторская ложь.
Вон, ты видишь надписи на шкафе? —
Прочитаешь, если не умрёшь.

А больше их никто не видит.
Пусть не видит. Ну и что ж?!
Ты их увидел. Но не выйдет!
Не одолеешь! Не прочтёшь.

Рассвет — как снег. На окнах иней,
Что ренуаристо мохнат.
Смотри на шкаф — там столько линий,
На шкаф, похожий на халат.

Зеркальный шкаф, который синий,
А в нём доха и пыль с дохи;
Но ты прочтёшь изгибы линий
Иставишь надписи в стихи!
1940

АНТИФАТАЛИСТ

Злой Рок глуп.
Славься, Вера в себя!
Сквозь Чувств глубь
Мысли почти что спят.

Надо Их разбудить.
Сей смысл здрав.
Знайте! Всякий буддист,
Прежде всего, не прав!
1939-1940

* * *

Когда я думал о себе,
Шумели всякие там буруны.
Они вращали оси бед
В трансмиссиях фортуны.

Но путь великий верный найден,
Пускай читает повесть зло.
Ты всё равно надейся на день,
Найдённым неводом из слова *повезло*.

Тот день, как рыбку золотую,
Проси о чём угодно
И борозди волну седую
Мечты — равнины водной.

Покуда карты не раскрыты,
Играй в свои миры
И у разбитого корыта
Найдёшь конец игры.

Довоенное

* * *

Надо плакать и смеяться
На оркестрах полотна.
Будут образы сменяться,
Как в трамвае у окна.

Это было лет за триста
До тебя, Луи Люмьер,
И великие артисты
Все могли (кто как умел).

Но судьба не помогала
Всефортуною рукой,
И на бедного Макара
Все шишки падали.

А теперь, билет потрогав,
По цене недорогой,
Приходи в кинематограф
И смотри.

1940

* * *

Молодой, а в мечтах своих — классик,
Жил в районе волшебных сказок,
И они ему надоели.
Перейти он решил как автор
В город самой суровой правды,
Шёл туда пешком три недели.

Заявил: «Не вернусь обратно
В царство с вязкой болотной ряской,
Стать хочу самым лучшим поэтом!..»
Но суровая самая правда
Оказалась такой же сказкой,
Только с более скучным сюжетом!

* * *

В переулочки, где те
Выпирали дворники,
Тротуары и детей
Поливали дворники.

А потом струя воды
Шарила по лиственным
Деревам. Росли цветы
В том саду единственном.

Это было в том году,
А когда — не ведаю.
Я любил девчонку ту,
И оставил эту я.

Будь то басня или песня,
Мне сегодня всё равно.
Разливайся, пенься, лейся
Незабвенное вино.
1940

* * *

Возникли образы поэм,
И я могу писать запоем.
Вокруг метро лучи от «М»
Скользят, как планеры за полем.

Разнообразные мосты
Москва-реку венчают славой,
Но изо всех мостов Москвы
Лишь Крымский мост хороший самый.

А прежде самый был плохой,
Но всё лучшеет год от году.
И мы проходим над рекой
В Центральный парк, глядя на воду.

Проходим через главный вход,
Напоминающий фанеру.
Идём, ругаемся. Но вот
Стоит московская Венера.

Она доступна сразу всем,
Она одна в Центральном парке,
Стоит раздетая совсем,
Держа весло от однопарки.

А по реке речной трамвай
Плывёт, куда ему охота.
Его как хочешь называй,
Я называю пароходом.

Он подплывает к нам в упор,
Как подплывёт сегодня к завтра.
Им движет пар или мотор,
Но не узнал точнее автор.

Читатель сам решит вопрос,
Прочтя стихи под небосводом,
А пароход, как паровоз,
Скользит по рельсам синеводным.
1940

* * *

Самокульт. Но меня довели
Долгой травлей до этой религии.
А велик ли Глазков? Да! Велик —
У него ошибки великие.

Ну а я не хочу быть эстетом,
Не люблюсь ошибками этими,
А, напротив, уверен, что где-то
Красный путь под зелёными ветвями.

Он не там, где плохими стихами
Воспевается красное знамя,
И не там, где удачнее пишется,
Но читателей меньше, чем тысяча.

Я за тех, которые, которые
Времени бойцы и отражала
И слынут в любой аудитории
Только председателем земшара.
1940

* * *

Моя страна, что прочие затмила,
Пусть славится за тысячи морей,
Она страна совсем иного мира —
И в этом счастье Родины моей.

Она хорошая. Ей не нужны белила,
Но и стихи не требуются ей.
Пусть даже я поэт Огромной Лиры,
Не в этом счастье Родины моей.
1940

* * *

Солнце, блестя, как пожарная каска,
Скатывается медленно, не как на пожар,
А в Древнем Египте возникла сказка,
Обожествляющая солнечный шар.

Я помню, как детство, твои вечера,
Далёкий Египет, векам дорогой,
Где огненный луч раскалённого Ра
Оканчивался непременно рукой.

1940

* * *

Система всяческих запруд
Слилась с системою преград —
И превратился в затхлый пруд
Литературный водопад.

1941

ПРО КОРОВУ

Сто двадцать три слова
Поведаю смело
Про то, как корова
Крышу съела.

Жила корова
В хлеву.
Дров не колола,
Ела траву.

Зимой в траве зелёной
Никто её не пас,
Меж тем травы с соломой
Закончился запас.

Берёзовую ветку
Корова съела ту
И вышла на разведку,
Чтоб отыскать еду.

Идти пришлось селом ей,
Где ни травинки. Лишь
Желтеющей соломой
Покрыто много крыш,

Был третий день недели,
В иных словах, среда.
Гениальная идея
У коровы возникла тогда.

А шла корова мимо
Старушкиной избы.
Той, к сожаленью, имя
Старушки я забыл.

Старушка у окошка
Читала книжку Фетову.
О том, что крыше крышка,
Старушка и не ведала.

Плохая штука старость,
А Фет слабей, чем Сю.
Корова крышу стала есть
И съела крышу всю.

1942

Пришла пора осенняя,
Покончившая с летом.
Хочу, чтоб вся Вселенная
Была моим портретом.

Я не люблю баталии
И не гожусь в варяги,
Найдутся лишь в Италии
Мне равные вояки.

С неумностью эклектика
Впадаю я в эстетство,
Хотя мне диалектика
Была присуща с детства.

Предугадать, что близится,
Даю себе задание,
И не могу унизиться
До самооправдания.
1942-1943

* * *

Я весь век свой желаю опередить,
Что не всякий умеет делать,
И себя попытаюсь определить,
Но так, чтобы не определить.

Я поэт своего поколения,
Стих мой правдив и вещ.
Откровенность на уровне откровенья —
Очень хорошая вещь.

Я писатель белых ворон,
Не поверивших в истуканов.
Что услышал я в ходе времён?
Звон стаканов.

Я здорово написать могу
Про любовь и вино,
А редактора, мать их за ногу,
Не напечатают всё равно.

Я больше поэт в девять (в энной степени) раз,
Чем король Лир — король,
А представители широких масс
Не понимают, какой я герой.

Я общепризнанный непризнанный гений,
Легендарный Глазков,
Может быть, глупее своих творений,
Написанных мною стихов.
1943

* * *

Два инвалида на базаре
Брались битых полчаса
Они клялись, что обязательно
Друг другу вырвут волоса.

Брались здорово, искусно,
Им все ругательства дались,
А мне, мне стало очень грустно,
Когда они не подрались.
1943

* * *

Милиционер!
В торговый ряд ринься.
Мы ли о цене
Не договоримся?
1943

* * *

Возможно, будет речь моя резка,
Но, полагаю я, не всё едино:
Так, осетрина — это не треска,
Треска — не осетрина!

НА БЕРЕГУ ОКЕАНА

Волны были, как мешки,
Падая на берег,
И валялись камешки
Ничуть не хуже копеек.

Или был тогда я пьян,
Или шёл на пьянку,
Только я и океан
Резались в орлянку.
1944

ОДНОЙ ИЗ ДВУХ УМНЕЙШИХ ПОСВЯЩЕНИЯ

*

В мире самой хорошей,
Как и всем прочим лстя,
Можно сказать разве ложь ей?
Нет. Нельзя.

Что-нибудь в этом роде
Писать не имею прав.
Вы никогда не умрёте,
Жизнью смерть поправ.

Вам посвящаю песни те,
Что будут снова и снова,
А если умрёте — воскреснете,
Даю Вам честное слово.

1943

*

Вы думали про то, что выдумали,
Мысль Ваша не по шаблону сделана.
Позапрятали куда-то
Вы там её. Где она?

Может быть, не очень умный я мужик,
Даже мысль — и то не отгадал;
Но не устану всё равно тужить,
Научусь отгадывать, когда пройдут года.

А впрочем, Вы думали
То, что выдумали.

* * *

С растрёпанными волосами
И с синяками под глазами,
В одежде в самой во дрянной
Я в самом деле водяной.

В одеянья водяные
Сам собою облачён,
На деянья на иные
Я судьбою обречён.

Меня охают и оглупят
Игрушкой сплетни заводной,
И девочки меня не любят
За то, что есть я водяной.

А за что меня любить-то,
Если я люблю людей,
Если кроме лабиринта,
Не сыскал иных путей.

А путь повторный — путь напрасный.
Ищу как будто вот иной;
Я счастлив тем, что я несчастный
И сухопутный водяной.
1943

ДРУГУ

Пусть жизнь трудна,
Пускай бедна,
Счастливей мудреца тупица.
Вода настолько холодна,
Что невозможно утопиться!

Пускай, греша
Из-за гроша,
Ты должен всюду торопиться,
Но жизнь настолько хороша,
Что невозможно утопиться!
1943

* * *

Не ведая брода,
Не зная реки,
Не суйся в болото,
Как все дураки.

Люблю всё на свете
За то, что поэт, —
И солнце, что светит,
И тучи, что нет.

Спасибо, планета,
За холод, за зной.
Победа, победа,
Победа за мной!
1943

* * *

Хорошо пойти пошляться
По дороге жизненной
И всё время опошляться,
Порывая с истиной.

Хорошо, но это плохо,
И не отвечает сутям,
И познали люди Бога,
Ибо Бог открылся людям.

Все хорошие решенья,
Все слова великие —
Лишь основоположенья
Будущей религии.

Кто-то говорил подобно —
Спорили о термине.
Разузнать о всём подробно
Не хватает времени.

1944

* * *

Опять удачный выпал номер,
В рулетке счастья покружив.
Я угорел, но я не помер,
И очень рад, что очень жив.

Я знаю, радоваться рано:
Немногие взяты высоты,
Но жизнь прекрасна, несмотря на
Всевозможные невзгоды.

1944

РУКИ

Руки разные на белом свете,
И у всех различные названия.
У меня рука — как у медведя,
А у Вас — предмет для целованья.

Но своей руки не обменяю
На такую, как у Вас, красивую.
И своей судьбы не променяю
На такую, как у Вас, счастливую!
1944

* * *

Не удавлюсь в руках верёвки,
Не утоплюсь в руке реки,
Нет у меня такой сноровки,
Чтоб тешились мои враги.

Есть чувство у меня шестое,
Которым познаётся Русь.
Верёвка — вервие простое,
И я на ней не удавлюсь.
1944

* * *

Упустил момент,
И застой в делах,
Если нет монет,
Значит — сам дурак.

На столе коньяк где?
Дело плёвое.
Настроение
Сторублёвое.

Надо снова начать.
И все мероприятия
Должны обозначать
Моё мира приятие.

1944

* * *

Ветры буйные, развеите
Миф неверия в успех.
Я люблю людей на свете,
Но не всех.

Как себя, люблю я ближних,
Но не дальних,
И погряз навеки в жизнях,
В смыслах, в тайнах,

В сногшибательных идеях,
Не рифмованных ещё.
Заимей я много денег,
Всё бы было хорошо.

1944

ТО

Надену зимнее пальто
В июньский жаркий день.
И скажут мне: это не то,
А только дребедень.

Поеду в море на авто
Поверхностью воды.
И скажут мне: это не то,
И скажут: ты не ты.

Я знаю, что такое то:
Когда цветы на льду,
В которые поверит кто?
Никто. Но то найду.
1944

* * *

Всё лучшее из всех земных даров,
Какие существуют на земшаре,
Мне обещали: кубометры дров
И девочек хороших обещали,

Что будет настежь дверь растворена
В огромный мир свободного простора,
Мне обещали полные вина
Большие реки и золотые горы.

Я обо всем размыслил по ночам
И оценил все эти разговоры;
Проклятье вам, ничтожным трепачам,
За то, что вы мошенники и воры.

Проклятье вам, шакалы, а не львы,
Самодовольные дегенераты,
За то, что я б всего добился сам,
Когда бы не надеялся на вас я.
1944

* * *

1

В моей башке какой-то рой вопросовый,
Должно быть, непонятный мне и вам,
А где-то там, чугунный или бронзовый,
Первопечатник Фёдоров Иван.

Там люди бегают. Подошвами стучат они,
Так ибо у людей заведено,
И веруют они в книгопечатанье,
Которое ещё не изобретено.

2

Ежели ты праведник, прохожий, —
И тебе поставят памятник — похожий.
Можешь не бояться —
Хватит меди,
Будешь любоваться
После смерти.
1944

* * *

Слово лучше компаса в пути,
Словом можно путь предугадать.
Разве можно так: сказать — приду — и не прийти?
Разве можно так: сказать — отдам — и не отдать?

Слово мир особый и иной,
Равнозначный названному им;
Если слово стало болтовнёй —
Это слово сделалось плохим.

Это слово не нужно стихам,
Это слово — мир, который сгнил,
Лучше бы его я не слышал,
Не читал, не знал, не говорил.
1945

* * *

Один товарищ ехал в гости
И в то же время гвозди вёз.
Дорогой он посеял гвозди,
Как сеют рожь или овёс.

С тех пор, хоть это очень дико,
На месте том растёт гвоздика!

ХА-ХА

Хоть прожил я двадцать шесть лет, но
Не знал того, что кофе вредно,
И, размышляя о Глазкове,
Я жарил зёрнышки для кофе.

Одно из них засунул в ухо,
И в ухе сразу стало глухо,
И стало мне почти что плохо,
Но виновата не эпоха —
Зерно кофейно виновато,
Его из уха вырвать надо,
Ибо оно мне не к лицу...
Итак, пришёл я к мудрецу.
Сказал: «Да здравствует наука
И девочки, стихи, вино;
Но только надобно из уха
Изъять кофейное зерно».

Тогда с поспешностью вокзальной
Мудрец достал крючок вязальный
И в ухо мне, злодеям назло,
Стал лить подсолнечное масло, —
И, наконец, свершилось чудо:
Он вытащил зерно оттуда.
Зерно произрасти не сможет,
А разум добро дело множит.

Друзья! Мой промах жизни взвесьте
И, если будет вам дано
Кофейных зёрен, скажем, двести,
Не суйте в ухо ни одно.

Зерном кофейным не бряцая,
Как серьгами иная блядь,
Пойду буль-буль за мудреца я
И разум стану прославлять.
1945

* * *

Пусть зимою, как собака,
Воеет вьюга иль пурга,
От зимы студёной блага
Я не жду, как от врага.

А знобящий холод лета
Пострашнее зимних вьюг,
Ибо кажется, что предал
Самый верный близкий друг!

РЫНОК

Не хочу спотыкаться, и каяться,
И кому-нибудь потакать.
Хорошо, когда люди толкаются,
Если можно людей толкать.

Это дело толковое, знакомое,
Но без денег тоскливая скверь,
И поэтому — рынок самое
Интересное место в Москве.

И я с года сорок четвёртого
Уважение к рынку питаю,
Только нет постоянного, твёрдого,
Оборотного капитала.

Быть, конечно, могло быть иначе,
Жизнь тогда бы была иная,
Но я не воротила рыночный —
А поэт, и стихи сочиняю.

1945

9 МАЯ

Ракеты чудной красоты
Пронизывали высь,
И в небе были их следы,
Такие же, как мысль.

Мне как поэту изменя,
Из рук бежит перо,
А в небе пишет за меня
Стихи Информбюро.

9 мая 1945

Я ХОЧУ

Я хочу, понимаете-знаете,
Чтобы были мы сами с усами.
Я хочу, чтоб боролись на Западе
С преклонением перед нами!..

Чтобы космополиты Америки
Нью-йоркские хаяли фирмы,
Указуя в безумной истерике
На советские книги и фильмы.

Чтобы женщины американские
У витрин цепенели зловеще,
Пяля глазки на заокеанские
Астраханско-рязанские вещи.

Чтоб стилиаги Парижа и Лондона
Ярославские ткани носили
И про джемперы самые модные
Говорили: «Они из России!»

Чтоб спортсмены норвежские, шведские
Не могли возразить против факта,
Что всех лучше, конечно, советские
И коньки, и байдарки, и яхты!

Я хочу, чтобы люди заморские
О своём превосходстве забыли
И, ловя передачи московские,
Подражали бы людям Сибири!

1956

ГЕРОИ, И ТОЛЬКО ГЕРОИ!

Героев рождает время,
Диктующее походы.
Бывают эпохи безверья,
Когда не нужны донкихоты.
Героев рождает горе
С его положеньем скверным:
Достаточно было героев
В безрадостном сорок первом!..

Увы! Одного героизма
Для веской победы мало —
Потребовались механизмы
Осмысленного металла.
Наука, ломая и строя,
Решает любое сражение.
Но точной наукой герои
Не сняты с вооруженья!..

Героев рождает счастье.
Героев рождает богатство —
Герои способны умчаться
В космическое пространство!
Когда на пути благородном
Великое и удалое,
То к подвигам новым пригодны
Герои, и только герои!

ПАУК И ОРЁЛ

Паук приносит людям благо:
Он истребляет вредных мух.
Люблю тебя, мой друг. Однако
Не говорю, что ты паук!

Стервятник, птиц уничтожая,
Приносит людям много зла.
Но, похвалить тебя желая,
Я почему-то утверждаю,
Что ты походишь на орла!
1955

ОЙ-ОЙ

Мой читатель дорогой!
Я нарушу твой покой,
Ибо стих сложил такой,
Что любой своей строкой
Он рифмуется на «ой».

Хорошо ночной порой,
Взяв приятеля с собой,
Посидеть часок-другой
За бутылкой огневой
С Араратною горой,
С пятикратною звездой!..

Закусили б ветчиной,
Или паюсной икрой,
Или рыбиной большой,
Той, что, будучи живой,
Волгой плавала рекой,
А не Волгой — так Окой,
И вертела головой.
(Ведь нельзя сказать «хвостой»!)

А запили б ледяной
И бурляще-ключевой
Минеральной водой.
Веселись, мой друг, и пой
Хоть про Разина с княжной,
Хоть про ночку с темнотой
И помятою травой!..
Хорошо бродить Москвой
По прямой и по кривой.

Любоваться хоть луной,
Хоть рекламой световой.
Буквы в метр величиной
Кажутся в момент иной,
Ну, когда богат деньгой,
Яркой радугой-дугой.
А когда карман пустой —
Не до радости земной!
1955

ЖАЛОБА

Понимаешь, душа любезный,
Я кавказец, я осетин.
Все кавказцы — народ чудесный,
Все кавказцы, кроме грузин.

Понимаешь, грузины — воры,
Ненавижу их оттого.
Понимаешь, украли гору
У народа у моего.

Про «Казбек» папиросы знаешь,
Коль курящий ты человек?
А у нас есть гора такая ж,
Снеговая гора Казбек.

Нам вершина принадлежала
Сотни лет, миллионы дней,
Мы точили свои кинжалы
Об уступы её камней,

Мы водили туда туристов,
Альпинистов, забывших страх,
Кочевавших в лучистых, чистых,
Серебристых её снегах.

А грузины — хочу, чтоб знал ты
И понятие о них имел, —
Выпускают в Тбилиси карты
Осетинской АССР.

И на картах тех, понимаешь,
Много гор, городов и рек,

Не на месте всего одна лишь
Снеговая гора Казбек.

Потому что эти грузины
С осетинской моей земли
Снеговую Казбек-вершину
К себе в Грузию перенесли.

И за этот поступок свинский,
За разбойный этот захват
Не люблю я народ грузинский,
Хоть народ и не виноват!
1950-е

ХАРАКТЕРИСТИКА

Не жулик, не бандит, не сволочь,
Не негодяй и не злодей,
Ни днём, ни вечером, ни в полночь
Не обижающий людей.

Не мира мрачного осколок,
Не хулиган; не грубиян,
Не безнадёжный алкоголик,
Не морфинист, не наркоман.

Не взяточник и не хапуга,
Не шулер и не аферист,
А также в том его заслуга,
Что оптимист, не пессимист.

Не бюрократ и не чинуша,
Не худший из своих коллег,
Не околачивает груши —
Не непутёвый человек!

* * *

Он был стране отцом любимым
И мудрецом из мудрецов.
Однако счёл необходимым
Детей оставить без отцов.

Он солнцем был. Какая прелесть!
Сиял всё ярче над страной.
А мы в лучах холодных грелись:
Он был не солнцем, а луной.

А мы ему слагали оды.
Что говорить? Я сам слагал.
Из-за любви к отцу народа?
Нет! За презренный тот металл!

И всё-таки велик наш Сталин,
Чудесный подвиг им свершён.
Ему я очень благодарен.
За что? За то, что умер он!

И я могу сказать открыто:
Успешней мы идём вперёд.
Мне больше нравится Никита,
Который мух ноздрей не бьёт.

Начало 1960-х

КИНЖАЛ

Раз один современный поэт,
Седовласый, за тридцать лет,
Был командирован на юг, —
Проживал там Кулиев — друг
Исключительной красоты.

Друга он за стихи уважал
И ему подарил кинжал
Исключительной красоты.
У того же была жена
Из Армении — это страна
Исключительной красоты.

И жена, что была мила,
Кинжал острый отобрала
Исключительной красоты.
Из-за ревности, а не со зла,
Речь жестокую произнесла
Исключительной красоты:

— Моя родина — это Кавказ,
И обычай есть у нас
Исключительной красоты:
Если крадю себе найдёшь
Исключительной красоты
И с ней вздумаешь мне изменить —
Пусть свидетелем будет нож! —
Я прерву твоей жизни нить
Исключительной красоты!

Много женщин прекрасных вокруг,
Много ласковых, добрых подруг
Исключительной красоты.
Друг наш с ними бы возлежал,
Да маячит в глазах кинжал
Исключительной красоты!
1961

* * *

Жил да был один товарищ,
Всё равно, когда и где.
Он, веселью предаваясь,
Оставлял друзей в беде.

И его в несчастье тоже
Позабыли все друзья.
Он воскликнул: «Это что же!
Где же дружба? Так нельзя!»
1961

* * *

Мне нравятся небесные тела
За то, что излучают свет,
И нравятся земные зеркала
За то, что отражают свет,
И нравятся полезные дела
За то, что поглощают свет!
1962

* * *

Лето было очень знойным —
Не по нашей широте,
И казалось, что порой нам
Воздаётся по мечте.

Мы познали, что прохлада
Превосходна при жаре,
Но не знали, что расплата
Ляжет снегом в сентябре!

Нам казалось: юность — радость,
И во всех краях земли
Нам красотки улыбались
И бутылочки цвели.

То ли спирт тому причиной,
То ли флирт тому виной,
Но за зной расплатный иней
Лёг досрочной сединой!

В СПАСО-ЕВФИМИЕВСКОМ МОНАСТЫРЕ

Песня, справедливая на 85 %

За безыдейные проделочки,
За знойный полдень на заре
Очаровательные девочки
Заточены в монастыре.

Какие дерзкие идеечки
Их обуюли с детских лет?..
Очаровательные девочки
Стоят у стенда трёх газет.

Читают «Правду Пионерскую»,
Она им, в общем, по душе,
Но что-то есть у них не детское,
А взросло-женское уже.

За безыдейные проделочки,
За знойный полдень на заре
Очаровательные девочки
Заточены в монастыре.

Над живописной этой местностью
Цветут большие купола,
И юность рядом с этой древностью,
Не увядая, расцвела.

И над могилою Пожарского
Проходит юность тех девчат.
Они так мило и так ласково
В века минувшие глядят.

За безыдейные проделочки,
и т. д...

* * *

Что такое моя биография?
Километры и годы — простор её.
Это будет тогда география,
География и история.

По призванию и по сути я
Летописец и путешественник.
Вспоминаются реки Якутии
И события века, естественно.

У меня, как в судьбе поколения,
Пораженья и сдвиги победные,
И открытия, и откровения,
И богатства Отчизны несметные.

Ну, а ежели насчёт денег — как?
Их нехватка — явление знакомое.
Это будет тогда арифметика,
Не скажу что политэкономия!..

Все стремления и размышления
Устремляю в правдивые строфы я.
Хороши ли мои устремления?..
Это будет тогда философия.
1965

СЕВЕРНАЯ РОМАНТИКА

Романтика! Старушка очерковая,
И ты была когда-то молода,
И ты когда-то открывала новое.
Успешно шла неведомо куда.
Ловила хариуса или ряпушку
И грелась у таёжного костра...
А нынче ты не девушка, а бабушка,
Тебе уйти на пенсию пора!..

Я знаю, ты заснежена, завьюжена,
Затоплена неведомой рекой,
И нынче заработала заслуженно
Неведомые отдых и покой.
Достигла ты и славы, и известности,
И знаю, совесть у тебя чиста,
Но без тебя вольготнее в той местности,
Где спорят суета и красота!..

А почему?.. Не обижайся, милая!
Любой бездельник и прохвост любой
На Севере с невероятной силою
Сегодня спекулируют тобой.
Шагают под твоим зелёным знаменем
И тот, кто не умён, и тот, кто пьян,
И кто не наделён серьёзным знанием,
И кто дремотной ленью обуян.

НОВГОРОДСКАЯ ГРАМОТА

«Аз тебе хоцю...» — писал писалом
На берёсте грамотный мужик.
Был, наверно, откровенным малым
И в любви желанного достиг.

Так непринуждённо, откровенно
И нелицемерно, хорошо
На берёсте до него, наверно,
Милой не писал никто ещё!

Это удивительно похвально,
Что сумел он грамоту постичь
И сказать так просто, гениально,
Чтоб в любви желанного достичь.

«Аз тебе хоцю!...» — здесь взлёт отваги,
Честное влечение души...

Мой коллега-лирик, на бумаге
Попытайся, лучше напиши!
1966

КРОЛИКИ И ЗАЙЦЫ

Однажды кролики и зайцы,
Чтоб выявить свои успехи,
Между собою состязаться
Решили в плавание и беге.

В гимнастике, и волейболе,
И в баскетболе, и футболе,

И боксе, и борьбе, а кроме —
В коньках, в хоккее и слаломе.

Хоть зайцы, должен вам признаться,
Проверенные бегуны,
Для кросса выставили зайцы
Оленей северной страны.

А кролики, в себя не веря, —
Ведь бег не просто так, на время, —
На кросс позвали со степей
Кубанских и донских коней!

Поскольку зайцы слабосильны,
То для классической борьбы
Они медведя пригласили,
Ну а у кроликов был бык.

И были кролики довольны,
Что выиграли матч футбольный,
Включив для этого в игру
Из зоопарка кенгуру!

А зайцы одолели в боксе,
Хоть не были на ринге вовсе:
За них могучая горилла
Орангутана победила!

Короче, кролики и зайцы
Не выходили состязаться.

ЛЕШИЙ

Сон забавный приснился мне:
Покупаю газету во сне,
Разворачиваю «Вечёрку»,
Объявления читаю свежие —
Ощущаю чувство восторга:
Требуются лешие!

Глубоко убежден, что с моею
Удивительной работоспособностью
Лешим быть, несомненно, сумею
И в Москве, и в Московской области!

В дом вхожу. Заполняю анкету.
Настроение самое бодрое.
Возражают: «А справочки нету,
Что три года нигде не работали!
И не видно печати
Той тёти,
Что у видного дяди
В почёте.
А ещё мы должны позаботиться
Об одном человеке милейшем...»

Хоть в стране у нас нет безработицы,
Не сумел я устроиться лешим!

* * *

Сияет лампочка в сто ватт,
А за окном ещё темно,
Но всё равно пора вставать —
Так, вероятно, суждено.

А если не вставать, а спать
Всю эту зиму, как медведь,
То лампе можно не сиять,
Дровам в печурке — не гореть!

Не ждём, пока растает снег,
С медведя не берём пример:
Наш первобытный человек
Медведя выгнал из пещер.

Хоть было то давным-давно,
Но логика утра мудра:
Так, вероятно, суждено,
Что утром нам вставать пора.

ДРЕВНЯЯ МОСКВА

Париж как недруг постоянный
В Москву врывался много раз:
Была столица деревянной,
Но Белокаменной звалась!
Окружена была холмами,
Об этом знал московский князь,
Сама же находилась в яме,
Но Семихолмною звалась!

В недружелюбном окруженье
Четыре века находясь,
Терпела часто поражения —
Победоносною звалась!
Вдыхая дым пожарищ горький,
Москвич сказал: «Врага побьём,

Как на гербе Святой Георгий
Бьёт змея лютого копьём!»

Когда Москва врагов разила
И опрокидывала в грязь,
То не Москва, а вся Россия
Москвой державною звалась!
Был спор с Москвою незавиден,
Враги страшились москвитян,
И удалой Иван Москвитин
Открыл Великий океан!

* * *

Скрывать не собираюсь истину —
Со всей душевной простотой
Хочу поведать очень искренне:
Я многогрешный, не святой.

Бываю иногда несдержанным,
Иной раз дохожу до драк,
Неравнодушен к милым женщинам,
А также выпить не дурак!..

Имею собственное мнение,
Отличное от всех газет,
От многого не в умилении,
Как гражданин и как поэт.

Не отношусь к тому восторженно,
Кто по заслугам оценён...
Но если будет мне предложено
Сменить Россию на Цейлон,

На Аргентину, на Австралию,
На самый райский уголок,
Менять отечества не стану я
На суету чужих дорог!

Отчизна — не забава случая,
Не мода и не злоба дня:
Она — страна на свете лучшая
Для каждого и для меня!

ПОЧЕМУ?

Почему умирают врачи,
Если знают они медицину
И умеют не только лечить —
Объяснить могут смерти причину?
Почему умирают врачи?

Образ жизни ведут силачи
Очень правильный, несомненно.
Это нам подтвердят и врачи.
Почему ж умирают спортсмены,
А не вечно живут силачи?

Медицина и спорт, может быть,
Не нашли ещё верной дороги.
Может, мудрость поможет нам жить?
Почему ж умирают йоги,
Что не знают душевной тревоги?
Почему умирают йоги?

Почему? Я и сам не пойму,
Где тот климат, который безвреден?..
Ни один человек не бессмертен,
И не ведаем мы — почему?
1967

КОТ АГАТ

В старинном Оренбурге
Степенный генерал
В Рыбачьем переулке
С супругой проживал.
И безо всякой фальши,
Усат и полосат,
Был кот у генеральши
По прозвищу Агат.

Мадам его поила
Топлёным молоком,
Она его ценила,
Гордилась тем котом.
По насту из Европы
Кот в Азию ходил,
Изведал там все тропы,
Был многим кошкам мил.
Любви и страсти жаждал
Не из последних сил.
И всё-таки однажды
Изрядно загрустил.
Упаднически странно
Мяукал поутру.
Есть перестал сметану
И чёрную икру.

Выходит генеральша
С болезненным котом
И думает: «Что дальше?
Что будет с ним потом?»
Идёт по переулку
Печальная мадам,
Идёт не на прогулку,
А к зданию цирка. Там
Виднеются афиши,
На них изображён
Такой, как кот, тигрище,
С ним рядом Левтушён.

Мадам неустрашима,
Не до боязни ей:
С котом проходит мимо
Причудливых зверей.
На скатерти махровой
Лениво возлежал
Тигр четырёхметровый,
Зевал, как генерал.

С ним укротитель рядом,
Вниманьем обуян:
— Мадам, я очень рад вам,
Садитесь на диван!
— Товарищ дрессировщик!
Со мной Агат — мой кот —
Страдает и не ропщет,
Не ест он и не пьёт!
— Что ж! — молвит укротитель. —
Кота оставьте здесь,
Дней через шесть зайдите,
Он станет пить и есть!

Как и договорились,
Прошёл желанный срок:
Агат из клетки вылез
И с виду занемог,
Но ощутил свободу
И нравственно окреп.
Пьёт из водопровода,
Съедает чёрный хлеб!

— Товарищ укротитель!
Воспрял мой кот Агат!
Должна вас одарить я,
Не жалко мне затрат!
— Мадам, затрат не надо,
Признателен я вам,
Мне высшая награда —
Аплодисменты дам!

* * *

Она купалась в проруби,
А я был восхищён:
Сам никогда не пробовал
В такой сезон.

И как это ни грустно,
Влюбился я в неё
И тотчас же почувствовал
Ничтожество своё.

И как это ни странно,
По методу моржих

Я в ледяную ванну
Бултых, бултых!

И воздалось как назло
Мне за грехи —
Схватил я вскоре насморк:
Апчхи, апчхи!

Врач молвил: «Поправляйтесь.
Не вы один...»
Глотал я с горя кальцекус
И аспирин.

Поправился, однако,
Ну и опять
Ту ванну я, бедняга,
Стал принимать.

Так в ванну погружаюсь
Я вновь и вновь,
И не ропщу, не жалуюсь,
Терплю: любовь!

* * *

Конечно, шахматы — игра,
Которая мудра,
И было время: мы с утра
Играли до утра.

Конечно, шахматы есть спорт.
Спорт — самый высший сорт,

И каждый был когда-то горд
Числом своих очков.

Конечно, шахматы — наука,
И с первого же ходу
Мы замечаем друг у друга
Научную методу.

Конечно, шахматы — искусство,
И смысл его двоякий:
Всем, всем доступно, а не чуждо,
Владеет им не всякий!

ВСЕЛЕНСКАЯ ТОСКА

Иль в комнате от зноя было душно,
Иль неудачно шли мои дела,
Иль женщина казалась равнодушной,
А может быть, такою и была.
А может быть, я действовал несмело
И не свершил желанного броска,
Однако грусть-тоска меня заела —
Обычная вселенская тоска.

Я утверждал пристрастно чрезвычайно,
Что торжествует несусветный бред,
Что наше настоящее печально,
А в будущем просвета тоже нет.
Что губится прекрасная природа,
А новые безвкусны города,
Что радость с опозданием приходит,
А счастье не приходит никогда.

Я говорил старательно и много,
Коррозии эпохи перебрав,
И опровергнуть сам себя не мог я,
И, вероятно, был частично прав.
А на другой день вышел я на Волгу,
Почувствовал, как мне она близка, —
И ощутил, что держится недолго
Обычная вселенская тоска.

1968

* * *

На Триумфальной арке шесть лошадок,
А на Большом театре лишь четыре —
То в мире установленный порядок,
А не случайность в прибранной квартире:
Шестёрку Марс забрал на оборону —
Ему она нужней, чем Аполлону!

1970-е

ФИЛОСОФЫ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА

Эпикурец жалеет,
Что в юности стойком не был.
Часто болеет
Под самым безоблачным небом.
Хочется выпить ему —
Больше не может уже.
И может быть, потому
Грусть у него на душе.

Стоик жалеет,
Что в юности был он аскетом,
Ждал, что созреет,
И радость держал под запретом.
Он не изведал любви.
Кто полюбит теперь старика?
Юность зови —
Отзовётся уныло тоска.

Скептик жалеет,
Что в том и в другом сомневался —
И на заре лет
Не ведал ни драмы, ни фарса,
Не испытал ни волнения страсти,
Ни тихого счастья,
Не был ни рьяным, ни резвым,
Ни пьяным, ни трезвым!

Сетуют старцы:
С иллюзией трудно расстаться —
Слыли всю жизнь мудрецами,
А оказались глупцами!

ПАН КОПЕРНИК

Один воскликнул:
«Я за большинство!
За здоровые народные сужденья,
За наши общепризнанные мненья.
За постоянное их торжество!»

Другой сказал:
«А я за меньшинство!
За самобытность и за необычность,
За мыслящую творческую личность,
Познавшую и дух, и вещество!»

Спор схоластичный не по существу,
И численно решать его бессмысленно:
Тогда хвала и слава большинству,
Когда оно не отвергает истину!

Любой живущий на земле народ
Был убеждён, встречаючи восход,
Что солнышко вокруг земли вращается,
А мнение народа уважается!..

Но истина достойна торжества —
И, наблюдая восходы звёзд вечерних,
Ошибочного мнения большинства
Не разделял прекрасный пан Коперник!

РОМАНТИЧЕСКАЯ БАЛЛАДА

По зелёной, красной, синей
Яркой сказочной стране
Одарённый и красивый
Рыцарь ехал на коне.
Разудалый и отважный,
Он скитался по земле
И со страшной Серой башней
Видит замок на скале.

Видит он на замке чётко
Монастырские кресты,
В серой башне за решёткой
Девушку своей мечты.
Мыслит юноша бесстрашный,
Умница не по годам:
Если в бой вступлю со стражей,
То под стражей буду сам!
Лучше будет и разумней
Проявить иную прыть,
Влезть на башню ночью лунной
И решётку распилить!

Храбрый рыцарь влез на башню,
Распилил решётку всю
И освободил бесстрашно
Ночью девицу-красу.
Прочь от камеры унылой
Ускакал, пока темно...

Милая сказала: «Милый,
Нас изловят всё равно!
Чтит царица в Белом доме
Сильный пол и слабый пол.
Всех щадит на свете, кроме
Претенденток на престол.
А меня б вполне устроил
Государственный наш строй,
Только я царице трое-
родной прихожусь сестрой».

В родовом своём поместье
Храбрый юноша живёт,

Со своей любимой вместе
Он не ведает забот.
Говорит она: «Счастливой
Быть с тобой мне суждено,
Но закон несправедливый
Нас настигнет всё равно».

А по сказочному царству
В чистом поле и в лесу
Рыщут люди государства,
Ищут девицу-красу.
Тот, кто ищет, тот находит,
Если сведущ он в делах...
Помышляет о свободе
Храбрый рыцарь в кандалах.
И в тюремной колеснице
Провинившихся везут
В Белый дом к императрице
На её законный суд.

Говорит императрица:
«В замке шляпа — комендант!
Комендантом будет рыцарь,
Проявивший свой талант!
В Сером замке, в Страшной башне
Пусть с возлюбленной живёт
И любимую отважно
Бережёт и стережёт!»

Крепче, нежели из булата,
Цепь любви!.. Вот так, друзья.
Тут кончается баллада,
Потому что сказка вся!

ЛУНАТИК

Поэма

1

Олунило колыбель,
Чуждый шорох плавал в лете,
Цветом перьев голубей
Сумрак как-то фиолетил.

Цвет луны был очень жёлт,
Вызывающий апатию,
Лунный свет малютке шёл,
Как кокетке платье.

2

Детство. Чтение по складам.
Безразличье. Школа. Скука.
Мир, рассыпанный годам
Битиём тряпья и кукол.

Взгляд вокруг себя, а там,
В широту большого круга,
Степь, послушная ордам,
Корабли, походы Кука, —

Мир огромный и второй,
Самоцветный через призму,
Оснащаемый порой
Самим детским романтизмом.

Восемнадцать энных лет —
Путь, который чуть наметил,
Замечательнейший бред
Вместе с совершеннолетьем.

Ночи. Очень много звёзд,
Не угнать их.
Люди. К людям взорван мост,
Он — лунатик.

3

Пусть под знаменем луны,
Как ловцы иной стихии,
Будут объединены,
Вы узнаете какие.

Этим людям нужен мир
Тот, который не имели.
Потому что мир не мил
Открываемых Америк.
1939

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ГОДЫ

Поэма

1

Был легковерен и юн я,
Сбило меня с путей
22 июня,
Очень недобрый день.

Жизнь захлебнулась в событиях,
Общих для всей страны,
И никогда не забыть их,
Первых минут войны.

2

На фронте дела обстояли хреново,
И стало поэтам не до стихов...
Поэзия, сильные руки хромого,
Я вечный твой раб — сумасшедший Глазков.

Стихами не очень поможешь пехоте,
Как ими за Родину не воюй.
Москва отступает. Я на пароходе
По шлюзам, Оке и на Волгу, в июль.

3

Никто не мог сказать заранее,
Что потечёт назло векам

История страны Германии
От штюрмеров к штурмовикам.

Остервенелые убийцы
Несут пожарища и виселицы;
Но люди будут веселиться, —
И в этом высшая бессмыслица!

Мне про войну красноречиво
Сказал Кульчицкий, друг-поэт:
«Пить будем мюнхенское пиво;
Война продлится десять лет!»

Хотя ругаться и не надо,
Но всё прощается в бою.
Кидая в танк свою гранату,
Боец сказал: «Растанк твою!»

На суше, в воздухе и на море,
Где корабли идут ко дну,
Ведёт великая страна моя
Отечественную войну.

Моей России дан недаром
Громить врага священный дар,
И сокрушительным ударом
Она ответит на удар!

Гитлер убьёт самого себя,
Явятся дни ины,
Будет 9 сентября
Последней датой войны!

Господи! Вступи за Советы,
Огради страну от «высших рас»,
Потому что все твои заветы
Нарушает Гитлер чаще нас.

Оглуши фашистов нашей глушью,
А мелькнула чтобы новизна,
Порази врага таким оружием,
Враг которого ещё не знал!

Дай, Господь, такую нам победу,
Не давал какую никому!
Заступись за своего поэта,
Ниспошли веселие ему!

Когда грузил баржу, немало
Тяжелых брёвен перенёс,
Сама вода напоминала
Стволы развёрнутых берёз.

И мир во всём многообразии
Вставал, ликуя и звеня,
Над Волгой Чкалова, и Разина,
И Хлебникова, и меня!

Народ моего поколения
Охвачен великой войной,
И море ему по колено,
Болото ему с головой.

Невзгоды над ним понависли,
И не улыбалась заря,
А лучшие чувства и мысли
Сегодня теряются зря.

<...>

Опять простирается к хатам
Закат непомерной длины.
Встает луна над закатом,
Как будто закат от луны.

<...>

А ты иди среди пожарищ
В неотвоёванную даль.
Мой современник и товарищ,
Иди и Запад побеждай!

И в воду, и в огонь иди,
Чтоб не кончался путь,
Чтобы в спасённом городе
Сказать чего-нибудь.

Он был в огне и в холоде,
Но в результате битв
В освобождённом городе
Товарищ говорит:

«Мы будем в Полтаве и в Крыму,
Под Киевом будем биться.
Чуден Днепр, когда по нему
Плывут убитые фрицы!

И жить будем, и гулять будем
На земле, что временно немцу отдана,
А смерть придёт...
Да не придёт она!»

8

Тем, кто пройдёт леса и горы,
Конечно, будет веселей,
А я неполной средней школы
Стал педагогом во селе.

Самому себе ни к чему отвечать,
Отвечаю, ответить чтобы.
Никого не хочу ничему поучать,
Никакой не хочу учёбы.

И в селе не хочу ничего изменять.
Всё равно ничего не получится,
Ибо умный научится без меня,
А дурак ничему не научится.
1941-1942

ПО ГЛАЗКОВСКИМ МЕСТАМ

Поэма 1946 года

Наш прошлый и не пошлый опыт
Воспоминаньями богат, —
И потому потомки могут
Отметить улицу Арбат.

Арбат горбат. Ещё не скоро,
Припоминая нашу старь,
Проспектом назовут Глазкова,
Быть может, эту магистраль.

По улице дул ветер резкий,
Ероша волосы висков,
И от Арбатской до Смоленской
По ней бродил поэт Глазков.

Был этот ветер очень мерзкий,
В пустынных трубах завывал,
И от Арбатской до Смоленской
Бродил Глазков, не унывал.

А бездна звёздная бездонна,
И мир покрыт всемирной тьмой,
И уходил Глазков из дома,
И приходил Глазков домой.

Был дом Глазкова трёхэтажный,
Недолговечный для веков.
Какой был дом, совсем неважно,
А важно, что там жил Глазков.

Глазков шатался по Глазковским
Очаровательным местам,
И кто бывал в Спасопесковском,
Его, наверно, видел там.

Там небывалое бывало
Назло бывалой суете,
А по Никитскому бульвару
Был дом, скончался Гюголь где.

Там Яхонтов во время оно
Читал стихи подряд раз сто,
И было внетрадиционно
Его большое ремесло.

Он был подвижник. Смерть нелепо
Взяла, с собою унеся;
Но всё равно: бросаться в небо —
Так нельзя.

Тряхнуть приятно стариною,
Увидеть мир в табачном дыме
И вспомнить мир перед войною,
Когда мы были молодыми,

Тянулись к девочкам красивым
И в них влюблялись просто так,
А прочий мир торчал, как символ,
Хорошенький, как Пастернак.

А рядом мир литинститутский,
Где люди прыгали из окон
И где котировались Слуцкий,
Кульчицкий, Кауфман и Коган.

Где каждый раз собиралось вече,
Был пьян Луконин, как гусар,
Одних уж нет, а те далече,
Как Саади некогда сказал.

Но ежели всмотреться в корень,
То это верно не совсем:
Живёт и здравствует Луконин
В том домике, который семь.

Огромные поэмы пишет
И издавать их не спешит,
А впрочем, счастья не ищет,
И не от счастья бежит.

А Кауфман, весёлый малый
И не кричащий караул,
Со своей женою Лялей
Живёт Мархлевского на ул.

И Кауфман по убежденью
Примерно был такой, как мы,
Но он с Глазковым расхожденье
Имел по поводу зимы.

Зима паршивейший сезон,
И, если говорить серьёзно,
Хоть и вдыхаю я озон,
Но не переставая мёрзну.

Хоть пыли нет и комаров,
Дыханье холода сквозное
Гораздо хуже вечеров
Очаровательного зноя.

А возле стен и возле башен,
Возле Каменного моста,
В переулке во Лебяжьем
Жил Саша Межиров, мастак.

Прохожие там очень редки,
Стоят дома зубчатые.
Ещё квартира там и предки
Серёжи Наровчатова.

Глазков беседовал с Серёжей
Как с собутыльником стиха.
Серёжа был такой хороший.
И говорил «ха-ха».

Так я в году сорок шестом
Отметил не одну обитель,
Слагая о себе самом
Справочник-путеводитель.
1946

Рис. Н. Н. Глазкова.

за добротой побрёл в леса

* * *

Любуюсь солнечной весной,
В окно уставясь, как разиня.
Вновь развернулась предо мной
Великолепная Россия.

Но, чтобы мудро всё понять
И в эту радость окунуться,
Уехать надо и опять
К родному берегу вернуться!
1947

* * *

Только сильный и отважный,
Кто разумен и не хил,
Настоящий, не бумажный
Разглядеть сумеет мир,
Мир осмысленный и добрый,
Мир деревьев и полей,
Мир подробный и подобный
Самобытностью своей —
Утренним лучам
Восходящего солнца.
1947–1948

* * *

А вы все, а вы все,
Все катайтесь по шоссе,
А я сам, а я сам,
Сам шатаюсь по лесам!..

* * *

В Дар-эс-Саламе сизы дали,
Синеют воды,
И грузятся тюки сизаля
На пароходы.

Оранжевые орхидеи
Растут там сами —
И не нужны оранжереи
В Дар-эс-Саламе.

Эбеновые статуэтки
Там без изъяна,
А стужи чрезвычайно редки,
Как дни Касьяна!

* * *

Пароход, всё равно какой,
Шёл широкой, глубокой Волгой-рекой,
Жёлтой, зелёной, синей...
А на палубе люди,
А я в каюте,
И не один, а с любимой!

Скоро Углич.
Есть город такой небольшой,
Но старинный...
А мне хорошо. Почему хорошо?
Я не один, а с любимой!

Вот и Углич.
Сермяжный, исконный:
Много церквей, живописен на вид...
Но почему-то молчат колокольни,
Только радио говорит.

Заглушает всё это радио:
И весну, и голубизну...
И заставить нельзя не орать его,
И нельзя водворить тишину.

Возможно, что я не прав
И диапазон мой узок,
Но шелест деревьев и трав
Отраднее всяких музык.

И мы ушли в лес.
Лес, какой ни на есть,
Для слуха и глаза
Очень хорош,
И сразу
От него не уйдёшь!

Было слышно, как лопались почки.
Удивительно странно!..
Я подумал, что эти листочки
Лучше всех картин Левитана!

А может, я так не подумал,
А только придумал после;
Но если даже придумал,
То для собственной пользы!

Милая! Если так сложно
В быт водворить весну,
Счастье, оно возможно
За городом, в лесу!
1954

МОРСКАЯ ВОЛНА

Оттенков у моря
Почти миллион,
Но синее море —
Не хамелеон!

Не надо бояться
Девятого вала,
А надо купаться,
Коль лето настало!

Волна подымает,
Волна опускает,
Она понимает,
Она приласкает.

Она помогает
Уйти от обид,
Она не ругает,
Хотя и шумит!
1955

* * *

Мне бы спать и спать — но просыпаюсь:
Череда забот сильней зевот.
Зимнего рассвета белый парус
По утрам в поход меня зовёт.

Мне вставать не хочется с постели,
Мне бы спать и спать — но даль светла:
Ждут меня удачи и потери,
Ждут меня великие дела!
1958

КАХОВСКОЕ ВОДОХРАНИЛИЩЕ

Там, где днепровских вод подъём,
Раскинулось болото,
И чернозём лежит под ём,
Упрятанный под воды.

О чернозёме, что погиб,
Помолятся старушки,
А в водоёме нету рыб,
Но квакают лягушки.
Поезд Москва-Симферополь

ГРИБЫ

А. П. Кузину

Электричка. Вагон
С окнами синими.
Я в вагоне. Кругом
Люди с корзинами.
Промелькнуло шесть зон.
Люди расходятся.
Здесь и нам слезть резон:
Здесь грибы водятся.

Окружает нас лес
Тёмными сводами.
А грибы? Где-то здесь
Прячутся. Вот они!
Тех и этих набрав,
Белого жажду я.
Здесь, в лесу есть свой нрав
У гриба каждого.

Белый гриб норовит
Скрыть своё качество.
Он обманчив на вид
И лишён ячества.
Не привык боровик
Силой куражиться,
К корню древа приник,
Листиком кажется.

Подосиновик, тот
Сам себя выставил:
С красной шапкой растёт,
Видится издали.

Но пока полутон
Различал ловко я,
Не замечен был он
С красной головкою.

Вот опёнки стоят
На пеньке дружные.
Не считают опять,
Лишь срезать нужно их.
Дал плоды пень гнилой,
Восхищён ими я!
У смекалки грибной
Поучись, химия!

Вот волнушек волна
Разлилась розово,
И столкнулась она
С рыжиком бронзовым.
Этот гриб знаменит
На Руси издавна,
О себе не звенит,
Но хорош истинно.

Превосходны леса,
И не зря пройдены,
В них размах и краса,
В них и мощь Родины!
1961

* * *

Посещает зимний холод
Как деревню, так и город,
Ай-ай!..
Не общаясь с человеком,
Вся природа спит под снегом,
Бай-бай.

Но слабеет холод сильный,
Снеголёд студёный зимний,
Тай!
Я испытываю радость
И с природою братаюсь
В мой май!

Ярким солнцем озарённый,
Пробуждается зелёный
Лес — гай!
Ты, товарищ, где бы ни был,
Что есть радости под небом,
В зной — знай!

Всей природой лучезарной
Был навеян легендарный
Тот рай.
Славя солнечное лето,
Я беру билет и еду
В тот край!

* * *

Светлее облака и снега
Сияет церковь на Нерли,
Краса двенадцатого века
И Володимирской земли.

Неповторимая такая
Стоит, из тьмы веков восстав,
Стоит и славится, вдыхая
Весь аромат медовых трав.

С лугов просторных обозрима,
Вблизи прекрасна и вдали,
Она стоит неотделимо
От Володимирской земли.

Стоит спокойно, величаво
И отражается в воде,
Краса Владимира и слава,
И нет такой другой нигде!
1960

УТРО В СЕРГЕЛЯХЕ

Когда ни свет и ни заря
Проснулся я, поэт,
Всё разглядел без фонаря:
Была заря и свет.
И тишина. Такой нигде
Не слышал прежде, ибо
Мне было слышно, как в воде
Беседовали рыбы.
1962

ДАНИЭЛЬ*

Жил в Беловежской Пуще даниэль,
Ему хватало добрых тех земель,
Которые зовутся регионом.
Зверь этот никого не обижал,
Оленей и косулей уважал,
Бродил и возлежал в раю зелёном.

Безжалостный и алчный браконьер
Держал за пазухою револьвер
И против ветра продвигался к цели.
Он нехорошим человеком был
И без зазрения совести убил
Последнего на свете даниэля.

Еще один последний в мире зверь
Вошёл в число бессмысленных потерь,
Грустят о нём берёзы, сосны, ели.
Паслись когда-то тучные стада,
От стад тех не осталось ни следа.
Ни одного не стало даниэля.

МАМОНТ

Не малограмотны, а памятны
Дописьменные времена.
Не слон произошёл от мамонта,
А мамонт — мамонт от слона.
Как монумент, природой вылитый,
Сумел он трудности учесть:

* Исчезнувшее животное, нечто среднее между оленем и косулей.

В дни ледникового периода
Имел внушительную шерсть.
Был мамонт зверем самым праведным
И молодцом из удалцов,
А как охотились за мамонтом,
Поведал Виктор Васнецов.
В тот самый век, который каменный,
В палеолит иль неолит,
Людьми неведомой окраины
Последний мамонт был убит.

КОЧЕВЬЯ

Бесконечные дали
Каждым летом зовут.
Голос предков едва ли
Проявляется тут.
Просто травы, деревья,
Белый свет зелена,
На просторы кочевья
Соблазняют меня.

В добрый вечер со светлой
Я прощаюсь Москвой,
Чтоб сменить быт оседлый
На быт кочевой,
Чтоб бродить по дорогам,
По лесам, по горам,
Словно в древнем далёком —
Нынче здесь, завтра там.

А живу я в двадцатом.
На помине легки

Кибернетика, атом,
Полупроводники.
Велики достижения,
Всякий транспорт знаком, —
Всё же способ движенья
Мой любимый — пешком!

По тропинкам брожу я
В незнакомом краю
И отчизну большую
Постигая свою,
Восхищаюсь, волнуясь
И шагаю вперёд —
И прошедшая юность
Мне навстречу идёт.

ПРО БУРУНДУКА

Бурундук, хоть и зверёк, а с разумом.
Хлопотливо, много дней подряд
Он орехи запасает на зиму, —
У него в норе орехов склад.

А в конце орехового месяца,
Если захватить его запас,
Бурундук на веточке повесится,
Рассердясь и шибко огорчась.

Сунет своё горло в разветвление,
Задохнётся, будет так висеть...
Понимает: лучше смерть мгновенная,
Чем зимой мучительная смерть!
1964

* * *

Ребёнок иногда умнее взрослых:
Он захотел, чтоб, позабыв дела,
Мы с ним отправились на свежий воздух.
Ему природа мудрая нужна.

ЦВЕТУЩИЕ ДЕРЕВЬЯ

Вот она, Адамья, Евья
Радость радужных примет.
Красоту свою деревья
Понимают или нет?
Мне клялись весёлым маем
Вишни, яблони в цвету:
Понимаем, понимаем,
Понимаем красоту!

1970-е

ДОБРОТА

За добротой побрёл в леса,
Туда, где благодущны воды,
Радужны лиственные своды,
Разумны птичьи голоса.

Хранила доброта свой след
На всех деревьях, листьях, травах,
На ручейковых переправах
И на легендах давних лет.

Не для тщеславной чепухи,
Не ради позы или жеста
Она должна войти в стихи
И сообщать им совершенство!
1974

СЕВЕР ЗОВЁТ

Мой стих пусть будет справедлив.
Не хуже эвкалипты ив.
И кипарисы, и самшиты,
И тисы здесь не лыком шиты!

Достойны горы похвалы,
Они повыше, чем холмы!..
Морские воды широки —
Не хуже северной реки!..

И климат гагринский хорош,
И горный воздух свеж, а всё ж
Среди щедрот, среди красот
Чего-то мне недостаёт —
И Север вновь меня зовёт.
Кто там бывал, меня поймёт!

ОЗИМЫЕ

В эту зиму снега было мало,
Но, морозы лютые кланя,
Под не очень тёплым одеялом
Перезимовали зелены.

Перезимовали, не помёрзли,
Значит, не напрасно проросли,
А могли погибнуть здесь без пользы —
Много бед они перенесли.

Жгла их стужа, думала: им крышка,
Гнул их ветер, думал: им труба!
Не поблекли стебельки-малышки,
Вырастут добротные хлеба!

* * *

Когда желанная весна
Опять звенит в лесу и в поле,
Лазоревая новизна
Её растений снова в холе.

Сосна, освобождаясь от сна,
Теперь не унывает боле,
А расцветает в новой роли,
Роскошна радость и ясна.

Шикарна вешняя природа,
И можно в это время года
Нам выбрать лучшие пути:

Отправиться на всякий случай
В великолепный лес дремучий,
У трёх берёз сморчки найти!
1975

* * *

Настанет год — России добрый год,
Когда спадёт подъём болотных вод,
Когда на Волге-матушке моей
Не будет неестественных морей,
Когда, как в предыдущие века,
Луга подымут звонкие стога,
Когда народ, внимательный к стиху,
Стерляжью дегустирует уху.

Экскурсоводы у руин плотин
Вспомнят сумрачность былых годин
И поведут спасительную речь:
«Природу надо сохранять, беречь!»
1978

* * *

Растут всего быстрее сорняки,
Они толпятся возле каждой дачи.
Свиристствуют, рассудку вопреки,
Иллюзии, как телепередачи.
Нам часто досаждают дураки,
О пустяках бессмысленно судача.
Чтоб не потратить жизнь на пустяки,
Которые вредны, как неудачи,
Есть мудрость. От неё не убеги!
1970-е

* * *

Деревья обретают мощь:
Июнь — добротный месяц года,
Мы ощущаем в царстве рощ
Его приятную погоду.

Когда звенит в зените зной,
Отлично выглядит прохлада:
Вольготно в чаще теневой,
А речка свежестью богата.

Ленивым стал рыбак иной:
Ёрш не клюёт, ну и не надо!..
Волна играет с тишиной,
У добрых вод цветёт отрада!

* * *

Радость начинается весной,
Оттого что аромат лесной
Снова будоражит благосклонно.
И сияют вешние цветы,
Не страшась житейском суеты,
Относясь к весенним дням влюблённо.
Чащи леса манят в этот миг,
К ним, зелёным, я давно привык —
Ехать снова хочется на лоно.
Как друзья, зовут деревьев кроны.

Далеко уходят поезда.
Выехать неплохо, а куда?
А туда, где радость не обманет.

Тает самый мракобесный лёд,
И красна весна вершит полёт,
Ласково беседуя со мною.
Ей подвластны лучшие мечты,
Тьма теряет силу темноты,
Юность вспоминается весною!
1974

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВЕСНА!

Идёт-бредёт зима
От Кольского до Крыма.
Написаны тома
Про русскую про зиму.
За снеговой наряд
Поэты к ней не строги
И стужу не бранят,
От холода в восторге.

Ветриста, холодна
И неприятна вроде...
Но русская она,
За это и в почёте!..
Снежинок бахрома
Нам кажется красивой...
А может быть, зима
Не связана с Россией?

Вопрос такой весьма,
Весьма не верхоглядский.
Чем русская зима
Отлична от канадской?

А льда иль снега кус
Возьмите, отличите
На вид или на вкус
От тех, что в Антарктиде!..

Да здравствует весна
В расцвете буйной силы,
И вовсе не нужна
Зима моей России!..

ШТРАФ

Когда балбес приходит в лес,
Он оставляет там
Ожог, царапину, порез,
Недогоревший хлам.

А у природы нашей нет
Самозащиты от
Клочков газет, и сигарет,
И банок из-под шпрот.

Хочу сказать в защиту трав:
Коль их не сберегли,
Своим здоровьем платим штраф
Мы, жители земли.

Шагаем вдоль помойных ям,
Идя в родимый лес.
А разве это нужно нам?
И разве здесь прогресс?

РОСИНКИ

Летним утром рано
В пелене тумана
Лес, и дуг, и сад.
На любой травинке
Капельки-росинки
Яркие висят.

В землю не стекают,
А блестят, сверкают
Капельки росы.
Водяные бусы!
Ими полюбуйся
В ранние часы.

Их жара коснётся —
Высохнут от солнца,
Обратятся в пар.
В полдень их не видно,
И тебе обидно,
Если их проспал!

РЯБИНА

Деревья яблони весной
Прекрасны лепестковым цветом.
За спелой ягодой лесной
Пойти приятно знойным летом.

И превосходные плоды
Дарит нам золотая осень.
Зимой пусты леса, сады —
Всё выглядит уныло очень.

Природа зимняя бедна
Из-за свирепой холодины,
И, плодоносная, одна
Прекрасна красная рябина.

Она одна хранит уют,
Присущий солнечным утехам, —
И снегири её клюют,
Покрытую пушистым снегом.

Она алеет вдалеке,
Напоминая нам о лете, —
И заблудившихся в тайге
Спасает от голодной смерти!

* * *

Одни растенья любят солнце,
Другие — тень,
Но ни одно не любит тьмы.
Вот так и мы!
1974

* * *

Существа иных цивилизаций,
Вероятно, изучают нас,
Но не требуют земных оваций
Покорители межзвёздных трасс.

Не хотят пришельцы равноправия
С жителями Солнечной Земли.
Понимают, что мы парни brave,
Но до них ещё не доросли!

ТРЕТЬЕ ОКТЯБРЯ

Сонет-акrostих

Съездить можно по грибы,
Если чувствуешь природу.
Роща. Мощные дубы.
Ёжик чует непогоду.
Желтоваты в речке воды,
Ежели не голубы.

Нет грибов для похвальбы,
А зовут, зовут походы.
Роща всё ещё жива,
Осыпается листва —
Величайшая краса.
Что-то грустно стало вдруг,
А разбросаны вокруг
Таинства и чудеса.
Осень всё-таки права:
В день большого торжества
Улыбаются леса!

Конец сентября 1979

ПРЕКРАСЕН ЛЕС

Поэма

В природе всё подчинено друг другу
От южных ливней до полярных льдов,
И леса поголовную порубку
Не оправдают кубометры дров.

В Поволжье часто веют суховеи,
От суховеев гибнут колоски,
А где-то там, южнее и правее,
Бесчинствуют сыпучие пески.

*

Исчезают миражи, как дым,
В беспредельности синей,
И степная трава кандым
Сотни лет воюет с пустыней.

Образуя колючий клубок,
Прорастает она в песок,
Ибо корень её глубок,
А не стебель её высок.

Чтоб трава не очень росла
И не распускала корня,
Нагоняет ветер со зла
Барханы — песчаные волны.

Но упряма кандым-трава,
Не боится ни ветра, ни зноя,

Образует она острова
На просторах песчаного моря.

Жёсткий стебель её, как дрова,
Создан прочным и неутомимым,
И растёт другая трава
На путях, проторённых кандымом.

Зеленеет трава, и тогда
Этот край заселяют народы,
Пригоняют свои стада
Половецко-кипчакские орды.

И стада эти топчут траву,
Не задумываясь о кандыме,
И на этих местах потому
Реставрируются пустыни.

И срывается ветер с цепи,
Угрожая полям и дехканам,
И летит по песчаной степи,
Огненным опалая дыханьем.

Засыпает песок тополя
Где-нибудь под Кзыл-Ордою,
А в Саратове сохнут поля,
Пропадает зерно золотое.

И тогда в недородный год
Приуныли дома и хаты.
И сложил поговорку народ:
«Это персы трясут халаты».

*

Но тогда сегодняшний день говорит
Позавчерашнему дню:
— Оттого что степная трава горит, —
Я за это тебя виню.

Это от твоего соседства
Вместо дерева только пень.
Что оставил ты мне в наследство,
Позавчерашний день?

Были степи покрыты травой,
Так что всадник тонул с головой;
Но столетья прошли, и теперь
Нет таких благодатных степей.

Нет таких многогодичных дубрав,
Нет таких многорыбных рек.
Почему? Потому что неправ
Жадный к прибыли человек.

Где прошёл огонь и топор,
Там деревья уходят прочь
И на этих местах с тех пор
Повелось истощенье почв.

И овраги весьма велики
На почти обезлесенном юге,
Урожаям овраги — враги,
С точки зренья агронауки.

На оврагах пшеницу и рожь
Не посеешь и не пожнёшь;

Но захватывают овраги
Много нужной растениям влаги.

Где проходит оврагов гряда,
Там в дождливую непогоду
Даже дождевая вода
От земли отнимает воду.

Размывает овраги, бурная,
Образуя водоворот,
И снижется общий уровень
Грунтовых, самых ценных вод.

И тогда наступает засуха,
И тогда говорят старики:
«Отчего это нынче земля суха?
Видно, тяжки наши грехи».

Это от твоего соседства
Вместо дерева только пень.
Что оставил ты мне в наследство,
Позавчерашний день?

— Я не трогал твой урожай, —
День судачит позавчерашний, —
А деревья уничтожая,
Я тем самым расширил пашни.

— Урожай увеличить не прочь вы, —
Отвечает сегодняшний день, —
Но зато истощаете почвы
И уничтожаете тень.

Лес повырубленный дороже,
Чем порубщиков барыши.
Почему на реке на Тёше
Очень редко шуршат камыши?

Почему эта Тёша весною
Берега Арзамасские ест —
Потому что покончил с сосною
Обитатель всех здешних мест.

Потому что, считая прибыль,
Уничтожил деревья купец,
Это значит, что рекам с рыбой,
Да и урожаям — конец.

— Почему конец урожаям, —
День судачит позавчерашний, —
Мы деревья уничтожаем,
Но зато расширяем пашни.

— Что мне пашни? Леса подай мои, —
Говорит сегодняшней день, —
Мне не надо Месопотамии,
Где могилы взамен деревень.

Там когда-то во время оно
Истощило землю зерно,
И могущество Вавилона
Под песками погребено.

Потому что тех стран народы
До тебя за пять тысяч лет
Взяли всё что могли от природы,
Но не всё, и себе во вред.

Очевидно, они не знали
Всех последствий своих нажив;
Но на опыте доказали,
Что без леса их край не жив.

Изучая их неудачи,
Отвергая твой чистоган,
Я хочу поступать иначе,
Чем владельцы вчерашних стран.

А они миллионы имеют,
Миллионы — для них идеал,
Любят только доллары и мерят
Всё, что есть на земле, на доллар.

Расхищает природу деляга,
Непрерывно доллары делая,
А доллар его — только бумага,
Изготовленная из дерева.

И пускай, может быть, через сто лет,
Может быть, через десять лет
Люди будут не знать, сколько стоит
Хлеб.

Сколько стоит лесная тень?
Сколько стоит речная глубь?
Говорю как сегодняшний день:
Их нельзя обменять на рубль!

Столько стоит зелёная хвоя,
Сколько стоит дыхание сосны?
Ничего не стоит, по-твоему,
А по-моему — нет им цены.

Ты к лесам не испытывал жалости
И сгубил, где не надо, деревья;
По своей необузданной жадности
Моего ты лишился доверья.

— Я старался для собственной пользы,
Капитал накапливая по гроб;
Рассуждал я по-свойски, что после,
После нас вообще хоть потоп.

Думал я: только золото вечно,
Думал: можно купить времена,
В это время не знал я, конечно,
Что сменить ты посмеешь меня.

*

Вековая зелёная правда,
Правда дерева, а не пня,
Это правда сегодня и завтра,
А не позавчерашнего дня.

Эта правда неумолима,
Ощутимая и вещественная,
Потому что неразделимо
Счастье личное и общественное.

У меня есть знакомый, Архип,
Изумительный рыболов;
Он от ранней воды охрип,
И ему чуть не сто годов.

Иногда приходит к нему дочка,
Молодая, ей нет и полста,
А у деда Архипа есть удочка
И излюбленные места.

Над Окою раскинулся лёд,
И меня уверяет дед,
Что на этом месте клюёт,
А подальше от берега — нет.

Уверяет, что в полдень зазря
Удит тот, кому нечего делать,
А что если ни свет ни заря,
Неприменно поймается стерлядь.

Вспоминая былые лета,
Говорит сокрушенно дед,
Что и рыба теперь не та
И что рыбы хорошей нет.

Прежде выловишь щуку в руку,
А теперь и сом невесом;
Так, слегка побранив науку,
Рассуждает дед обо всём.

Этой новостью не обрадовать
И, быть может, легче смолчать;
Но, в конце концов, это правда ведь —
То, что рыба стала мельчать.

*

Рыба преисполнена доверья
К рекам непочатой глубины;
Рыба любит хвойные деревья
Над простором теневой волны.

Рыба любит клён, берёзу, липу
И сквозь листья кружево небес.
Всякий человек, кто любит рыбу,
Должен полюбить зелёный лес.
1948–1949

ОДНО РАЗУМНОЕ ЖЕЛАНЬЕ

Пьеса-сказка для театра в трёх действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Великий маг.

Царь Горох.

Знатный

Занятный

} вельможи, советники царя Гороха.

Африка, младшая дочь Знатного.

Марокканский принц, её жених.

Прокурор.

Сонечка, жена прокурора.

Адвокат.

Сак

Сас

} рыбаки.

Сум

Левин

Правин

} скоморохи.

Симуша, жена Саса.

Суч, историк, сын Саса.

Дантист.

Парикмахер.

Охранник.

Врач.

Знахарь.

Гости.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

У рыбацкого костра.

Маг. Здравствуйте, люди добрые! Если есть местечко у огня, то не гоните меня!

Сум. Присаживайся. Кем будешь?

Маг. Я маг.

Сак. Коли так, скажи, что означает имя Сак?

Маг. Самый красивый.

Сас. А имя Сас?

Маг. Самый сильный.

Сум. А имя Сум?

Маг. Самый умный.

Сум. Ты действительно маг, и притом великий. Не отведаешь ли нашей рыбацкой ушицы?

Маг. Не откажусь. (*Вкушает.*) Хороша на вкус. Добрая ушица.

Сум. Куда путь держишь?

Маг. Хочу переправиться на тот берег.

Сум. А когда?!

Маг. Сейчас.

Сум. А волны?

Маг. Как всегда, своевольны. Бурные, шквальные, четырёхбальные.

Сак. Предложи мне сейчас красавицу шестнадцатилетнюю, не соглашусь переправиться в лодке на ту сторону.

Сум. Предложи мне перстень с шестнадцатикаратным изумрудом, не соглашусь переправиться в лодке на ту сторону.

Маг. Я исполню одно разумное желание того, кто переправит меня на ту сторону.

Сум. А если желание будет неразумным?

Маг. Я докажу его неразумность, а одно разумное желание исполню, как обещал.

Сас. Хорошо, маг, я переправлю тебя на ту сторону.

Сум. И не побоишься?

Сас. Самый сильный не имеет права бояться! А Великий маг исполнит одно моё разумное желание.

Маг. Молодец, Сас!

Подымаются, идут к лодке, Сас садится за вёсла, Маг на корму, лодка отплывает от берега.

Сум. Неразумный человек наш друг, громяхают волны вокруг, при таких волнах отправиться в путь — можно и утонуть!

Сак. Однако можно и не утонуть, Сас отличный гребец. Интересно, какое одно разумное желание у него возникнет?

Сум. Если бы дело касалось меня, то я пожелал бы разбогатеть, а Сас человек неразумный. Мало ему одной силы — пожелает он стать красивым, превзойти пожелает Сака, чтобы нравиться женщине всякой.

Сак. А Маг?

Сум. А Маг сочтёт его желание неразумным и не исполнит его. Однако часика через два или три Сас должен вернуться, и мы узнаем, чего он пожелал. Подождём его возвращения.

Сак. А если дождь пойдёт?

Сум. Подождём под дождём!

Сак. Подождём, Сум.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Сак. Вижу я вдалеке лодку, Сас с волнами справляется ловко!

Сум. Молодец этот самый Сас, и гребёт он получше нас!

Сак. Удалец возвратился, браво!

Сум. Честь и слава ему! Честь и слава!

Сас. В том, что я вернулся, нет ничего удивительного.

Сум. Говори, что хочешь, Сас, всё равно мы дивимся твоей отваге. Разреши пожать твою могучую руку. Удивительно! При таких волнах ни одной мозоли!

Сас. У неумеющих грести бывают мозоли.

Сум. Присаживайся у костра, отдохнуть пора, и твой рассказ, Сас, интересен для нас!

Сас. Вас интересует одно моё желание?

Сак. Именно оно нас интересует. Не секрет?

Сас. Разумеется, нет. Я пожелал стать таким же красивым, как ты, Сак, и иметь успех у всех женщин, которые мне нравятся.

Сак. Сум! Ты угадал. Как в воду глядел!

Сум. Ты действительно в это время в воду глядел. А что сказал Великий маг?

Сас. Он сказал, что желание моё неразумно и что на печальном примере Сака он докажет мне неразумность моего желания.

Сак. Здесь Великий маг ошибся. Он должен был сказать: на весёлом примере Сака.

Сум. От весёлого до печального, Сак, к сожалению, один только шаг!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Сак. Всё-таки Великий маг — не великий маг. Полгода брожу я по соседним селам, ночью у самых хорошеньких созданий, чувствую себя весёлым, никаких не испытываю страданий. А великий маг на моём примере собирался доказать неразумность донжуанства.

Сум. И, помани мое слово, докажет. Разумно достойное положение и всеобщее уважение, которое достигается богатством и знатностью. А тебя, Сак, никто не уважает, и каждый ревнивец может побить.

Сак. Пытался один такой намять мне бока, да просчитался, слегка сваял дурака, получил от меня на память два синяка, один синяк слева, другой — справа, — научится наивняк мыслить здраво!

С у м . Напрасно, Сак, раньше времени хвалишься, справился с одним, с четырьмя не справишься!

С а к . Двое на одного — и то нечестно, каждому известно: за любовь прелестной, если ты паладин, дерись один на один!

С у м . А если не паладин, не рыцарь? Всё может случиться и приключиться. Не всегда всё бывает весело, существует и такая версия: Дон Жуана монахи убили, а на статую командора свалили! Что скажешь ты, Сас?

С а с . Скажу по этому поводу: повадился кувшин ходить по воду, поспорил с прибрежным гранитом — и оказался разбитым!

С а к . Весёлая эта байка, да не та на ней гайка. Вижу, к нам по проезжей дороге спешат удалцы-скоморохи, руками весело машут, послушаем, что они скажут.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

С к о м о р о х и . Как умельцы-скоморохи
За тарелочки ухи
Мы созвучные эпохе
Почитаем вам стихи.

Л е в и н . Я, стоящий слева Левин,
Без любимой заболею,
Не отмечу юбилей.
Говорят мне: не более!
Я, герой старинной сказки,
Преуспел в любви и ласке.
Белла, лучшая из Белл,
Говорит: не преуспел!
Чувство страсти мне не чуждо,
Я ищу ответна чувства.
Катя, лучшая из Катъ,
Говорит мне: брось искать!
Я своей любовью юной
Изумил весь мир подлунный.

Мила, лучшая из Мил,
Говорит: не изумил!
Может быть, во всей Вселенной
Я один такой влюблённый?
Нина, лучшая из Нин,
Говорит, что не один!
Жаркой страстью пламеня,
Говорю ей: будь моею!
Рита, лучшая из Рит,
Говорит, что не горит!
Аню, Маню или Таню
Я любить не перестану.
Таня, лучшая из Тань,
Говорит мне: перестань!

П р а в и н . Я, стоящий справа Правин,
Дядя самых честных правил,
Лишь в объятьях Ад и Рай
Постигаю ад и рай!
Не желаю в чистом поле
Возлежать на снежном насте,
Я привык мечтать о Поле,
И об Оле, и о Насте!
Я хочу в студёном марте
Порезвиться, как в июле, —
И утешить душу Марте,
Майе, Августе и Юле!
Мы раскатам смеха, а не
Переливам грусти рады —
Потому направляюсь к Ане
После Лады или Рады!
Пусть охотнику улары
И другие птицы любви —
Мне приятнее у Лары,

И у Клары, и у Любы!
Перед тем, как выпить элю,
Пробегу морскую милю,
Чтоб скорей увидеть Элю,
Или Лилию, или Милю!

С а к (*аплодирует громче всех*). Милый юмор скомороший понимаю я вполне, ибо сам такой хороший, эта песня обо мне! Это у меня были Ада и Рая, Поля, Оля и Настя, Марта, Майя, Юля и Августа, Аня, Лада и Рада, Лара, Клара и Люба, Эля, Лиля и Миля. Это всё мои любимые, мне весьма необходимые!

С у м . Хватит тебе хвалиться. Послушаем лучше скоморохов. Они лучше тебя освоили эту тему.

Л е в и н . Когда весна звенит, поёт,
То Дон Кихот идёт в поход,
Отвагой обуян.

П р а в и н . А вслед за ним, незаменим,
Неутомим, неотразим
Шагает Дон Жуан!

С а к . Это про меня. Это означает, что я должен сегодня же отправиться в свой весенний поход. Пусть у каждого крыльца и у каждой лестницы ожидают молодца юные прелестницы. До свиданья, товарищи! Ухожу и ничего с собой не беру, потому что всё имеется у моих любимых. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

С а с . Что-то долго нет нашего Сака, который пошёл в поход без рюкзака.

С у м . Должно быть, его там изрядно избили, лежит он в больнице, дай бог, не в могиле!

С а с . Если даже в больнице находится, то завидовать ему не приходится. Тогда бедняга из бедняг наш Сак, и не ошибся Великий маг!

С у м . Однако к нам, вместо бедняги Сака, ковыляет бедняга-бродяга, какой-то старец, беззубый и лысый, с бородкой седой или белобрысой. Кем будешь, почтенный? Не желаешь ли отведать ушицы отменной?

С а к . Вы меня не узнали, а я ваш Сак.

С у м . Если ты Сак, то где тот простак, который в это поверит? Где твои белоснежные зубы и каштановые локоны?

С а к . Ты, Сум, как всегда, прав. Я теперь не Сак, а, скорее, Сан, что должно означать: Самый некрасивый.

С у м . Тогда Расскажи по порядку, что с тобой произошло?

С а к . Хорошо. По порядку всё расскажу, только прежде перекушу! *(Принимает у Сума тарелку ушицы.)* Рассказ мой будет печален.

Желательно экранизировать рассказ Сака.

С у м . Говори, Сак, мы превратились в слух и внимание.

С а к . Вначале всё было великолепно. Я познакомился с Сонечкой, которая отдыхала на даче! Что это была за дача! Не дача — дворец! А я, как всегда, молодец, поселился в этом дворце. Мы пробовали самые изысканные вина и заедали их самыми роскошными блюдами. Всё было сказочно великолепно, а в одно хмурое утро явился муж этой Сонечки.

С у м . И...

С а к . Ни слова не говоря, он принялся бить меня палкой по голове. Мне это не понравилось, и я сбросил его с балкона.

«Беги, милый, — успела прошептать Сонечка. — Мой муж прокурор, и тебя могут повесить!»

Я сбежал по мраморной лестнице во дворик. Прокурор уже кричал: «Держите преступника!»

На меня набросились двое. Первого я успел стукнуть по удивительно белоснежным зубам, и все зубы у него моментально вылетели изо рта. Потом я узнал, что это был дантист. Второго я успел схватить за удивительно пышные каштановые волосы. Увы! Они оказались париком, и вместе с париком, похожим на скальп, я упал на спину. Второй оказался парикмахером. Вдвоём они насели на меня, а подоспевший к ним на помощь прокурор сдавил мне горло. Потом показались четвёртый и пятый. Четвёртый утешил меня, сказав: «Не унывай, дружище, со мной не пропадёшь!» Это был адвокат.

А пятый надел мне наручники и спросил прокурора: «Нужны ли ножные кандалы?..» Прокурор уверил своего охранника, что ножные кандалы мне крайне необходимы. После того, как их нацепили мне на ноги, адвокат заявил, что он протестует против бесчеловечного обращения с заключённым.

Вскоре состоялся суд. Прокурор требовал повесить меня на балконе своей дачи, мотивируя это тем, что я сбросил его с балкона. Адвокат предлагал сбросить меня с балкона, но ни в коем случае не вешать. Он же предлагал пострадавшему дантисту стукнуть меня по зубам, а пострадавшему парикмахеру — сбрить мне волосы. Суд, состоящий из прокурора, адвоката, дантиста и парикмахера, удалился на совещание.

Потом меня отвели в подвал прокурорского дома, посадили в тяжёлое дубовое кресло и основательно привязали к нему. Дантист, не торопясь, вырвал у меня все зубы. Должен сказать, что действовал он виртуозно: я не чувствовал ни малейшей боли. После того как все зубы были вырваны, парикмахер сбрил мне все волосы на голове и начал промывать мне голову — как он сам объяснил — средствами от облысения, научно разработанными за последние сто пятьдесят лет. После головомойки парикмахер радостно сообщил мне, что у меня на головке не вырастет ни кусочка!

Потом меня внесли на балкон прокурорского дома, сняли с меня кандалы и наручники и, раскачав, сбросили меня с балкона. Моя левая нога угодила в канаву и стала длиннее правой.

С большим трудом выкарабкался я из канавы и глянул в водоём, где плавали золотые рыбки. В воде я увидел своё страшное отражение: на голове не было волос, а усы и борода поседели.

«Дорогой друг! — сказал мне адвокат. — Я рад, что законность восторжествовала и всё обошлось благополучно. Тебя не повесили на этом гнусном балконе! Ступай к себе домой и будь счастливи!»

А Сонечка куда-то исчезла. Хорошо, что она не увидела меня столь изуродованным! Что теперь делать буду?

С у м . Не унывай, Сак, тебе придётся жениться. Считай, что молодость закончена и наступили зрелые годы.

С а к . А кто за меня, такого уroda, пойдёт?

С у м . Разумеется, не Сонечка. Поищи себе что-нибудь попроще.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

С у м (*один*). Несчастный Сак выглядит, как старик, и примеряет себе парик. Счастливый Сас пошёл на свидание с магом. Еле-еле уговорил Саса пожелать себе богатства. Глупый Сас возражал: «Зачем мне богатство?..» Станный вопрос. Зачем всё остальное при бедности? Один поэт, когда ему присвоили наконец чин капитана второго ранга, с горькой иронией вспомнил своё прошлое:

С таким умом, с таким талантом
Семь лет был старшим лейтенантом!

А я могу сказать про себя:

С таким талантом и умом
Семь лет был средним рыбаком!

И бедняком! Пойду, как многие рыбаки-бедняки, проверю убогие дары реки! Однако, чтоб я не злословил впредь, не рыба, бутылка попала в сеть! А вид у бутылки довольно старый, теперь не примут такой стекло-тары! А что в бутылке?

Говорят, великий учёный древности Архимед изобрёл штопор, который после стали именовать винтом. Воспользуюсь штопором и узнаю, какая такая в бутылке влага? Однако из бутылки выпадает бумага. В бумаге не корень, так корешок, довольно коряво написан стишок:

Если будешь ты не глуп,
То отыщешь старый дуб.
В четырёх саженях, друг,
От него зарыт сундук!

Сундук отыскать несложно. Достаточно четырёхсаженным радиусом описать вокруг дуба окружность и начать рыть траншею. Но старых дубов в лесах несколько сотен, который из них сундуконосен? Может быть, я глуп и не смогу отыскать тот дуб!

Если вокруг каждого дуба стану рыть траншею, то превращусь в вечного землекопа. А может быть, я не глуп? Автор стишка имел в виду дуб, не тот, который подобен многим, а тот, который чем-то отличен от всех остальных. А который дуб единственный в своём роде?

Все старые дубы находятся под охраной государства. Изю всех старых дубов только один кем-то спилен двадцать лет тому назад. Тогда траншею придётся рыть вокруг пня. И не выяснено для меня: в сундуке могут быть золотые слитки, а могут быть кружева или нитки. Стоит ли работать лопатой? (*Замечает Саса.*) Здравствуй, Сас! Тебя можно поздравить? Что сказал тебе Великий маг?

С а с . Великий маг сказал мне, что на печальном примере Сума я смогу убедиться в неразумности своего второго желанья.

С у м . Стоит работать лопатой,
Буду я очень богатый!

С а с . При чём тут лопата?

С у м . Это я вспомнил песенку землекопов.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

У рыбацкого костра.

С а к (*в рыжем парике, но без зубов*). С тех пор как Сум отыскал клад, он старым друзьям не рад. Мы ему больше не нужны.

С а с . Если он думает, что мы ему не нужны, то он ошибается, а если ошибается, то не только разбогател, но и поглупел.

С а к . А зачем мы ему нужны?

С а с . В трудную минуту старые друзья всегда выручают.

С а к . В трудную минуту Сум меня не выручил. Тот дантист за сорок тысяч целковых предложил мне вставить мои же зубы. Я попросил эту сумму у Сума. Сум сказал, что хватит дантисту десяти тысяч, а я дурак и не умею торговаться. И предложил мне десять тысяч.

С а с . А ты?

С а к . Я обиделся и не взял.

С а с . Тогда ты действительно дурак. Надо было соглашаться на десять тысяч. И с дантистом можно было поторговаться. Узнаю Сума: он всегда отличался благоразумной бережливостью.

С а к . А сегодня наш уважаемый монарх царь Горох в своём дворцовом парке устроил пир на весь мир! Каждый подданный имеет право участвовать: входная плата тысяча целковых с человека! Сум, конечно, там, где веселия шум. Что стоило Суму подарить нам по входному билету? Почему он этого не сделал?

С а с . По глупости! Он подумал, что придворные подумают о нём плохо, увидя его друзей. А придворные, если узнают, что он забывает своих друзей, подумают о нём плохо!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дворцовый парк. Мраморный столик, вино, фрукты.

Сонечка. Выпьем за любовь, которая не засияет вновь! Первый мой любимый был повешен, второй изуродован. Если я полюблю третьего, то должна буду пожалеть его, и с ним не встречаться, чтоб избежать несчастья.

Африка. Выпьем за любовь, вину подобную, как этот летний вечер, добрую, милую и беспечную, но скоротечную, а не вечную! (*Выпивают.*)

Мой любимый намерен на мне жениться, а я должна выйти замуж за принца. Так решил мой отец — хитрец и делец, убеждённый противник влюблённых сердец!

Свою старшую дочь Европу выдал он за принца Нидерландского, среднюю дочь Азию — за принца Непальского. Они не соглашались вначале, покричали и замолчали. А мне предстоит дорога в Королевство Марокко. Что я могу поделать? Молчать и любимого не огорчать.

Сонечка. Я тоже поделать ничего не могу, а ежели убегу от нелюбимого мужа, то будет мне еще хуже! Выпьем, Африка, это вино, лишь оно светом радости озарено, лишь оно будоражит пульс, разгоняет тоску и грусть, зашумит в голове пусть! (*Выпивают.*)

Африка. Мой любимый умён и несметно богат, но отец ни уму, ни богатству не рад, он во всём проявляет халатность, уважает на свете лишь знатность! Опрокинем, Сонечка, эти бокалы, чтобы радость, которой так мало, сверкала, потому что сияющий градус заменяет нам счастье и радость! (*Выпивают.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дворцовый парк, серебряный столик, вино, рыбы, морские гребешки.

Знатный. Как тебе нравится этот Сум?

Занятный. Есть у него природный ум, но он, конечно, простолюдин и нувориш. Выдает себя за наследника Дикого князя, не понимая, что Дикий князь — личность мифическая. Короче, мне этот Сум не нравится.

Знатный. Удивительное совпадение: у меня такое же мнение! А откуда у Сума такое богатство?

Занятный. Мне кажется, ему посчастливилось найти клад — и он, не знатен, но богат, сияньем золотых монет согрет, пролезть желает в высший свет. При этом пройдоха-пролаза ссылается на Дикого князя. Помнишь детскую песенку:

Дикий князь водил эскадру,
Нападал на берега,
С богачами бился храбро,
Забирая жемчуга.
Богачи, завидя князя,
Понимали: дело дрянь!
Дяди Васи, тётки Аси —
Все ему платили дань!

Эту песню когда-то распевали пираты. Некоторые из них самозванно выдавали себя за Дикого князя. А когда пиратов не стало, надобность в Диком князе пропала! Однако попробуй доказать, что Дикого князя не существовало! Народ в него верит. А Сум — хитрая бестия, смекнул, как выгодно быть наследником Дикого князя: надёжно, практично, а главное — романтично. Но я вижу, что к нам приближается не кто иной, как он сам.

Сум. Здравствуйте, господа!

Занятный. Здравствуйте и до свиданья! Чувствую, что у вас деловой разговор и не хочу быть третьим лишним. (*Уходит.*)

Знатный. Изволил к нашему берегу причалить. Чем можешь порадовать или опечалить?

Сум. Сочту для себя великим счастьем не опечалить столь почтенного и мудрого человека.

Знатный. О моей мудрости мне сообщают люди, которые себя считают умнее меня.

Сум. Я к этим людям не принадлежу, ибо привык уважать старших, а кроме того, у вас прошу руку дочери вашей. Мы любим друг друга.

Знатный. Это меня не радует и не печалит. Моя дочь Африка привыкла к свободе и независимости. Я даже готов выпить за её успехи в любви. *(Выпивают.)*

Сум. А как насчёт нашей свадьбы?

Знатный. Как говаривал Дикий князь, поспешай не торопясь! Время — лучший советчик. Вы или разочаруетесь друг в друге, либо полюбите себя ещё сильнее.

Сум. Африка сказала мне, что вы будете противиться свадьбе.

Знатный. Она ошиблась. Я решил не вмешиваться в её личные дела, чтоб она отлично цвела. Я всегда готов выпить за счастье любимой дочери. *(Выпивают.)*

Сум. Вы мне начинаете нравиться.

Знатный. А ты мне всегда нравился. Всё у тебя есть: молодость, разум, богатство, честь. Кстати, как давно получил ты наследство?

Сум. Ровно месяц тому назад.

Знатный. И ровно через месяц за этим столиком можно будет устроить свадьбу Африки. Знатный трепаться не любит!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Дворцовый парк, серебряные столики, вина, яства.

Знатный. Господа и дамы! Я всех вас пригласил на тихий семейный праздник. Моя младшая дочь — знойная Африка, как сказано в одной популярной песенке, девчонка неплоха выбирает жениха. Слева от неё Сум — знаменитый наследник Дикого князя, справа — не менее знаменитый принц Марокканский.

Прокурор. Позвольте мне облегчить её выбор. Сум, выдающий себя за наследника Дикого князя, именем царя Гороха арестован как государственный преступник!

Два месяца тому назад он нашёл клад, оценённый в сорок миллионов целковых. По закону Сум обязан был в течение сорока дней внести одну сороковую стоимости клада в государственную казну. Он этого не сделал. Незнание закона не избавляет от ответственности. Будучи простым рыбаком, Сум отказался от всеми уважаемого звания честного труженика, выдавая себя за наследника мифического Дикого князя, способствуя тем самым распространению вредного заблуждения. Наконец, Сум обманул прекрасную Африку.

Африка. Я прощаю ему этот обман.

Прокурор. Третье обвинение снимается, но это не избавляет Сума ни от тюремного заключения, ни от конфискации имущества.

Ярыжки надевают на Сума ручные кандалы и уводят его в тюрьму.

Знатный. Господа и дамы! Наш тихий семейный праздник продолжается. Что скажет моя любимая дочь Африка?

Африка. Она скажет, что во всём будет послушна своему отцу.

Знатный. Господа и дамы! Давайте выпьем за счастье моей любимой дочери, за её светлый разум!

Все дружно выпивают.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Рыбацкий костёр.

Ск о м о р о х и . Как умельцы-скоморохи
За тарелочки ухи
Мы созвучные эпохе
Прочитаем вам стихи.

Л е в и н . Дикий князь — главарь пиратов
Дань взимал с семи округ,
Жил беспечно и богато,
Всё ему сходило с рук.
Он резвился на свободе,
А наследнику — капут!
Что ворам великим сходит,
Всех за то воришек бьют!

П р а в и н . Проявляя нелогичность,
Дикий князь менял свой грим.
Как мифическая личность
Был всю жизнь неуловим.
А наследник того князя
Жил в реальном терему,
По дворцовой тихой трассе
Он отправился в тюрьму!

Л е в и н . Дикий князь имел богатство,
И по щедрости своей
Он под знаменем пиратства
Одарил своих друзей.
А наследник того князя
Был заносчив и жесток:
Со спесивой знатью знался,
Другу детства не помог!

П р а в и н . Вероятно, был легендой
Благородный Дикий князь,
Но легендою не вредной —
Поучительной для нас.
А наследник того князя —
Ненасытный крокодил —
Деньги даже не в сберкассе,
В сундуке своём хранил!

С а с . Это про нашего Сума.

С а к . Почему ты так думаешь?

С а с . Вот газета. Уголовная хроника. Заметка об авантюристе Суме, выдававшем себя за наследника Дикого князя. И разъяснительная статья. (*Читает.*) «Дикий князь — личность, безусловно, мифическая. Современники свидетельствуют, что Дикий князь неоднократно появлялся сразу в нескольких городах, отстоящих один от другого за сотни вёрст. По всей вероятности, под именем Дикого князя действовали одновременно несколько пиратов. И последний пират Марат Дубликат, повешенный двадцать лет тому назад, выдавал себя за Дикого князя».

С а к . Не на пользу пошло нашему Суму его богатство, так же, как мне моя красота.

С а с . А Великий маг снова прав: моё второе желание оказалось неразумным. Жаль Сума, сваявшего дурака.

С к о м о р о х и . Дикий князь могуч и ясен —
Потому живёт в веках,
А наследник того князя
Оказался в дураках!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дворцовый парк, золотой столик.

З а н я т н ы й . Ваше Величество! Разрешите спеть Вам песенку.

Ц а р ь Г о р о х . Разрешаю.

З а н я т н ы й . Иногда бывает так, что годы мчатся,
И не вертится Фортуны колесо.
Революции бывают не от счастья,
А когда кому-то жить нехорошо.
Может, правящая каста и зубаста,
Но решает всё неистовый народ.
Революции свершаются не часто,
А тогда, когда приходит их черёд!

Ц а р ь Г о р о х . Что ты хочешь этим сказать?

З а н я т н ы й . Хочу сказать, что нашему Сказочному царству революции не грозят.

Ц а р ь Г о р о х . А ты, Знатный, что думаешь?

З н а т н ы й . Думаю, что тридцатилетний юбилей Вашего Величества счастливый народ отметит в состоянии искреннего умиления и полной безмятежности.

Ц а р ь Г о р о х . Мой народ обожает меня, и в день своего юбилея я должен подумать о подарках народу. Что вы мне посоветуете?

З н а т н ы й . Надо провести бурные гуляния с фейерверками и танцами, с раздачей всем детям сладостей и со спортивными состязаниями, в которых победители должны иметь особые награды.

З а н я т н ы й . И надо объявить всеобщую амнистию для неопасных преступников.

Ц а р ь Г о р о х . А как мы отличим опасных от неопасных?

З а н я т н ы й . Отличить нетрудно. Граница проходит через камеру Сума. Все преступники, которые хуже Сума, — опасны, все, которые лучше Сума, томятся напрасно!

Ц а р ь Г о р о х . А как быть с самим Сумом?

Знатный. С точки зрения правого правосудия, его освобождение можно отложить до тридцатипятилетия Вашего Величества.

Занятный. Отстаивая правое дело левых, я ратую за гуманность и полагаю, что Сума следует амнистировать. Он достаточно пострадал, а ты, Знатный, уплатил лучшему адвокату гонорар, чтобы тот не выступил в защиту Сума.

Царь Горох. Не совсем понятно. Адвокатам платят деньги за выступления.

Занятный. Лучший адвокат Сказочного царства ведёт себя иначе. Он выступает в защиту интересных подсудимых бесплатно, а за своё молчание берёт гонорары.

Царь Горох. Это очень любопытно. А что было бы, если бы тот адвокат выступил в защиту Сума?

Знатный. Тогда бы Сум вышел на свободу год тому назад.

Царь Горох. Проявим великодушие и отпустим Сума на волю, разумеется, без возвращения ему конфискованного имущества, которое мы разумно израсходуем на юбилейные торжества.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Рыбацкий костёр.

Сак. Если бы я обладал талантом, был бы в Сказочном царстве Рембрандтом, я бы написал картину «Возвращение блудного Сума».

Сас. Наш приятель Сум не удал, но достаточно пострадал, не годится над ним глумиться, у насмешек должна быть граница!

Сум. Здравствуйте, друзья-рыбаки! Всем сомнениям вопреки, возвратился к вам друг ваш Суг, что должно означать: Самый глупый! Дважды прав был Великий маг! Ты прости меня, Сак, что я, средний рыбак, вдруг включил себя в число скряг бестолковых, не вручил тебе тех целковых! Ты прости меня, Сас, что, резвясь, веселясь, позабыл я про вас, вам ничем не помог, когда мог. Может быть, потому угодил в тюрьму. До чего я там был одинок!

С а с . Хорошо, Сум, что ты взялся за ум! И не будь очень мрачным, не жалея об утраченном. Заимел ты, бедняк, капитал, а потом капитал твой пропал. Не томись, что ты не при деньгах, веселись, что стоишь на ногах. Хорошо, что ты жив и здоров, и не требуй иных даров!

С а к . Садись, Сум, у костра, похлебай ущицу пора. Она будет погорячей и полезней тюремных харчей!

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Комната Саса.

С и м у ш а . Чего бы ты желал, Сас?

С а с . Желал бы выздороветь сейчас.

С и м у ш а . А чего бы ты хотел на обед?

С а с . Лучше нашей ущицы ничего нет, но и она мне не помогает.

С и м у ш а . К тебе пришёл твой друг Сум.

С у м . Здравствуй, Сас! Как твоё здоровье?

С а с . Оставляет желать лучшего. Я и сейчас Сас, но на этот раз Сас-мый слабый.

С у м . Я привёл к тебе нового врача.

С а с . Напрасно ты его ко мне привёл.

В р а ч . Разрешите осмотреть больного.

С а с . Пожалуйста, смотрите, это не ново.

В р а ч . Да, слабость. Здесь всего надёжней кровопусканье.

С а с . Нет у вас ни исканья, ни раскаянья, одно только кровопусканье.

В р а ч . Вы не верите в медицину?

С а с . Не верю.

В р а ч . А зачем тогда меня пригласили?

С а с . Я вас не приглашал.

С у м . Я пригласил и врачу заплачу.

Врач, забирая деньги, уходит.

С а с . Это хорошо, Сум, что ты стал таким щедрым!

С у м . Я стал щедрее гораздо, после того, как утратил богатство. Как вспомню то время, мне становится стыдно, и не до скупердяйства. А вот и Сак.

С а к . Как здоровье, Сас?

С а с . Плохо, Сак.

С а к . Я привёл к тебе нового знахаря — травника, обошедшего все луга. Лечит травами и отварами.

С а с . Что может он мне предложить?

З н а х а р ь . Отвар из берёзовых почек.

С а с . Пробовал. Не помогает.

З н а х а р ь . А сок из листьев одуванчика?

С а с . Горько, и только!

З н а х а р ь . А отвар из листьев чёрной смородины?

С а с . Ароматно, на вкус приятно, прелестно — и бесполезно!

З н а х а р ь . А земляничный лист вместе с цветочками?

С а с . Пью по вечерам, вместо чая, улучшения не замечаю.

З н а х а р ь . Верите ли вы в траволечение?

С а с . Верил и разуверился.

З н а х а р ь . Тогда будьте здоровы, живите богато. *(Уходит.)*

С а с . Одиннадцать врачей побывало в этом доме, и столько же знахарей. Двадцать два несчастья!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

С и м у ш а . Вчера вечером, когда ты спал, приходил Сум. Он принёс тебе бутылку вина. Может быть, выпьешь?

С а с . Спасибо, Симуша. Умиравший человек тем и отличается от выздоравливающего, что не хочет выпить.

С и м у ш а . Ты ещё не умирающий. Ты ещё молодец, и я могу тебя обрадовать. К нашему дому идут скоморохи. Звать их?

С а с . Конечно, зови! И обязательно дай им выпить и закусить!

С а к . Здравствуйте, Сас и Симуша! Я привёл к вам скоморохов.

С а с . Спасибо, Сак. Я рад, что старые друзья оказались самыми лучшими. Пусть скоморохи меня развеселят и утешат.

Л е в и н . Я, стоящий слева Левин,
Ладно сшит, надёжно склеен,
Как седой анахорет
В шестьдесят почтенных лет!
Не встречаясь с Моной Лизой
На зелёном берегу,
Я седой, зато не лысый,
Шевелюру берегу!
Человек без шевелюры
И де-факто, и де-юре,
Что угодя без лесов
И корабль без парусов!
Потому в любви умерен
Я, стоящий слева Левин,
Но другое мне дано:
Пью по праздникам вино!
(Выпивает и закусывает.)

П р а в и н . Я, стоящий справа Правин,
Молодой, красивый парень —
Потому не лыс, не сед

В шестьдесят почтенных лет!
*(Снимает рыжий парик, под которым зияет лысина,
снова его надевает как ни в чём не бывало.)*
Если надо, для красоток,
Ради пущей красоты,
Я вскопаю сорок соток,
Чтобы выросли цветы!
Для молодок постараюсь,
Как смогу, не убегу,
Позабыв, что значит старость
На цветущем берегу!
Обожаю жён прекрасных
Я в любые времена,
А на праздник, как проказник,
Выпью стопочку вина!
(Выпивает и закусывает.)

Ск о м о р о х и . Мы, умельцы-скоморохи,
За вино и за харчи
Разгоняем тяжки вздохи,
Как хорошие врачи!
Так положено от века,
Что целебен наш успех,
Потому что лучший лекарь
Возбуждать умеет смех!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

С и м у ш а . Здравствуй, сынок, редко ты нас посещаешь.
С у ч . Всё некогда. Должен оправдывать имя, которое вы мне придумали: Суч — Самый учёный.
С а с . И как ты его оправдываешь?
С у ч . Готовлюсь к защите кандидатской диссертации на тему: «Два периода в истории Дикого князя».

С а с . Это интересно. Каков же первый период?

С у ч . Первый период романтический. Дикий князь за один день берёт штурмом семь прибрежных городов и в течение семи лет взимает с них дань, которую частично оставляет на свои нужды, частично раздаёт мелким ремесленникам.

С а с . А потом?

С у ч . Потом наступает второй период — ущербный. Дикий князь совершает Безумный поход вверх по реке Многорыбной. Здесь он терпит поражение. Королевские полководцы Знатный и Занятный захватывают десять его кораблей из одиннадцати возможных. Дикий князь исчезает, но появляется Марат Мармелад, выдающий себя за Дикого князя. Марат Мармелад взимает дань с трёх прибрежных городов, но попадает в засаду и погибает. Его пытаются заменить Марат Дубликат, который тоже выдаёт себя за Дикого князя, но попадает в плен и кончает свою жизнь на виселице.

С а с . А вывод?

С у ч . Дикого князя не было. Это выдуманная личность.

М а г (*неожиданно появляется*). Ничего подобного! Дикий князь не выдуман. Он реально существовал.

С у ч . Почему вы так думаете?

М а г . По той причине, что я и есть тот Дикий князь!

С у ч . Тогда объясните, пожалуйста, как мог Дикий князь после блестящих прибрежных побед совершить бесславный Безумный поход?

М а г . Разумеется, не мог. Он его и не совершал. В Безумном походе Дикий князь не участвовал.

С у ч . А почему?

М а г . Постараюсь объяснить. Когда я прилетел на эту планету, то любил сказочное царство. Здесь я подружился с пиратами, которые показались мне людьми смелыми и добродушными. У меня была яхта, развивающая практически любую скорость. Я водил пиратскую эскадру, беря её на буксир. Я собирал с богачей дань и, желая поднять уровень производительных сил, раздавал её кузнецам и рудознателям, плотникам и лесорубам. Всё было очень мило, но мои пираты взбунтовались. Их предводитель объявил мне, что все мои затеи — не мармелад, за что и получил прозвище Марат Мармелад. «Хватит, — сказал он, — подкармли-

вать мельников и кузнецов, пора самим жить припеваючи, нужды не знаячи». Когда я узнал, что пираты ради личного обогащения готовы разжечь братоубийственную войну, я привёл их эскадру к устью реки Многорыбной, после чего перерубил топором канат нашей дружбы. Пираты несколько лет действовали под моим именем, однако были обречены на разгром и ничего больше не заслуживали.

С у ч . Спасибо вам, Дикий князь, за чрезвычайно ценную для меня информацию.

М а г . В этом дом я пришёл не как Дикий князь, а как Великий маг, чтобы исполнить одно разумное желание Саса.

С а с . Я, больной, почти умирающий, желаю стать таким же сильным, каким был в молодости.

М а г . Твоё желание разумно, и я его исполню.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

С а с . Была весна, похожая на осень,
Я чувствовал себя ужасно очень,
А нынче осень выглядит весной:
Я снова удалой и не больной!

С и м у ш а . К нам направляются скоморохи. Что делать, учитель?

М а г . Впустите их сюда. Мы послушаем созвучные эпохе стихи, а заодно выпьем и закусим по поводу чудесного исцеления больного.

Л е в и н . Я, стоящий слева Левин,
Молодец, а не балда,
Весел был и откровенен —
Счастлив не был никогда!
Улыбается нечасто
Солнце счастья на дому —
Счастье, собственно, не в счастье,
А в стремлении к нему,

В разности потенциалов
Меж мечтой и суетой...
А Фортуна танцевала
На лужайке золотой.
И кидала как предметы
Благосклонности своей
Выигрышные билеты
Проигрышных лотерей!
Только вот какая жалость:
Я остался в стороне!
Выигрыши доставались,
Но не мне, не мне, не мне!

П р а в и н . Я, стоящий справа Правин,
Не безгрешный херувим:
Тем и славен, что забавен,
И притом неисправим!
Рассказать могу о счастье
На прижизненном пути:
Каждый счастлив был отчасти,
Сам я счастлив был почти!
В этой жизни преходящей
Счастье — странный матерьял,
Очень часто состоящий
Из того, что потерял.
Счастье — молодость вторая,
Счастье — лето без зимы
И плоды земного рая,
Извлечённые из тьмы.
Счастье — это просветленье,
Мир, который снова мил,
Обретенье исцеленья,
Возвращенье прежних сил!

Ск о м о р о х и . Мы, умельцы-скоморохи,
Радуюсь от души,
Что дела у вас не плохи,
Потому что хороши!
Тот рыбак, который бодро
Встал со смертного одра,
Пусть изловит полны вёдра
Рыбок цвета серебра!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Рыбацкий костёр.

С а к . Нарастает что-то ярость
Северного ветерка —
Оттого разбушевалась
Многорыбная река.
Вся она в барашках белых,
Разыгрались волны — жуть!
Противоположный берег
За волнами виден чуть.

С у м . Не пытайся, друг, на лодке
Эту реку переплыть.
При разгневанной погодке
Для чего такая прыть?
Разгулялись волны шумно,
Словно бранные слова, —
Потому благоразумно
Переждать денёк иль два!

С а с . Вам, друзья, скажу спасибо
За заботу обо мне,
Но сажусь за вёсла, ибо
Плыть придётся по волне.
Понимаю сам прекрасно:
На разгневанных волнах
Удалому безопасно,
И опасен всякий страх!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

С а к . Бедный Сас! Только что вернулись к нему его богатырские силы и... Не хочется думать плохого, но все сроки истекли. А волны бушуют яростно и безжалостно.

С и м у ш а . Где Сас? Почему он не возвращается?

С у м . Может быть, остался на том берегу и решил переждать, когда утихнут бурные волны.

С и м у ш а . Не похоже это на Саса, но надеюсь, что муж мой спасся. Буду ждать его у костра до утра. Где сейчас мой Сас? Буйный ветер вразумительно не ответил. Вижу волн разгул, слышу ветра гул, но не верю, что Сас в реке утонул! Верю, что до восхода солнца обязательно он вернётся! Стал ровнее вал, буйный вихрь устал. Если ветер сдал, дует тише, Сас, ты Симушу слышишь?

С а с . Слышу!

С у м . Говорит Симуша сама с собой.

С и м у ш а . Нет! Вернулся мой Сас домой! В утлой лодке не перевернулся.

С а к . В самом деле, наш Сас вернулся!

С и м у ш а . Где ты был, Сас?

С а с . Вместе с Великим магом я посетил Берег Морских гребешков.

С у м . До Берега Морских гребешков три тысячи вёрст!

С а с . Совершенно верно, Сум: три тысячи вёрст! Великий маг доставил меня туда за полчаса! Такая у него яхта! Мы купались в море и собирали морские гребешки. Каждый гребешок я совал в мешок. Хватит нам на обед и на ужин, принимай угощение, Симуша!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Дворцовый парк. Золотой столик, возле — бронзовый памятник Знатному и Занятому — победителям пиратов.

З а н я т н ы й . Жаль Знатного. Всю жизнь мечтал о памятнике при жизни и не дожид двух недель до открытия памятника. А мне посчастливилось полюбоваться своею славой, за что я очень признателен Вашему Величеству.

Ц а р ь Г о р о х . Какие новости в столице?

З а н я т н ы й . Одна печальная. Скончался наш прокурор. На вакантную должность претендует лучший в царстве адвокат.

Ц а р ь Г о р о х . Если он лучший в царстве, то сделаем его нашим прокурором. *(Подписывает приказ.)*

З а н я т н ы й . Другая новость любопытная. Молодой историк Суч, сын Саса, защитил диссертацию, в которой доказывает реальное существование Дикого Князя.

Ц а р ь Г о р о х . Однако победители пиратов отрицали участие Дикого Князя в битве на Многорыбной.

З а н я т н ы й . И защитивший диссертацию Суч тоже отрицает участие Дикого Князя в битве на Многорыбной. Историческая заслуга Суча состоит в том, что он примиряет обе точки зрения: народную, по которой Дикий князь существовал, и официальную, по которой под именем Дикого князя действовали Марат Мармелад и Марат Дубликат.

Ц а р ь Г о р о х . Между народным и официальным не должно быть разногласий. Историк Суч заслуживает награждения его Орденом Соответствия действительности. *(Подписывает приказ.)* Однако откуда в моём дворцовом парке появились верблюды?

З а н я т н ы й . Это печальный караван. Прекрасная Африка не только лишилась отца, но и овдовела. Она прибыла сегодня к нам из Королевства Марокко, и я разрешил ей показаться Вашему Величеству.

Ц а р ь Г о р о х . Всегда рад видеть прекрасную Африку. Желает ли она остаться в нашем Сказочном царстве или собирается уехать в Королевство Марокко?

А ф р и к а . Ваше Величество! Здесь, в прекрасном дворцовом парке, протекало моё детство. Здесь пролетела моя юность. Здесь я вижу памятник своему отцу. В Королевстве Марокко ничего подобного нет. Я хотела бы жить и умереть в своём отечестве!

Ц а р ь Г о р о х . Я одобряю твой выбор, прекрасная Африка! Патриотизм всегда вызывал у меня глубокое уважение. Возвращаю тебе наше подданство. *(Подписывает приказ.)*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Комната Саса.

С и м у ш а . Гостей у нас будет немного: Суч, старые холостяки Сак и Сум да скоморохи. Зато закуска будет самая изысканная: помимо осетровой ушицы запечённые в тесте морские гребешки — щедрый дар Великого мага.

С а с . Твои сведенья устарели, старые холостяки помолодели: стали молодожёнами. Сак, не будь дурак, женился на вдове прокурора Сонечке, а Сум взял себе в жёны самую богатую женщину Сказочного царства — знойную Африку.

Отпразднуем нашу серебряную свадьбу по-царски. Гостей будет мало, но лучше хорошо угостить семерых, чем семьдесят человек кое-как.

С и м у ш а . Гость номер один пожаловал.

С у ч . Здравствуйте, папа и мама! Поздравляю вас не голословно, а серебрянно: примите от меня — кавалера Ордена Соответствия действительности на серебряном подносе мою первую книгу «Правдивая

и печальная история Дикого князя», изданную по специальному Указу царя Гороха.

С а с . Спасибо, сынок. Обрадовал. Не ожидал от тебя столь щедрого подарка. А ты что скажешь, Симуша?

С и м у ш а . Скажу, что дорого яичко к Христову дню!

С у ч . Аллегорично сказано, но мудро. А гости прибывают.

С а к *(на плечах у него ящик)*. Моя жена Сонечка жалует вам на серебряную свадьбу из своего подвала двадцать пять бутылок самых лучших вин! Оно и понятно, ибо:

Без весёлого вина
Свадьба звона лишена!

С у м . Взгляните в окно: там верблюд щиплет травку. Моя жена знойная Африка дарит вам на серебряную свадьбу этого верблюда и благополучно доставленные им двадцать пять ящиков с фруктами.

С к о м о р о х и . Как умельцы-скоморохи
За морские гребешки
Мы созвучные эпохе
Почитаем вам стишки!

С а с . Дорогие гости! Усаживайтесь, пожалуйста, за общий стол и начинайте нас чествовать.

Гости усаживаются по местам.

С у м . Дважды приходилось мне вкушать морские гребешки, и оба раза под серебряный звон. Первый раз за серебряным стожком в дворцовом парке, второй раз на серебряной свадьбе моего друга Саса. Тогда меня томило смутное предчувствие, и я не почувствовал их вкуса. Давайте выпьем за серебряную свадьбу, на которой всем нам так просто и радостно!

Л е в и н . Я, сидящий слева Левин,
Поедая осетра,
Чувствую, что юбилеен
Сам на свадьбе серебра!
Но не только ради пьянства
Подымаю свой бокал
За любовь и постоянство,
И за верность, я б сказал!
Пью живительную влагу
За примерную жену,
Не за склоку, не за драку —
За уют и тишину!
Пламенея от восторга,
Пью сладчайшее вино,
Говорю при этом: «Горько!» —
Ибо так заведено!

Сас и Симуша целуются.

П р а в и н . Я, сидящий справа Правин,
Серебра слышал звон —
Будет пусть мой тост заздравен
Для народов и времён!
На бесчисленных дорогах
Есть такой у счастья чин,
Что слагается из многих
Незаметных величин.
К сожалению, не часто,
Расточителям в пример,
Копит звонкое богатство
Тихий коллекционер!
Подымаю восхищенно
Кубок счастья и добра —

И пускай молодожёны
Слышат звоны серебра!
Не горчащее нисколько
Пью редчайшее вино,
Говорю при этом: «Горько!» —
Ибо так заведено!

Сас и Симуша целуются.

Занавес.

1978—1979

**ФРАГМЕНТЫ АВТОБИОГРАФИИ,
продиктованной Николаем Глазковым Давиду Самойлову,
записанной им слово в слово зимой 1950 года
и прокомментированной тридцать лет спустя**

В ту пору Глазков часто бывал у меня на ул. Мархлевского. Однажды я сказал, что в суматохе будущих времён могут не отыскаться о нём достойные сведения, и биографию его могут спутать с биографией Наума Коржавина. Глазков согласился со мной и сразу предложил продиктовать мне свою автобиографию, которая сохранилась в нижеследующем виде. Первая страница, где говорится о раннем детстве и о предках Глазкова, лысковских иереях, отличавшихся буйством и физической силой, утрачена и, может быть, когда-нибудь обнаружится среди листов моего беспорядочного архива. Далее Глазков рассказывает о своих детских увлечениях. — *Д. С.*

...Географические карты я разрезал на равные прямоугольники примерно такой же величины, как марки, тасовал их и потом раскладывал с таким расчётом, чтобы получилась карта. Учительница отобрала у меня их. И считала, что это ужасно. Хотя лучше, чем фантастики. Однажды она особенно разгневалась на меня. И вместе с моими друзьями отправила меня на профотбор. Впоследствии партия и правительство расценили её поступок как педологическое извращение.

А на профотборе мне дали листики папиросной бумаги, на которых были отпечатаны крестики, кружочки, треугольники и квадратики. Все эти штучки были расположены в хаотическом беспорядке, и моя задача заключалась в том, чтобы проколоть костяной палочкой все крестики. Я с этой задачей справился, после чего был признан вполне нормальным. Вскоре у меня появилось ещё одно увлечение: я впервые в жизни поддался влиянию среды и стал кататься на подножках трамваев. Мы становились на подножку трамвая и уезжали неведомо куда. А потом приезжали обратно.

Я задумал кругосветное путешествие и решил для этого использовать круг «А». На Арбатской площади мы сели на трамвай и доехали до Кировских Ворот (в то время — Мясницкие); по дороге половина нашего экипажа погибла от милиционеров. У Мясницких Ворот все решили ехать обратно. Напрасно я доказывал, что обратно ехать вдвое дольше. Мне никто не хотел верить, и дальнейший путь я совершал один. Наверно, то же самое испытывал Магеллан. А потом я закончил четыре класса. За этот период

я не создал ничего монументального. А в пятом классе было так же неинтересно, как в четвёртом. Хотя когда я учился в четвёртом, то считал, что в пятом будет лучше. И тогда я разочаровался.

Вскоре я узнал, что Чайльд Гарольд и Печорин тоже разочаровались. Мне это очень понравилось. И я решил, что я человек незаурядный...

Однако потерянные годы всё продолжались. И в 34-м году я написал программное четверостишие:

Прошедшее ушло и миновало,
Оно уж не вернётся никогда.
Но для меня не всё ещё пропало:
Пропали лишь минувшие года.

Кстати, в 32-м году я ехал в поезде и от нечего делать стал сочинять стихи. Когда я увидел, что они очень быстро рифмуются, то испугался и прекратил.

А в 34-м году, кроме программного четверостишья, я придумал себе герб.

Один из человечков на гербе обозначал меня, другой — моего друга Андрея Попова. А на треугольном щите в середине было начертано программное четверостишие.

Но в 35-м году стихи неожиданно прекратились. Помешали шахматы. Неожиданно для себя я обнаружил, что я всех обыгрываю. И я решил стать чемпионом мира.

Летом 35-го года я был на озере Селигер (стихи «Из проклятого прошлого»). А остальное лето проводил в Звенигороде, в доме отдыха. Там я встретился с одним мастером и одним первокатегорником. Они меня обыграли.

Мастер был пессимист. Он считал, что единственный гениальный шахматист мира — это Капабланка, а все остальные шахматисты — дегенераты; что надо быть круглым идиотом, чтобы тратить свою жизнь на такую ерунду, как шахматы, когда можно читать Льва Толстого и купаться в реке. После чего мы расставляли фигуры, и он играл со мной без коня. Когда я проигрывал, то очень огорчался, а когда выигрывал, то не радовался, ибо выигрывал с лишним конём.

Потом я вернулся в Москву. В школе было всё так же неинтересно. И я организовал два шахматных клуба, коих был чемпионом. Один из клубов вскоре выродился. Карты и рулетка вытеснили шахматы. Я не мог играть в карты и рулетку. Меня всегда отталкивала несправедливость этих игр. Меня раздражало, что у меня может выиграть человек, который глупей меня.

А вот второй шахматный клуб помещался в подвале, но домоуправление отобрало его у нас.

С 36-го года я решил, что я побольше поэт, чем шахматист, и стал писать стихи.

Кстати, летом 36-го года я прыгнул на девять ступенек вверх и сломал себе ногу. Мне это очень не понравилось, но на человеческую глупость есть Господня премудрость, я ходил на костылях и поэтому стал самым сильным из интеллигентов.

А в 37-м я сочинил стихи, которые начинались словами:

Я гений Николай Глазков,
И в этом вся моя отрада...

Мои друзья и знакомые сказали мне, что стихи хорошие, но неправильные, и начали уверять меня, что я не гений. Они так упорно это доказывали, что я перестал сомневаться в своей гениальности. А они не унимались и цитировали:

Я, гений Игорь Северянин...

Я прочёл Северянина и решил, что я лучше его. Ещё я полюбил математику и попойки. Тогда я пил гораздо лучше, чем теперь. Ибо пьянство — единственный вид людской деятельности, в которой частые повторения приводят не к совершенству, а наоборот. В 38-м я закончил школу. В школе был выпускной вечер с пирожными и лимонной водой. Я притащил свои бутылки и демонстративно бульбулькнул живительную влагу. Предлагал её своим товарищам. Но они отказывались из-за боязни не получить диплома. Но они просчитались, ибо на другой день я, как и все, получил свидетельство об окончании десятилетки...

На этом Глазков закончил первый вечер диктовки. Через некоторое время мы продолжили своё занятие. Где-то сохранился у меня листок, где художница Гедда Шор изобразила Глазкова, диктующего свои воспоминания, и меня, сидящего за машинкой... И здесь тоже утрачен первый листок, где излагается поступление в Пединститут, а потом в Литинститут. — Д. С.

...Первыми литинститутцами, с которыми я познакомился, были замечательные поэты Наровчатов и Кульчицкий. С Наровчатовым я познакомился в Усачёвском общежи-

тии. Нас было трое: я, Коля Кириллов и Славка Новиков. Четвёртым пришёл Наровчатов, который лежал вместе со Славкой Новиковым в госпитале.

Наровчатов читал прекрасные стихи и великолепно пил водку. Водку он пил очаровательно, а стихи его были ещё лучше.

С Кульчицким я познакомился в Ленинской аудитории Политехнического музея. После этого мы всю ночь бродили по городу, читали друг другу стихи и обсуждали судьбы отечественной литературы. Стихи Кульчицкого произвели на меня сумбурно-талантливое впечатление.

Когда меня исключили из Пединститута, я пошёл к поэту Асееву и потребовал рекомендации в Литинститут.

Незадолго до этого Кульчицкий познакомил меня с поэтом Кауфманом и отважным деятелем Слуцким. Слуцкий писал прекрасные стихи, но поэтом не был, что ещё раз доказывает, что не поэт может писать стихи. Я познакомил Слуцкого с учением «небывализма», к чему Слуцкий отнёсся весьма скептически. Кауфман читал стихи о мамонте и о том, как плотники о плаху притупили топоры. Эти стихи я знал раньше, ибо мне их читал прекрасный живописец Боря Шахов.

Однажды Боря Шахов нарисовал мой портрет, чему я очень обрадовался. Но ненадолго, ибо Боря Шахов, полюбовавшись портретом, как тигра, набросился на него и разорвал в клочья. Впоследствии я узнал, что у него такая манера рисовать.

Ещё был Павел Коган. Он был такой же умный, как Слуцкий, но его стихи были архаичны. Кроме того, в Литинституте были лекции и семинары...

Самым интересным семинаром был семинар Сельвинского. После семинара мы читали друг другу стихи и уходили к неведомым пределам.

Кульчицкий жил в подвале. На стене у него висел плакат, окантованный серебряной <нрзб.> из-под шоколада. На плакате две проститутки тащили два чемодана, и под ними была надпись, состоявшая из самых страшных слов: «ой-ой», «голодная смерть» и «Сурков».

Самым хорошим поэтом в Литинституте был я. Второе место занимал Наровчатов, третье — Кульчицкий. Далее следовали Кауфман, Слуцкий, Коган, Воронько, Израилев и Кронгауз.

Ещё был замечательный художник-юморист Федя Траубе. Все лекции этот трудолюбивый подвижник рисовал остроумнейшие картинки нашей обширной страны. Самыми замечательными рисунками были: «Дровокольный вариант Вильгельма Телля», «Эстет»,

«Мы идём на работу», «Комната старой девы» и «Физкультурные номера». Эти замечательные рисунки хранились у меня до того печального момента, когда моя жена бросила их в печь. Оно и понятно: ибо большинство женщин не способны к диалектическому мышлению. Ещё Федя Траубе писал очень плохие стихи, но оправдывался тем, что их похвалил Слуцкий.

Весь Литинститут по своему классовому характеру разделялся на явления, личности, фигуры, деятелей, мастодонтов и эпигонов.

Явление было только одно — Глазков.

Наровчатов, Кульчицкий, Кауфман, Слуцкий и Коган составляли контингент личностей, Израилев был наиболее яркой фигурой, Хайкин — самым замечательным деятелем, Кронгауз — наиболее выдающимся мастодонтом. А эпигоны были все одинаковые.

Время от времени Литинститут сотрясали диспуты. Выдающийся деятель и чуткий товарищ Хайкин написал в стенгазете статью, в которой он доказывал, что лучшие поэты Литинститута — Глазков, Кульчицкий, Наровчатов, Слуцкий и Коган — идеологически необоснованны. Глазкова и Кульчицкого Хайкин обвинил в талантливости и разгильдяйстве, а Слуцкого и Когана в поэтической немощи и ошибочности.

Только десять лет спустя современники осознали всю справедливость критических замечаний товарища Хайкина. Так, например, с одному ему присущей проницательностью товарищ Хайкин справедливо отметил, что строчки Слуцкого: «Нет, коммунизм — не продуктовый рай» — не соответствуют действительности.

Тем не менее, однако, на открытом партийном собрании, пользуясь демагогией и казуистикой, Слуцкий доказал свою правоту. Он был похож на учёного Кювье, отстаивая ошибочную теорию катастроф, вдребезги разбил теорию Сен-Илера. Оно и понятно, ибо исторические несправедливости всегда существовали. История не забудет имени товарища Хайкина, павшего в Отечественной войне с немецкими захватчиками.

Кульчицкий больше всего любил жениться. Каждую неделю он знакомил меня со своей новой женой. Наиболее выдающимся из его жен были Лена и Генриетта. Генриетта замечательна тем, что однажды мы втроём выпили семнадцать графинов разного вина. Допивая последнюю стопку последнего графина, я провозгласил, что оный пустой графин больше всего похож на Боря Слуцкого. Генриетта и Кульчицкий были изумлены точностью моего сравнения.

Тем не менее Лена заслуживает более подробного изучения. Будучи девушкой из народа, она возлюбила отечественную литературу. Она подала заявление в Литинститут, но её не приняли под идиотским предлогом, что у неё только семилетнее образование.

Между тем блестящая графоманка Ксюша Некрасова, ныне изгнанная из ряда домов за антисемитизм и предательство, обучалась в Литинституте, имея всего четырёхлетний образовательный ценз. Это не помешало ей вовремя сдавать все экзамены и зачёты. На вопросы преподавателей, начиная с того, что такое прибавочная стоимость, и кончая — что написал Лермонтов, Ксюша Некрасова ссылаясь на свою беременность, после чего ей ставили «посредственно» или «хорошо».

Между тем отважная девушка Лена всё-таки поступила в Литинститут — уборщицей. Из всего Литинститута её больше всего ценили Глазков, Асеев и женившийся на ней Кульчицкий. Девушка Лена очень любила природу, водку, поэзию. К великому сожалению, мы не знаем, где она сейчас...

Ещё мы шатались по коридорам цехов, где читали тысячи стихов. Одно из них, которое я написал, было напечатано в «Комсомольской правде». К сожалению, не помню месяца и числа, но с уверенностью могу сказать, что это было в первую половину 41-го года...

В поэме «По Глазковским местам» великий гуманист Глазков даёт блестящую характеристику своей литинститутской деятельности:

Тряхнуть приятно стариною,
Увидеть мир в табачном дыме
И вспомнить мир перед войною,
Когда мы были молодыми.
Тянулись к девочкам красивым
И в них влюблялись просто так.
А прочий мир торчал как символ,
Хорошенький, как Пастернак.
А рядом мир литинститутский,
Где люди прыгали из окон
И где котировались Слуцкий,
Кульчицкий, Кауфман и Коган...

Как в предыдущий, так и в последующие периоды своей жизни я допустил много красных ошибок...

«Слово», 1995

НЕИЗВЕСТНЫЙ ГЛАЗКОВ...

Николай Глазков (1919—1979) — выдающийся русский поэт советского времени. Временем этим измученный и в глазах читателя искажённый, но Божий замысел в себе с упорной лёгкостью сохранивший.

Родом из священнослужителей. Отец в 38-м году репрессирован и расстрелян.

Учился в довоенном Литинституте, где сразу стал живой легендой. В ёрнической автобиографии, продиктованной в начале 50-х Давиду Самойлову, Глазков говорил: «Весь Литинститут по своему классовому характеру разделялся на явления, личности, фигуры, деятелей, мастодонтов и эпигонов. Явление было только одно — Глазков».

Ощущение своей исключительности (сдобренное неповторимой самоиронией) было спасительной подосновой глазковского творчества и шло не от кичливости, а от острого ощущения мистической связи с самой Вселенной — как у «председателя Земшара» Хлебникова, предтечи Глазкова, чьи уроки в поэзии ученика причудливо переплелись с открытиями обэриутов. Кроме того, здесь таилась самозащита Глазкова от соцреалистической нивелировки, от преуспевающих бездарей, от унижительной невозможности напечатать главные свои стихи:

Самокульт. Но меня довели
Долгой травлей до этой религии.
А велик ли Глазков? Да. Велик.
У него и ошибки великие.

Кстати, *ошибка* — в глазковском мире высочайший оценочный балл, всегда сопровождаемый эпитетом *великая*. В поэме «Поэтоград I» он пишет: «Я исключён как исключенье / Во имя их дурацких правил!» — пишет, заметим, о своём изгойстве не жалостливо, а с победительной энергией и в ритме, и в интонации.

Глазков был новатор: он творил свои небывалые слова, а слова привычные так сталкивал лбами, что образные искры летели врассыпную. Так, он — почти не издаваемый и переплетавший листки со своими шедеврами в доморощенные тетрадки для друзей — изобрёл слово «самиздат» (первоначально: сам-себя-издат), вошедшее в трагическую лексику советской эпохи как слово общенародное. А ещё он, рождённый в январе и знавший толк в бражничестве, придумал месяц «пьянварь».

Глазков был основателем целого литературного направления по имени «небывализм», задуманного как дочерняя ветвь футуризма: была плеяда, были манифесты, были проек-

ты — их смяло время и загнало в архивные тайники, в подсознание, в нети. Прощаясь и с этим замыслом, Глазков в 43-м написал пронзительно гордые строки:

Не тужи о нас. Нам весело
И в подвалах нищеты.
Неожиданность инверсии
Мы подняли на щиты.

В дальнейшем свои инверсии, свои исторические прозрения, свои парадоксы, каламбуры и афоризмы поэт всё же сохранил, хотя и под щитом.

Глазков был личность, одарённая всесторонне. Сильный шахматист. Увлекался боксом. Действительный член Географического общества. Актёр. Помните летающего мужика из фильма «Андрей Рублёв» А. Тарковского? Это он, Глазков.

Он был человек очень высокий, могучий, сутулый, бородатый и юродиво-красивый. Юродивость его шла от презрения к строю и власти, и от страха перед ними (страх без заискивания — уже мужество), и от высшей народной мудрости:

Надо быть очень умным,
Чтоб сыграть дурака, —

подытожил он свой уникальный опыт уже в шестидесятые.

Коллеги его снисходительно любили (лучшие из них втайне прекрасно осознавали кто есть кто, но официальную иерархию не разрушали никогда), опасливо сторонились и кто как мог грабили. Да, Глазков весь разворован — по строчкам, по образам, по рифмам, по метафорам. Самый честный из согладатаев сказал об этом ещё при жизни поэта:

Он остался на перевале.
Обогнали? Нет, обогнули.
Сколько мы у него воровали,
А всего мы не утанули, —

чётко констатировал Борис Слуцкий.

Нынче пришла пора Глазкова. Выходят его неизданные стихи и поэмы. Репродуцируются графические наброски, шаржи. Пишутся мемуары и статьи. А ведь он и это предсказал более полувека назад:

Писатель рукопись посеял,
Но не сумел её издать.
Она валялась среди Расей
И начала произрастать.

Настоящая публикация и есть очередное произрастание рукописей, подготовленных к печати сыном поэта, художником Николаем Глазковым (Коля маленький, звали его в семье), — рукописей из огромного и драгоценного глазковского архива...

Татьяна Бек, «Слово», 1996

Строки из статьи Татьяны Бек, написанные ею десять лет назад, в полной мере можно отнести и к предлагаемой вниманию читателей книге избранных произведений Николая Глазкова «Хихимора».

Н. Н. Глазков

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Н. Н. Глазков. От составителя</i>	5
--	---

Я на мир взираю

«Некий царь из тех династий...»	8
«Рекламы города цветут...»	8
«По небосклону двигалась луна...»	8
Пират.	9
«Не хочет Бог, чтоб каждый верил в Бога...»	9
«В тот день улетучилась к чёрту победа...»	10
Шагреневая кожа	10
«Мне ночь дарует мрак...»	10
«Люди бегут на лыжах...»	11
Заклинание от холода	12
Действительность.	12
«Шкура онагра из Азии...»	13
«Жизнь — путёвка в Сибирь...»	13
Ворон.	14
«Как рыбы, золотые купола...»	15
«Водка жизни испита...»	15
Баллада баллад	15
«Есть на этом свете счастье?..»	18
«В созвездья линзами двоякими...»	18
«В недрах соответствующего строя...»	18
«Я ненавижу эти правила...»	19
«Будут гонки, либо ралли...»	19
«Путь азбучных истин неведом...»	20
«Был легковерен и юн я...»	20
Псалом	20
«Век двадцатый войной исковеркан...»	22
«Я быть хочу смелее всех...»	23
«Проходя по знойному Арбату...»	23

«Не я живу в великом времени...»	23
«А если пыль дорожная...»	24
«Я мог бы прочитать Расина...»	24
«Поэзия! Ты не потерпишь фальши...»	25
«Если не по шучьему веленью...»	26
Лапоть	26
«Я не знаю, братцы...»	28
Всемирная история в самом сжатом виде	29
«Существуют четыре пути...»	29
«Я был дураком, стариком, инвалидом...»	30
«Кто за меня, кто за него...»	30
Про одноглазок	31
«Молодость проходит удалая...»	32
«Ежели ты праведник...»	32
«Но если путь к иным победам...»	33
«Мы любим жизнь со всеми трын-травами...»	33
«Не Дон Кихот я и не Гулливер...»	34
Стихи, написанные под столом	34
«Чья душа настолько измельчала...»	35
«Азбука теней...»	36
Среднеазиатское	37
«Рыба преисполнена доверья...»	37
«Все, которые на крыше...»	38
«Поглядеть велит сам бог нам...»	38
«Бывают в нашей жизни величины...»	38
Примитив	38
Моя жена	40
«Подальше убаться...»	41
За новое счастье	42
Зимнее утро	42
«Не очень трудно обмануть...»	43
«Людское коварство издедав...»	43
Что лучше?	45
Реставратор	45

Гимн клоуну	46
Дервиш и моряк (<i>Арабская притча</i>)	47
«Взбираться по отвесным скалам сложно...»	48
Размышленья	48
«Не надо глупости бояться...»	49
«Есть преданье: Иуда повесился...»	50
«За что мне нынче не лафа?...»	50
«Что лучше: вежливость иль грубость?...»	51
«Кем больше быть хочу, спросили...»	51
«Жить и жить полезней и прелестней...»	52
Мировая дурь (<i>Поэма</i>)	53
Поэма моей звезды	58
Разумный Герострат (<i>Пьеса</i>)	72
Герострат	87
Искусствовед и Герострат	87

Лирь

«Есть страна Египет...»	90
Гоген	90
«С моста вода видна до дна...»	91
«С женщиной какой-нибудь такой...»	91
«Снежинки падают...»	92
«Всё это очень глупое...»	92
«Все мы, проработавшие Пушкина...»	93
«Хотя играл огнями город, но...»	94
Письмо знакомке	95
Лирь	96
1. «Жила на свете женщина...»	96
2. «Всё бывает...»	97
3. «Жила-была девочка...»	98
4. «Почти что не читаю я книг теперь...»	98
Н. Ф. Р.	99

«И эта не та...»	100
«Все цветочки полевые...»	100
«Ты лучше многих понимала...»	100
«Всё на свете очень сложно...»	100
«Того Вы захотели сами...»	101
Из цикла стихотворений «Лирика 1945 года»	102
«Я на руки взял тебя и на кровать...»	102
«Никогда меня не суди...»	103
Из проклятого прошлого.	103
Боярыня Морозова	104
Ровеснице	106
«Это так устроено Всевышним...»	107
«Я знаю, что она одна...»	109
«Когда течёт ручьём...»	109
Л. Н. Н.	110
Эрочке и Наташе	112
В Новом Афоне	113
Иван-да-марья	116
«И неприятности любви...»	116
Из цикла стихов И. М. Л.	116
Муки Танталя	117
«Говорят, что под старость...»	118
«Ты, как в окно...»	119
«Раннее утро. Москва тиха...»	120
«Милая моя любимая...»	121
«Возбуждаешь ты теперь...»	121
«Милая, в нашей судьбе...»	122
Иночке новорожденной	123
«Если будут стихи...»	124
Во все времена года	125
«Я очень одинок...»	125
«Поехать надо нам на лоно...»	126
Старому другу на Новый год.	126

Чистая лирика	127
1. «Зимой я замерзаю от мороза...»	127
2. «У меня с тобою предисловье...»	128
3. «Если, в своих стихах утоня...»	128
4. «Возле дома того водоём...»	129
5. «Как-то не эдак прошёл день...»	130
6. «Живи со мной и не печалься...»	130
7. «Я веду с тобою разумную речь...»	130
8. «Чтобы жизнь не была загадкой...»	131
9. «Так всегда, я раз сто болею...»	131
Любвеграфическая поэма	133
Люяблю (<i>Поэма</i>)	137
Хихимора (<i>Поэма</i>)	141
Лида (<i>Поэма</i>)	145
Третий берег (<i>Отрывки из поэмы</i>)	158
Вступление в поэму	161
Объяснение любви	163
«Это надо понимать...»	167

Наука выпивать

История Выпивакина Старкина, рассказанная колхозницей села

Глушихина Опрокиньей Выпивановой	170
Окурок	171
«Пьяный ушёл от зимнего холода...»	171
Послание Ильи Муромца Алёше Поповичу	172
«Если сделает жизнь...»	173
Гимн	173
Лубочная картинка	174
«Я пишу на редкость мало...»	175
Про виноград	175
Экзотика 1947 года	178
«Эти сказки и легенды...»	179
«Чем ярче индивидуальность...»	179

Имени тов. Матвеева	180
Мрачные трущобы	181
Четыре времени года (<i>Подражание Пьеру Беранже</i>)	183
«Одиннадцатый час...»	185
Былина о богатыре Нарочитове	186
Про чертей	188
За мою гениальность	190
Спор водки с коньяком	191
Дурак и коньяк	194
История с придурками	195
«Если деньги в землю закопать...»	197
«Великолепен мир под солнцем...»	197
«Закуска без вина скудна...»	197
Гипнотизёр	197
«Быть хочешь постоянно пьяным...»	199
«На пир в ауле...»	199
Неясность	200
Оптимистический тост	201
Ошибочная поговорка	202
Застольные строфы	203
«Среди дорог, среди тревог...»	204
С семью пятницами на неделе...»	204
«Я знаю цену уверениям пьяным...»	204
Чтоб люди выпивали так, как люди...	205
«Веселье боги обожали...»	206
Амулет	206
«Вино из всех лекарств лекарство!»...»	206
«Врач Зевс зовёт врача Орла...»	207
Одиночество (<i>Поэма</i>).	208
Великий маг (<i>Одноактная пьеса-сказка для кукольного театра</i>)	219

Дорога далека

«Как из чернильницы вино...»	238
Рембо	238
Ярыжка Фёдор Барма	239
«Эх, раскинулось да Запорожье...»	240
«Я пешком прошёл по трассе...»	241
Красное и жёлтое	241
«В мелких и грязных делах...»	242
«Колосья подкосило колесо...»	243
Дорога для других	243
«Холодно на планете...»	244
Анархист	244
1612—1812—2012	215
Воспоминания о мистицизме	245
Поэт и народ	246
«Умирая...»	247
Судьба владык	248
«Вы, люди недобрые...»	250
«Объяснять не стану, отчего это так...»	250
«Не я живу в великом времени...»	251
Китайская стена	252
Про Садко	253
«Вижу церковь и колокольню...»	255
«Кто за меня, кто за него...»	255
«Зачем вся жизнь моя игра...»	256
Астероиды	257
«Всё, что очевидно...»	258
«Будет жизнь настоящая вся моя...»	258
«Знаю, мне всё равно никогда не ответится...»	258
«Жил человек с особым мнением...»	259
«В истории племён, с времён пещерной тьмы...»	259
«Что ни год, идёт вперёд...»	260
По поводу зависти	260

«Пройдут не скоро горе и болезнь...»	261
Церера (<i>Гипотеза</i>)	261
Марсианская баллада	263
В Александровской слободе	264
Свобода	265
Чучуна	265
«Вы восхваляли и прилежно хаяли...»	266
Царь-фонарь	267
«Гениальность часто не в чести...»	267
«Ошибки мне сопутствуют всегда...»	268
«Нам молодых считать нельзя...»	268
Золотой век	268
Гололедица (<i>Песенка клоуна</i>)	269
Песня разлуки (<i>Из кинофильма «Роман о влюблённых»</i>)	270
Эдисон	271
Здравый смысл	272
Кемская легенда	273
Смутное время	274
Начало Руси	275
«Пушкин, как никто, умел смеяться...»	276
«На свете существуют убеждения...»	276
«О счастье не могло быть речи...»	277
Тутанхамона сидел я в гробу	277
Русь непреходящая	278
Азия (<i>Поэма</i>)	280
Поэтоград I (<i>Мозаично-фрагментарная поэма</i>)	302
Поэтоград II	311
Дорога далека (<i>Поэма</i>)	326
Юность Рублёва (<i>Поэма</i>)	341
Григорий Распутин (<i>Трагикомедия в одном действии</i>)	364

Моим читателям

Австралийская плясовая	376
Про футбол	376
«Вещи будут мало стоить...»	376
Воспоминание о творческом кризисе	377
Евгений Онегин	378
Оснегоид	378
«Ночью трава холодна...»	379
Горячая женщина	379
Квинтэссенция о воде	381
Потерпевшим кораблекрушение	381
Из цикла «Азиатские стихи»	382
Голубь	382
Оптимистический бред	385
Антифаталист	385
«Когда я думал о себе...»	386
«Надо плакать и смеяться...»	386
«Молодой, а в мечтах своих — классик...»	387
«В переулочки, где те...»	387
«Возникли образы поэм...»	388
«Самокульт. Но меня довели...»	389
«Моя страна, что прочие затмила...»	390
«Солнце, блестя, как пожарная каска...»	391
«Система всяческих запруд...»	391
Про корову	391
«Пришла пора осенняя...»	393
«Я весь век свой желаю опередить...»	393
«Два инвалида на базаре...»	394
«Милиционер!...»	395
«Возможно, будет речь моя резка...»	395
На берегу океана	395
Одной из двух умнейших посвящения	396
«В мире самой хорошей...»	396

«Вы думали про то, что выдумали...»	396
«С растрёпанными волосами...»	397
Другу	397
«Не ведая брода...»	398
«Хорошо пойти пошляться...»	398
«Опять удачный выпал номер...»	399
Руки	400
«Не удавлюсь в руках верёвки...»	400
«Упустил момент...»	400
«Ветры буйные, развейте...»	401
То	402
«Всё лучшее из всех земных даров...»	402
«В моей башке какой-то рой вопросовый...»	403
«Слово лучше компаса в пути...»	404
«Один товарищ ехал в гости...»	404
Ха-ха	405
«Пусть зимою, как собака...»	406
Рынок	406
9 Мая	407
Я хочу	408
Герои, и только герои!	409
Паук и орёл	410
Ой-ой	410
Жалоба	412
Характеристика	413
«Он был стране отцом любимым...»	414
Кинжал	415
«Жил да был один товарищ...»	416
«Мне нравятся небесные тела...»	416
«Лето было очень знойным...»	417
В Спасо-Евфимиевском монастыре (<i>Песня, справедливая на 85%</i>)	418
«Что такое моя биография?..»	419
Северная романтика	420
Новгородская грамота	421

Кролики и зайцы	421
Леший	423
«Сияет лампочка в сто ватт...»	423
Древняя Москва	424
«Скрывать не собираюсь истину...»	425
Почему?	426
Кот Агат	427
«Она купалась в проруби...»	429
«Конечно, шахматы — игра...»	430
Вселенская тоска	431
«На Триумфальной арке шесть лошадок...»	432
Философы Боспорского царства	432
Пан Коперник	433
Романтическая баллада	434
Лунатик (<i>Поэма</i>)	437
Фантастические годы (<i>Поэма</i>)	439
По Глазковским местам (<i>Поэма 1946 года</i>)	444

За добротой побрёл в леса

«Любуюсь солнечной весной...»	450
«Только сильный и отважный...»	450
«А вы все, а вы все...»	450
«В Дар-эс-Саламе сизы дали...»	451
«Пароход, всё равно какой...»	451
Морская волна	453
«Мне бы спать и спать — но просыпаюсь...»	454
Каховское водохранилище	454
Грибы	455
«Посещает зимний холод...»	457
«Светлее облака и снега...»	458
Утро в Сергеляхе	458
Даниэль	459
Мамонт	459
Кочевья	460

Про бурундука	461
«Ребёнок иногда умнее взрослых...»	462
Цветущие деревья	462
Доброта	462
Север зовёт	463
Озимые	463
«Когда желанная весна...»	464
«Настанет год — России добрый год...»	465
«Растут всего быстрее сорняки...»	465
«Деревья обретають мощь...»	466
«Радость начинается весной...»	466
Да здравствует весна!	467
Штраф	468
Росинки	469
Рябина	469
«Одни растения любят солнце...»	470
«Существа иных цивилизаций...»	470
Третье октября (<i>Сонет-акrostих</i>)	471
Прекрасен лес (<i>Поэма</i>)	472
Одно разумное желанье (<i>Пьеса-сказка</i> <i>для театра в трёх действиях</i>)	481
Д. Самойлов. Фрагменты автобиографии, продиктованной Николаем Глазковым Давиду Самойлову	520
Т. Бек. Неизвестный Глазков	526

Литературно-художественное издание
Серия «Поэтическая библиотека»

Николай Иванович Глазков

Хихимова

Редактор
Лариса Спиридонова

Корректор
Ирина Машковская

Художественный редактор
Валерий Калныньш

Вёрстка
Иван Земляченко

Подписано в печать 22.01.2007.

Формат 60×70 1/16.

Бумага писчая. Гарнитура New Baskerville.

Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 26,1.

Заказ № 52.

«Время»
115326, Москва, ул. Пятницкая, 25
Телефон: (495) 231-18-64
e-mail: letter@vremya.ru
<http://books.vremya.ru>

Отпечатано в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
<http://www.uralprint.ru>
e-mail: book@uralprint.ru

Поэзия! Ты не потерпишь фальши
От самого любимого поэта.
Я для себя пишу всё это. Дальше
Плывут стихов задумчивые баржи.

.....

И если я не буду напечатан,
А мне печататься сегодня надо,
То я умру, швырнув в лицо перчатку
Всем современникам, — эпоха виновата!

Я захлебнусь своими же стихами,
Любимый, но и нелюбимый всеми.
Прощай, страна! Во мне твоё дыхание,
Твоя уверенность, твоё спасенье.

Николай Глазков

<http://books.vremya.ru>

информационная поддержка

ISBN 978-5-9691-0180-X

